

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

ТРЕТЬЯК СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

**СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ В АФРАЗИИ**

Специальность 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Шепелев Максимилиан Альбертович

Симферополь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ АФРАЗИИ.....	20
1.1. Афразия как геополитический регион и «тюркоцентристский» подход Турции к формированию макрорегиональной политики	20
1.2. Идеино-ценностный базис и инструментарий внешней политики Турции в Афразии	44
1.3. Теоретико-методологические основы исследования	64
ГЛАВА 2. СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В АФРАЗИИ.....	72
2.1. Тюркский проект и экономическая логика турецкой политики в Восточной Афразии	72
2.2. Идеология и безопасность в южноафразийской политике Турции	89
2.3. Экономические возможности и геополитическое значение Западной Афразии для Турции.....	104
ГЛАВА 3. ТУРЦИЯ КАК НОВАЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА: АМБИЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.....	118
3.1. Геополитические и геоэкономические параметры Турции как потенциальной великой державы в контексте глобальной конкуренции	118
3.2. «Имперское перенапряжение» Турции и техноэкономические детерминанты ее суверенитета в сравнении с другими акторами.....	133
3.3. Перспективы и риски неоосманизма как основы курса Турции на достижение статуса великой державы.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	196
ПРИЛОЖЕНИЯ	238

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования внешнеполитического курса Турции обусловлена фундаментальной трансформацией современного международного порядка, который переходит от моноцентричной к полицентричной модели глобального управления. Этот переход создает благоприятные условия для ревизии сложившейся системы международных отношений. В данном контексте Турция с 2002 г. под руководством Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития (ПСР) последовательно осуществляет стратегическую ревизионистскую политику, направленную на возвращение имперского влияния и вхождения в клуб современных великих держав. Суть этой политики, известной под общим термином «неоосманизм», заключается в освобождении от свойственной для второй половины XX в. чрезмерной политической, военной и экономической зависимости Турции от Запада посредством установления доминирования в Афразийском пространстве – регионе-геополитическом наследнике Османской империи. Расположенный на стыке трех континентов регион Афразии обладает уникальным стратегическим значением благодаря концентрации в его пределах ключевых логистических узлов и природных ресурсов. Контроль над ключевыми процессами в данном регионе, по задумке Анкары, позволит ей добиться реставрации имперских позиций, утерянных после Первой мировой войны, и войти в клуб ведущих мировых держав.

Дополнительную актуальность исследованию придает феномен регионализации политических процессов, в рамках которого Турция, традиционно рассматривавшаяся как периферийный элемент трансатлантической системы, осуществляет радикальный пересмотр своего внешнеполитического курса. Анкара реализует комплексную стратегию политической, военной, экономической и культурно-гуманитарной экспансии в Афразии, используя «османское наследие» как инструмент для трансформации собственного международного статуса.

Тем не менее, к концу первой декады XXI в. геополитические амбиции Турции вошли в очевидное противоречие с внутренними макроэкономическими

ограничениями. Несмотря на впечатляющие политические, экономические и гуманитарные успехи в Африке, все больше факторов говорит о том, что к третьей декаде XXI в. активная региональная политика Анкары так и не трансформировалась в устойчивый экономический рост и повышение благосостояния населения, а, напротив, истощила ресурсы, необходимые стране для долгосрочного развития. Возникает парадоксальная ситуация, когда попытка вернуть субъектность и суверенитет через внешнюю экспансию ведет к усилению внутренней уязвимости и зависимости от внешней конъюнктуры, что и составляет суть кризиса перенапряжения, который многие исследователи называют «имперским».

Понимание природы данного кризиса может быть полезным для России с практической точки зрения. Опыт Турции, в частности, иллюстрирует возможную связь между амбициозной внешней политикой, не обеспеченной прочным экономическим фундаментом, и обострением внутренних проблем. Осмысление этого опыта способствует поиску баланса при выстраивании внешнеполитической стратегии. В конечном счете, турецкий пример служит важным напоминанием, что подлинный суверенитет и статус великой державы достигается не только благодаря военно-политической экспансии, но, прежде всего, через обеспечение внутренней экономической стабильности и внешней технологической конкурентоспособности, без которой любые внешнеполитические амбиции в XXI в. остаются неустойчивыми и потенциально опасными для национального развития.

Степень разработанности проблемы исследования. В основу исследования положен обширный массив литературы, посвященный современной политике Турции в пространстве Африка и смежным темам. Изученная научная и аналитическая база была сгруппирована автором в пять тематических блоков.

Первый блок посвящен специфическим чертам Африки как целостного геополитического региона. Об интеграционной склонности африканского пространства в контексте крупных историко-цивилизационных форм писали отечественные и зарубежные ученые Л. С. Васильев [9], Н. Э. Демешко [5], А. А. Ирхин [5], Н. Е. Кабанова [5], Н. С. Кирабаев [9], Х. Маккиндер [7], О. А.

Москаленко [5], Ю. В. Павленко [9], В. М. Раков [10], А. Тойнби [6], М. Г. Ходжсон [11]. Исследованием региона как пространства межкультурного диалога между Азией и Африкой занимались С. Адем [13], Р. Аухенбах [16], В. Бахманн [15], Я. Бик [16], Н. Бхаруджа [12], М. Еичи [14], Дж. Н. Каругия [12; 16], А. А. Мазруи [13], Р. Мажеза-Бартель [16], М. Пандуранг [12], Ф. Шульце-Энглер [12]. О географических рамках Африки, совпадающих с границами Большого Ближнего Востока, писали В. Г. Барановский [20], Т. А. Ганиев [18], В. В. Карякин [18], Д. О. Макаров [19], В. В. Наумкин [20], Д. К. Погосян [17].

Во второй блок входит характеристика «тюркоцентристского» подхода Турции к конструированию пространства Африка, особое место в разработке которого занимают труды А. Давутоглу [36; 37]. Исследованием данного направления занимались В. А. Аватков [33; 47], О. В. Барнашов [50], А. В. Белоглазов [32], В. А. Дергачев [31], Н. Э. Демешко [43], К. А. Гумбатов [44], А. А. Ирхин [43; 51], А. Исаев [49], Н. Е. Кабанова [43], В. В. Матюхин [24; 48], О. А. Москаленко [43; 51], Р. Н. Надыров [32], А. О. Осипян [22], Х. Е. Салум [35], А. В. Сулейманов [23], А. Тепе [39], М. А. Шпаковская [50]. Также описанием идеологических конструктов, положенных в основу современного подхода Турции к африканскому пространству, занимались такие советские ученые, как М. А. Гасратян [25], И. Ганусец [26], О. И. Гигинейшвили [30], Д. Еремеев [28], С. Ф. Орешкова [25; 29], Ю. А. Петросян [25], И. В. Самыловский [27], А. А. Чакрян [29].

Третий блок рассматривает основы современной внешней политики Турции в Африке. Элементы ее идейно-ценностного базиса исследовали В. А. Аватков [33], Л. Н. Галимова [53], Л. Е. Гринин [69], А. А. Деев [63], Н. Э. Демешко [61], А. А. Ирхин [60; 61], Д. М. Ишанова [58], А. В. Коротаев [69], В. В. Матюхин [57], В. А. Надеин-Раевский [59; 62], Л. А. Сафарян [55], П. Е. Смирнова [54], М. Ш. Товсултанова [53], Р. А. Товсултанов [53], Н. С. Трубецкой [64], Н. В. Шкира [65]. Инструменты внешней политики Турции в Африке в своих трудах описывали В. А. Аватков [74; 82], А. И. Алиева [96], В. А. Дергачев [31], Н. Э. Демешко [5], Н. В. Ибадов [104], А. А. Ирхин [5], Н. Е. Кабанова [5], М. А. Колесникова [73; 83];

106], Н. С. Кулиева [77], Л. Д. Мишин [74], О. А. Москаленко [5], С. Н. Шелестов [82], П. В. Шлыков [70], М. Урпер [73].

В четвертом блоке отражены специфические особенности политики Турции в каждом из субрегионов афразийского пространства. В отношении Восточной Африки их характеристикой занимались В. А. Аватков [113], Л. М. Алексанян [117], Д. Г. Бдоян [112], А. В. Белоглазов [32], Э. Г. Вартаньян [147], К. Н. Гасанов [124], Н. Э. Демешко [61], И. И. Иванова [136], А. А. Ирхин [61], В. Н. Коновалов [111], Р. Н. Надыров [32], Ю. В. Павленко [143], Б. А. Парахонский [143], Г. К. Погосян [111], Р. Н. Шангараев [131; 150], Д. Э. Эбжноу [110]. Ключевые характеристики турецкой политики в Южной Африке даны в работах таких авторов, как В. А. Аватков [152; 192], Ю. А. Белоус [165], О. В. Барнашов [202], В. А. Данилов [202], К. Н. Гасанов [155] [201], Е. М. Горюшина [165], Р. И. Гузаеров [192], А. И. Зубкова [183], А. Инсель [184], А. А. Колесников [169], М. А. Колесникова [191], Н. С. Кулиева [165], А. К. Малаховский [202], В. Наумкин [179], А. О. Осипян [187], И. А. Сандано [154], И. А. Свистунова [153], А. Сваранц [162], А. Фролов [195], М. Урпер [169], П. В. Шлыков [182], М. А. Шпаковская [202], Ю. Б. Щегловин [176]. Характерные элементы политики Турции в Западной Африке описывали В. А. Аватков [219], Л. М. Алексанян [222], Э. Бовьер [240], И. Бочаров [237], А. Богуславский [217], В. Гончаров [223], А. Габриелян [235], А.-С. Виал [240], О. А. Капошин [238], Д. Миргород [239], А. Ю. Носков [218], И. А. Свистунова [229], А. Тепе [234], Ю. О. Томилова [219], Ю. Б. Щегловин [245], В. С. Ягья [220].

Пятый блок включает в себя ключевые критерии оценки потенциала Турции как великой державы, в число которых входят геополитические, геоэкономические, ресурсные, технологические и демографические параметры. Они нашли отражение в работах таких авторов, как А. Алесина [295], Д. С. Апинян [305], Е. С. Арляпов [254], У. Я. Асал [262], Р. Вацарг [295], М. Йилмаз [261], О. Д. Макара [262], Г. Г. Малинецкий [296], С. Малкомсон [294], А. О. Митряйкина [276], Е. Г. Пономарев [254], Н. Дж. Спикмэн [249; 250], Э. Спалаоре [295], К. Г. Суанян [305], Е. Чобанян [306], Р. Н. Шангараев [143], М. Яба [261]. Гипотеза о возможном

наступлении в Турции фазы «имперского перенапряжения» базируется на теории, ключевыми авторами которой являются П. Кеннеди [264], Р. Коллинз [266], У. Макнилл [265] и Т. Скочпол [267]. Социально-политические основы неосманского курса Турции и его современное состояние исследовали Т. А. Ахмедов [333], В. В. Зубов [338], С. Иванов [335], С. Кагаптай [341], Ш. Х. Нуруллаев [337], И. Панкратенко [326], М. Соболев [344], Н. Ю. Ульченко [316], М. М. Шумилов [337].

Цель диссертационного исследования – исследовать внешнюю политику Турции в пространстве Афразия.

Для достижения заявленной цели работы решаются следующие **задачи**.

1. Охарактеризовать специфику Афразии как особого геополитического региона.
2. Выявить роль Турции как субъекта региональных геополитических процессов в пространстве Афразии.
3. Раскрыть идейно-ценностный базис и определить инструментарий внешней политики Турции в Афразии.
4. Определить структуру внешней политики Турции в пространстве Афразии и особенности механизмов ее реализации в зависимости от субрегиона.
5. Раскрыть геополитические и геоэкономические параметры мощи Турции, достигнутые ею в рамках «афразийской» политики.
6. Провести оценку экономической эффективности Турции на основе анализа ее ключевых макроэкономических показателей.
7. Рассмотреть техноэкономические детерминанты Турции, влияющие на ее позиции в борьбе за статус великой державы.
8. Проанализировать современное состояние и перспективы умеренно-исламистской власти и неосманской идеологии в Турции как концептуальной основы ее курса на достижение статуса великой державы.

Объектом исследования является внешняя политика Турции.

Предметом исследования выступает афразийское направление внешней политики Турции.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2002–2025 гг., что обусловлено необходимостью анализа внешнеполитического курса Турции в Афразийском регионе после прихода к власти Партии справедливости и развития. Указанный временной отрезок соответствует периоду формирования и последовательной реализации нового турецкого внешнеполитического курса, основанного на принципах неоосманизма и стратегической переориентации Анкары в пространстве исторического османского влияния – для выхода из периферийного статуса Турции в рамках трансатлантической системы и движения к региональному лидерству с возможным переходом ее влияния на уровень великой державы. Выбор нижней хронологической границы (2002 г.) детерминирован началом системных изменений во внешнеполитическом курсе Турции, тогда как верхняя граница (2025 г.) позволяет оценить современное состояние и перспективы развития «афразийской» политики в условиях меняющейся архитектуры международных отношений.

Географические рамки исследования. Пространство Афразия географически детерминировано в пределах восточного субрегиона – Южным Кавказом и северными горными районами Ирана, в пределах южного – Аравийским полуостровом, в пределах западного – Северной Африкой до восточной границы Сахеля и Африканского рога.

Основная научная гипотеза исследования. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Турция проводит целенаправленный внешнеполитический курс по обретению статуса великой державы через освобождение от традиционной политической, военной и экономической зависимости от Запада. Данная стратегия, известная как «неоосманизм», использует пространство бывшей Османской империи (Афразию) и «османское наследие» в качестве ключевых ресурсов для изменения своего геополитического статуса. Однако в процессе реализации этого амбициозного курса Турция столкнулась с комплексом структурных проблем и ограничений – геополитических, геоэкономических и политико-социальных, – которые препятствуют полной реализации ее глобальных амбиций. Накопившиеся

противоречия между внешнеполитическими амбициями и реальными возможностями страны создают угрозу для долгосрочной устойчивости неоосманского курса и ставят под сомнение возможность достижения Турцией статуса великой державы в условиях формирующегося полицентричного миропорядка.

Теоретико-методологической основой исследования является синтез цивилизационной парадигмы и парадигмы политического реализма.

Цивилизационная парадигма позволила рассматривать политику Турции в Африке в контексте актуализации и практического применения культурно-исторического наследия Османской империи. В рамках нее неоосманизм представляется не просто внешнеполитической доктриной, а идеологией, апеллирующей к общей исторической памяти и культурным кодам народов Турции и стран Африканского пространства. Этим объясняется фокусирование турецкой «мягкой силы» на восстановлении культурно-исторических связей через такие государственные институты, как ТІКА или Фонд Юнуса Эмре.

Применение цивилизационной парадигмы дало возможность определить Африку в виде большого культурно-исторического пространства и тем самым объяснить претензии Анкары на особую роль в регионе. Более того, это позволило комплексно проанализировать риторику турецкого руководства о «братстве народов» и «исторической ответственности», раскрывая ее в виде инструмента обоснования гегемонистских амбиций. Обращение к цивилизационной парадигме дало возможность выявить идейную основу действий Турции, которая представляет Африку как собственное цивилизационное пространство, подлежащее реинтеграции под ее эгидой для обретения через это статуса великой державы.

Парадигма политического реализма позволила раскрыть прагматичную сторону борьбы Турции за влияние в Африке, фокусируясь на стремлении Анкары к региональной гегемонии, что проявилось в создании военных баз, силовых операциях, использовании рычагов давления и т.д. Историко-цивилизационная риторика при этом служит инструментом легитимизации этой прагматичной

политики. Реализм объясняет, как идеалистические лозунги сочетаются с ситуативными альянсами и жесткой прагматикой, диктуемой балансом сил. Обращение к парадигме политического реализма позволило также выявить важную закономерность, когда рост влияния Турции неизбежно провоцирует сопротивление других держав и ведет к росту издержек, увеличивая риски «имперского перенапряжения».

Ввиду структурных ограничений международной системы целесообразным также было обращение к положениям неореализма, в рамках которого политика Турции в Афразийском регионе может рассматриваться также как рациональная адаптация к упадку влияния сверхдержав XX в. и появлению стратегических вакуумов влияния. Современный же правовой характер международных отношений вынуждает Анкару часто использовать гибридные инструменты проецирования влияния.

В рамках исследования внешняя политика Турции в Афразии анализируется также через призму геополитического и системного подходов.

Геополитический подход позволил определить стратегическое значение Афразии для Турции, которая рассматривает ее в виде плацдарма для трансформации собственного международного статуса. Контроль над этим пространством рассматривается Анкарой как ключ к мировым морским путям, энергоресурсным регионам и зонам геополитического влияния. Данный подход объясняет логику размещения турецких военных баз за рубежом, реализации крупных внутренних и зарубежных инфраструктурных проектов, непопулярных турецких внешнеполитических инициатив и т.д. Разновекторное доминирование в пределах Афразии призвано обеспечить успех реализации великодержавных амбиций Анкары.

Системный подход дал возможность рассмотреть Афразию как целостный геополитический регион, а также проанализировать афразийскую политику Турции в виде комплексной системы действий по восстановлению имперского влияния. Его применение дало возможность выявить взаимосвязь между различными уровнями и плоскостями турецкой региональной экспансии, продемонстрировав,

как одни шаги влияют на эффективность других. Данный подход также показал, как глобальные изменения баланса сил и прочие внешние вызовы отражаются на региональной динамике, вынуждая Анкару адаптировать под нее элементы своей внешней политики.

Методологический инструментарий включает комплекс общенаучных и специальных методов. В их число вошли анализ и синтез эмпирических данных, их сравнение, анализ документов и анализ статистических данных, а также исторический метод. Автором был разработан и применен специальный количественный инструмент – Индекс ресурсной обеспеченности (ИРО). Его использование позволило провести расчет и оценку уровня энергетической независимости Турции в контексте ее внешнеполитической деятельности и глобальной конкуренции.

Эмпирическую базу исследования составил ряд источников. При подготовке работы автор опирался на тексты официальных документов, включая международные договоры и двусторонние соглашения, протоколы, законодательные акты, заявления, меморандумы, конвенции, официальные сообщения, обращения и публичные выступления, размещенные на официальных интернет-ресурсах Министерства иностранных дел Турецкой Республики, Института имени Юнуса Эмре, Международной организации тюркской культуры – TÜRKSOY, Турецкого агентства по сотрудничеству и координации – TİKA, Управления по делам турок за рубежом и родственных общин – YTB, Управления по делам религии Турции – Diyanet, Фонда Diyanet, Трансанатолийского газопровода – TANAP, Высшего избирательного совета Турции, Президента Российской Федерации, Государственного совета КНР, Евразийской экономической комиссии и др.

Для сбора статистических данных, необходимых для исследования, автор обращался к следующим источникам баз данных, размещенных на интернет-ресурсах: Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ООН), Управление энергетической информации США (EIA), Управление по регулированию энергетического рынка

Турции, Управление международной торговли Министерства торговли США, Всемирная ядерная ассоциация, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии, статистический ресурс Worldometer, статистический ресурс World Population Review, турецкая социологическая организация MetroPoll, Институт Гэллопа и др.

Источниками эмпирических данных послужили информационные и обзорные статьи, опубликованные в периодической печати и на электронных ресурсах. Автором были использованы следующие интернет-ресурсы: интернет-версия Большой российской энциклопедии, портал КиберЛенинка, портал журнала «Международная жизнь», портал Института Ближнего Востока, портал Российского совета по международным делам (РСМД), портал турецкого аналитического центра SETA, портал Middleeasteye, портал Каспийского института стратегических исследований, портал журнала «Россия в глобальной политике», интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение» и др.

Научная новизна полученных результатов.

1. Разработана авторская методика оценки ресурсного потенциала государств-претендентов на мировой статус посредством Индекса ресурсной обеспеченности, интегрирующего количественные показатели по категориям ресурсов (в исследовании – классических энергетических).

2. Проведен сравнительный анализ пространственной дифференциации турецкой политики в Африке (восточное, южное и западное направления) с выявлением специфических инструментов влияния и конкурирующих акторов для каждого субрегиона.

3. На основании анализа ключевых макроэкономических показателей доказано утверждение о вступлении Турции в фазу «имперского перенапряжения», которая стала очевидной на рубеже второй и третьей декад XXI в., что является прямым системным следствием ее активной неоосманской внешней политики, направленной на проекцию влияния в Африке.

4. Доказано утверждение о структурной ограниченности турецких амбиций по достижению статуса великой державы посредством проведения

комплексного анализа семи ключевых факторов (военно-политического, логистического, глобально-проектного, ресурсного, технологического, демографического и внутривластного), что позволило выявить качественное отличие потенциала Турции от возможностей других мировых центров силы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Представление об Афразии как о геополитическом регионе вошло в научный дискурс после распада Османской империи, приобретя современные очертания в связи с внешней политикой умеренно-исламистской элиты в Турции, пришедшей к власти в 2002 г. Хотя данный термин не закреплён официально в доктринальных документах, его концептуальное содержание находит отражение в политической риторике и практических действиях турецкого руководства, что свидетельствует о его неформальном признании среди правящей элиты и консервативных слоев турецкого общества. Внешнеполитическая активность Анкары в данном регионе соответствует парадигме «туркоцентричного» восприятия, где Афразия концептуализируется как историческая родина (Vatan) турецкого народа и связывается с эпохой его наибольшего величия и максимального территориального расширения.

2. Идеологическая основа современной внешней политики Турции в Афразии представляет собой синтез традиционных ценностей и прагматичных подходов, обеспечивающих эффективную реализацию стратегических интересов страны. Сохраняя неизменными фундаментальные принципы неосманской концепции, турецкое руководство демонстрирует значительную адаптивность в выборе инструментов и методов их применения, что позволяет гибко реагировать на новые вызовы в регионе.

3. Геополитическое положение Турции, сформированное историческими условиями ее развития, определяет структурные особенности ее курса на достижение статуса великой державы через установление доминирования в Афразийском регионе. Эти факторы обуславливают специфическую конфигурацию применяемых Анкарой механизмов и методов влияния,

сочетающих элементы «жесткой» и «мягкой силы» в различных пропорциях в зависимости от конкретного субрегиона и обстановки в нем.

4. Восточноафразийское направление внешней политики Турции отличается преобладанием пантюркистских установок (в их основе лежат этнолингвистические связи), направленных на укрепление тюркской идентичности и переходящих в пантуранистские, нацеленные на политическое объединение тюркских народов. основополагающий турецкий проект в регионе реализуется в виде конструирования Великого Турана – наднациональной разноуровневой структуры, центральное положение в которой должна занять Турция. Ее естественными соперниками в данном пространстве выступают Россия и Иран, реализующие собственную региональную политику ввиду близости границ, национальных интересов и вопросов безопасности.

5. Политика Турции в Южной Африке характеризуется преобладанием неосманских установок и актуализацией внутриисламской суннитской идентичности. Южноафриканскому субрегиону свойственно наличие значительного числа крупных региональных акторов-конкурентов – Иран, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), – а также надрегиональных – Россия, Китай, США, – интересы которых вынуждена учитывать Турция.

6. Западноафриканский вектор внешней политики Анкары определяется в большей степени актуализацией внутриисламской солидарности и ссылок на общее «османское» прошлое турок с народами субрегиона. При этом едва ли не главным двигателем политики в обозначенном направлении является турецкий экономический и геополитический интерес. Ключевым крупным региональным соперником Турции является Египет, надрегиональными – преимущественно Россия и Китай, в меньшей степени – США.

7. Претендуя на роль великой державы, Турция использует в Африке полный спектр инструментов для укрепления собственного геополитического влияния, однако в количественном и качественном отношении ее ресурсы часто

уступают возможностям ключевых мировых конкурентов, способных более эффективно проецировать силу на все континенты, в отличие от Анкары.

8. Турецкая политика по достижению статуса великой державы через установление собственного доминирования в Афразии, несмотря на системность и разновекторность, сталкивается с существенными макроэкономическими ограничениями, препятствующими реализации амбиций Анкары и позволяющими предположить о вхождении Турции в фазу «имперского перенапряжения».

9. Ресурсная зависимость Турции в энергетическом секторе создает уязвимость для ее внешнеполитического курса, вынуждая Анкару учитывать интересы стран-поставщиков, ведущих в пределах Афразийского пространства собственную политику.

10. Политическая устойчивость неоосманского курса имеет ряд уязвимостей, поскольку данная линия остается тесно связанной с персоной Р. Т. Эрдогана и Партией справедливости и развития, не будучи институционализированной (как кемализм) в качестве официальной государственной доктрины, что создает угрозу для реализации планов по достижению Турцией статуса великой державы.

11. Прошедшие весной 2023 г. всеобщие выборы, объединившие президентские и парламентские, продемонстрировали рост оппозиционных настроений. Экономические трудности Турции, с которыми она столкнулась в рамках своей политики в Афразии, подрывают общественную поддержку правящей умеренно-исламистской элиты. Социологические исследования, проведенные турецкой компанией MetroPOLL и американским Институтом Гэллопа (2018–2022 гг.), фиксируют самый низкий уровень одобрения политики власти за последние два десятилетия. Это ставит под вопрос преемственность и успех текущего внешнеполитического курса Турции в случае прихода к власти оппозиции, которая, в свою очередь, может уже сама провести ревизию государственной политики и отказаться (частично или полностью) от особо ресурсоемких инициатив.

Теоретическая значимость исследования. Разработанный автором Индекс ресурсной обеспеченности расширяет методологический аппарат сравнительных политических исследований, позволяя количественно оценивать ресурсную базу внешнеполитических амбиций государств. Определение Афразии в качестве целостного геополитического региона с собственной структурой взаимодействия глобальных и региональных акторов обогащает дискурс о трансформации современного миропорядка. Исследование также углубляет понимание механизмов использования исторического наследия во внешней политике, демонстрируя на примере, как османская идентичность была трансформирована в стратегический ресурс современной Турции. Большую ценность представляет анализ взаимосвязи между внутривнутриполитической стабильностью государства и его внешнеполитическими амбициями, раскрывающий уязвимость неоосманского проекта Турции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и оценки могут быть использованы внешнеполитическими ведомствами, полезны для государственных деятелей и дипломатов различного ранга, для экспертов в области международных отношений, специалистов-востоковедов и специалистов-африканистов. Материалы проведенного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по внешней политике Турции и международным отношениям на Южном Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке и в Африке для укрупненных групп специальностей и направлений 41.00.00 Политические науки и регионоведение, 58.03.01 Востоковедение и африканистика.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности полученных результатов обеспечивается репрезентативной теоретической и эмпирической базой, корректностью применяемых методологических принципов и апробацией материалов исследования.

Основные положения и выводы диссертационной работы были использованы для подготовки докладов и сообщений на научных конференциях, в том числе международных: Международная научная конференция «Великие державы в XXI веке» (К годовщине Крымской (Ялтинской) конференции союзных держав 1945

года) (12 февраля 2021 г.); VI Международный симпозиум по Ближнему Востоку «Социально-политические изменения на Ближнем Востоке» (18 мая 2021 г.); Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (17 декабря 2021 г.); Международный круглый стол «К 100-летию Генуэзской конференции и Рапсальского договора» (22 апреля 2022 г.); VII Международный симпозиум по Ближнему Востоку «Политическая и социальная стабильность на Ближнем Востоке» (10 мая 2022 г.); XL Международный Харакский форум «Политическое пространство и социальное время: Право силы против силы права» (5-7 ноября 2022 г.); Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (12 декабря 2024 г.); Международная научная конференция «Крым в мировом научно-образовательном пространстве» (18 декабря 2025 г.); Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (25 декабря 2025 г.); Международная научная конференция «Крым в глобальной политике: на перекрестке мировых проектов» (26 марта 2026 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей, в том числе 4 из них – в рецензируемых научных периодических изданиях, включенных в перечень ВАК РФ.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Диссертационное исследование выполнено в рамках темы научной работы кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» «Роль и место Крыма в развитии Российской Федерации в условиях формирования нового мирового порядка: политическое и международное измерения» (2021–2025 гг.), номер государственной регистрации АААА-А21-121011990134-4.

Соответствие темы и содержания диссертации паспорту научной специальности. Исследование соответствует пунктам паспорта специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

- п 4. «Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания

ценностей и интересов различных субъектов» (находит свое отражение в анализе идеологической основы политики Турции в Афразии как инструмента отстаивания ее национальных интересов);

- п 5. «Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке» (раскрывается в рассмотрении Турции как регионального центра силы, претендующего на изменение баланса и создание собственной сферы влияния в рамках трансформирующегося мирового порядка);

- п 9. «Геополитические факторы и процессы» (раскрывается в изучении пространственной и исторической динамики влияния Турции в крупном геополитическом регионе – Афразии);

- п 12. «Внешняя политика и дипломатия» (находит свое отражение в исследовании внешнеполитической деятельности Турции в отношении государств Афразии, ее региональных и надрегиональных акторов).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Общий объем работы составил 261 страницу, из них 41 – список использованных источников и литературы, включающий 346 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ АФРАЗИЯ

1.1. Афразия как геополитический регион и «тюркоцентристский» подход Турции к формированию макрорегиональной политики

Политическая история Турции в XXI в. представляет собой многоступенчатую систему решений и действий, направленных на фундаментальную ревизию итогов Первой мировой войны, ликвидацию установленной во второй половине XX в. чрезмерной зависимости от евроатлантической системы и – как финальный этап данного процесса – вхождение в клуб современных великих держав. Благоприятно этому способствовали события в мире конца XX в., связанные с распадом СССР, крушением Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и исчезновением «мировой системы социализма». Сложный «республиканский» период, характеризовавшийся большим числом внутренних проблем – экономических, социальных, идеологических, – привел к власти в Турции в 2002 г. умеренно исламистскую элиту в лице Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития, сформировавших новый государственный курс и положивших его в основу своей политики, проводимой по сей день.

В рамках диссертационного исследования важно дать четкое определение термина «великая держава», а также выявить ключевые характеристики, составляющие его содержание. При этом необходимо учитывать, что данное понятие носит неюридический характер и отличается высокой степенью условности. Его смысловые границы могут быть весьма подвижными и зависят от исторического контекста, что требует тщательного анализа применительно к конкретным временным рамкам и международным политическим реалиям.

Исследователи по-прежнему не пришли к единому пониманию категории «великая держава», хотя сам термин начал использоваться еще в XIX в. после

наполеоновских войн и формирования Венской системы международных отношений. Именно Венский конгресс 1814–1815 гг. закрепил этот статус за основными государствами антифранцузской коалиции – Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией. Примечательно, что даже побежденная Франция с 1818 г. стала рассматриваться как великая держава. Ключевой прерогативой этих государств изначально было право санкционировать любые территориальные изменения в послевоенной Европе. В 1833 г. немецкий историк Л. фон Ранке ввел это понятие в научный оборот благодаря своей работе «Великие державы» [1, с. 181].

Сегодня статус «великой державы», пусть и носящий формальный характер, традиционно закрепляется за пятью государствами – постоянными членами Совета Безопасности ООН: Россией, США, Китаем, Великобританией и Францией. Эти страны объединяет обладание значительными ресурсами, статус ядерных и космических держав, что создает материальную основу для активного продвижения их интересов в глобальной политике. Немаловажным аспектом является и их существенный культурно-исторический потенциал. При этом каждая из этих держав внутренне, на уровне как официальных властей, так и общественного сознания, признает и утверждает свою принадлежность к этому узкому кругу наиболее влиятельных государств мира [1, с. 182]. Современный же внешнеполитический курс Турции отличает ее стремление оспорить существующую ныне иерархию и войти в число ведущих мировых держав. Анкара, апеллируя к историческому наследию Османской империи, пытается обосновать свои амбиции, декларируя несправедливость и устарелость текущего международного порядка.

Возвращаясь к задаче определения термина «великая держава», стоит обратиться к Большой российской энциклопедии, которая описывает его как «государство, за которым признается способность использовать собственное политическое, военное, технологическое или экономическое влияние на глобальном уровне» [2].

Афразия (или Афразийское пространство) в рамках диссертационного исследования определяется как ареал исторического доминирования Османской империи, который современная Турция как правопреемник использует в качестве инструмента для проецирования влияния на мировую арену с целью трансформации собственного международного статуса. Итогом данного процесса, как отмечалось ранее, должно стать вхождение Турции в клуб великих держав XXI в., определяющих ход глобальных мировых процессов. Афразия понимается автором как геополитический регион с устойчивой исторической тенденцией к политической интеграции. При этом любой геополитический регион, в свою очередь, является частью «глобального социально-политического пространства, образованного на основе геополитического, экономического и социокультурного единства (единообразия)» [3, с. 189].

Интеграционные тенденции в рамках геополитического региона реализуются его акторами с целью:

1. «создания пространства военно-политической и экономической безопасности;
2. установления отношений доминирования между ядром региона и его периферией (унификация пространства региона);
3. приобретения конкурентных преимуществ во взаимодействии с другими геополитическими регионами и международными субъектами» [3, с. 189-190].

Отдельно стоит заметить, что характерной чертой геополитического региона может выступать повышенная конфликтность внутри него, последствия которой способны влиять на динамику остального мира [4].

Афразийское пространство традиционно характеризовалось наличием крупных объединительных (интеграционных) сил, способных к формированию и обеспечению функционирования крупных политических конструкций, а его кроссграничный характер, определяемый нахождением в зоне стратегического соперничества крупных мировых держав – главным образом России, США и Китая, – делает его особо значимым для исследования.

Афразия представляет собой большое геополитическое «пространство степи», как уже сказано, исторически склонное к политической интеграции. Впервые Афразия была объединена в единое политическое целое во времена Римской империи, достигшей ко II в. н.э. пика территориальной экспансии. Наследница Рима, Византия, продолжила поддерживать это единство, установив к VI в. контроль над большей частью Средиземноморья. Однако в VII в. на Аравийском полуострове возникла новая сила, бросившая вызов Константинополю. Последователи пророка Мухаммеда в ходе стремительных завоеваний не только отобрали у Византии ключевые провинции – Египет и Сирию, – но и расширили свои владения за счет Северной Африки и части Пиренейского полуострова. Арабский халифат, ставший преемником Рашидунского халифата, превратился в гигантский политический организм, объединивший территории от Гибралтара до Персидского залива.

Последней крупной силой, объединившей Афразию, стало государство, основанное турками-османами в 1299 г. на северо-западе Малой Азии. Оно достигло статуса империи после завоевания Константинополя султаном Мехмедом II в 1453 г. Османская империя, раскинувшаяся на территориях Восточного и Южного Средиземноморья, Балканского полуострова, Ближнего Востока, западного Кавказа и Северного Причерноморья, стала последней и, вероятно, самой могущественной политической структурой в истории Афразии. Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова и О. А. Москаленко считают, что «в своем имперском пути развития Османская империя повлияла на геоэкономические трансформации всего мира, сыграв значительную роль в стимулировании развития мореплавания и новых географических открытий» [5, с. 225]. Военно-политическая и культурная гегемония турок-османов сформировала Афразию как политический и социально-культурный регион с характерным историческим – османским – следом.

Рассматривая исторические интеграционные тенденции на территории Афразии, можно провести параллель с Евразией, однако их фундаментальное различие заключается в характере и устойчивости интеграционных моделей.

Евразийское политическое единство формировалось преимущественно «с Востока» – через волны гуннских и монгольских завоеваний, которые создавали жесткие, хотя часто и недолговечные имперские надстройки. Позже эти конструкции были в значительной мере реализованы Российской империей и СССР. В Афразии же объединение пространства происходило циклически и имело иную природу: интеграционный импульс исходил от средиземноморских и ближневосточных цивилизационных центров, последовательно воплотившись в Римской империи, Византии, Арабском халифате и Османской империи. Такого рода повторяемость может указывать на глубинную предрасположенность региона к единству, обусловленную его уникальным географическим положением – на перекрестке континентов, торговых путей и культур. В отличие от евразийской модели, где доминировала сухопутная экспансия из «степного ядра», афразийская интеграция чаще носила характер синтеза. Она опиралась на контроль над морскими бассейнами (Средиземное и Красное моря), ключевыми проливами и караванными путями. Благодаря этому в Афразии складывались более сложные и устойчивые формы политико-экономического и культурного взаимодействия.

Исследование политики Турции в Афразийском пространстве не представляется возможным без обращения к отечественным и зарубежным источникам, где косвенно или напрямую отмечаются его геополитические, геоэкономические, культурные и исторические свойства.

А. Тойнби, применяя цивилизационный подход, определял регион Афразии как ключевой в процессе мирового развития. Он утверждал, что природные условия этой территории создали уникально благоприятную среду для становления человеческой цивилизации. Именно здесь, в пределах Афразийского пространства, отмечал А. Тойнби, зародились первые очаги человеческой цивилизации [6]. В свою очередь, Х. Маккиндер в рамках развития концепции Хартленда («Сердца земли») использовал определение «земля в окружении пяти морей» в отношении данного региона. В границы Афразии он включил обширную континентальную зону, ограниченную пятью водоемами: Каспийским, Черным, Средиземным и Красным морями, а также Персидским заливом [7, с. 56-57].

Большая российская энциклопедия ассоциирует территорию Османской империи с понятием Ближний Восток, определяя его как территорию «на юго-западе Азии и северо-востоке Африки, на которой расположены Египет, Судан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция и Палестинская нац. автономия», которая до начала XX в. включала также страны Балканского полуострова [8].

Л. С. Васильев, Н. С. Кирабаев и Ю. В. Павленко определяют географические данные региона в контексте формирования «Мусульманско-Афразийской цивилизации», которая «охватывает исповедующие ислам народы различных этноязыковых семей – от Марокко и Сенегала на западе до Индонезии на востоке и от входящих в состав Российской Федерации автономных республик Татарстан и Башкортостан на севере до Йемена, Сомали и Судана на юге» [9, с. 27]. Исследователи рассматривают данную цивилизацию в двух основных аспектах: через призму религии, формирующей мировоззрение и образ жизни, и через территориальный фактор. Особый интерес в изучении эволюции этого геополитического пространства вызывает роль тюркских народов, достигших, по утверждению ученых, уровня цивилизационного развития. Полностью интегрировавшись в цивилизационную систему, они сформировали правящую военно-политическую элиту и усвоили ее социокультурные основы [9, с. 27].

Не менее значимый вклад в становление «Мусульманско-Афразийской цивилизации», по мнению Л. С. Васильева, Н. С. Кирабаева и Ю. В. Павленко, внесли арабы, «несшие Коран и создававшие великую империю на новых религиозно-политических основаниях» [9, с. 28]. Процесс формирования этой цивилизации как синтеза трех ключевых компонентов – арабского, иранского и тюркского – достиг своего апогея в Средние века. Как отмечают исследователи, тюркские и тюрко-монгольские завоевания XII-XIV вв. (осуществлявшиеся преимущественно тюрками под формальным руководством монголов) привели к возникновению мусульманской «Тюркско-Евразийской субцивилизации». Это цивилизационное образование включало два основных региона: Анатолийско-Закавказский (связанный преимущественно с турецкой и азербайджанской

культурами) и Южнотуркестанский (впоследствии развившийся в узбекскую, уйгурскую и другие национальные формы) [9, с. 43].

В. М. Раков также рассматривает существование региона Афразия в контексте наличия в его пределах исламской цивилизации, расположившейся, по его словам, между Индией и Ираном, Месопотамией и Сирией, Египтом и Иудеей. Арабские племена выступили в качестве посредников в межкультурном диалоге, развернувшимся на землях будущего халифата. «С XIV–XV вв. роль лидера исламского мира переходит от арабов к туркам. Их государство принято называть Османской империей. Оно значительно усиливается после завоевания Константинополя в 1453 г., а затем и всей Византийской империи», – пишет В. М. Раков [10, с. 79].

М. Г. Ходжсон прибегает к географическому определению региона, в большей степени соответствующему «туркоцентричному» пониманию пространства Афразии, реализуемому сегодня Анкарой на практике. В рамках изучения истории исламской цивилизации он отказывается использовать термин «Ближний Восток», отдавая предпочтение фразам «от Нила до Амударьи» или «между Нилом и Амударьей». Ученый подчеркивает, что «в иных случаях этот термин может охватывать территории от Марокко до Пакистана и даже включать некоторые удаленные мусульманские народы». Примечательно, что Западную Анатолию исследователь не относит к региону «между Нилом и Амударьей», так как область «располагается на противоположной стороне, на северном побережье Средиземного моря». По его мнению, такое положение в данной области сложилось за долгий период, начиная с правления лидийцев и заканчивая основателем Турецкой Республики М. К. Ататюрком [11].

В зарубежном политологическом сообществе Афразию часто рассматривают как важное пространство межкультурного диалога между Азией и Африкой – крупными развивающимися регионами, которым прогнозируют роль нового балансирующего фактора в мировой политике.

Как отмечают Н. Бхаруджа, Дж. Н. Каругия, М. Пандуранг и Ф. Шульце-Энглер, многовековые исторические, политические, экономические, социальные и

культурные связи сформировали здесь уникальную систему трансрегионального взаимодействия. При этом исследователи сознательно дистанцируются от контекста большого геополитического пространства, указывая на новое «пространство связующего взаимодействия децентрализованного мира», который, по их мнению, более нельзя анализировать с помощью прежних европоцентрических категорий, доминировавших долгое время в мировом научном дискурсе. Ученые отмечают длительный характер формирования региона и неоднородность афразийских связей. Они, по их мнению, «пересекли национальные, религиозные и этнические границы, породили трансрегиональные переплетения, которые порой стирают границы между якобы национальными историями и которые решительно сформировали общества, культуры и литературы в Африке и Азии» [12, с. 2].

С. Адем и А. А. Мазруи рассматривают Афразию как арену «мягкого» постколониального противостояния между ведущими игроками Глобального Юга и их «северными оппонентами». Исследователи подчеркивают сложную, перекрестную природу этого пространства, где пересекаются разнородные интересы и стратегии. Ученые подробно рассматривают политику Китая, Индии и Японии в афро-азиатском регионе, отмечая ее двойственную историческую динамику. С одной стороны, Африка и Азия исторически выступали своеобразными союзниками в борьбе против западной эксплуатации, с другой – конкурентами на сырьевых рынках. Особое внимание С. Адем и А. А. Мазруи уделяют различиям во внешнеполитических подходах рассматриваемых государств. Они отмечают, что, если Индия и страны Западной Азии делают акцент на «мягкой силе» через культурный и религиозный диалог, то Китай и Япония предпочитают экономическое сотрудничество и взаимодействие в рамках инфраструктурных проектов [13].

М. Еичи, в свою очередь, рассматривает пространство Афразии с позиции статистических перспектив. Автор определяет регион в качестве поля для неизбежного, по его мнению, цивилизационного диалога между Азией и Африкой в будущем. Дополнительным аргументом в пользу этого является то, что общая

площадь азиатских стран примерно равна общей площади африканских. Данный фактор делает обе группы относительно равнозначными геополитическими единицами (без учета внутреннего валового продукта, ВВП). Он подчеркивает, что к началу XXII в. численность населения двух регионов сравняется, плотность населения – также станет почти одинаковой. По его мнению, будущий облик международной системы отношений будет определяться политическим и экономическим диалогом, который организуют народы Африки и Азии [14].

В. Бахманн, аналогично предыдущим исследователям, отмечает возрастающую значимость сотрудничества «Юг-Юг» и сдвиг от афро-европейских к афро-азиатским отношениям. Ученый критикует попытки осмыслить эти процессы через ранее принятые механизмы региональной интеграции, применяемые к афро-европейским отношениям, которые, по его мнению, не отвечают требованиям более сложного африканско-азиатского контекста [15].

Р. Аухенбах, Я. Бик, Дж. Н. Каругия и Р. Мажеза-Бартель, в свою очередь, также трактуют Афразию как итог становления децентрализованного многополярного мира. Они видят в регионе пространство глобальных трансформаций, где уже проявляются конкретные результаты: новая политика развития, сотрудничество стран Глобального Юга, сохранение культурной памяти и укрепление транскультурных связей [16].

В отечественной политической науке географические рамки Афразии часто совпадают с границами образовавшегося в конце XX в. пространства, называемого Большой Ближний Восток (термин созвучен с американской концепцией «Большой Ближний Восток», ББВ). Название региона является «смысловым преемником» термина Ближний Восток, который в обозначенный временной период перестал корректно отражать собственные геополитические, геоэкономические и геокультурные характеристики, став географически значительно шире. Д. К. Погосян, к примеру, при рассмотрении характера Большого Ближнего Востока отмечает, что первоначально регион назывался Ближним Востоком, который включал страны Аравийского полуострова и Восточного Средиземноморья. Однако в конце XX в. ситуация фундаментально изменилась и прежнее понятие

«значительно сузило рамки исследования данного региона вследствие его расширения за прежние исторические рамки» [17].

Т. А. Ганиев и В. В. Карякин пишут о регионе, как о «новом геополитическом феномене», сформировавшемся по окончании холодной войны и с распадом СССР. По их мнению, Большой Ближний Восток включает «не только территории, прилегающие к Восточному Средиземноморью и Аравийскому полуострову, но и территории, прилегающие к Черному и Каспийскому морям, т.е. Малую Азию, Закавказье и Центральную Азию», на которые сегодня стремятся распространить свое влияние ключевые региональные лидеры, в том числе и Турция [18, с. 16].

Д. О. Макаров также рассматривает характер региона в контексте геополитической значимости, отмечая, что установление влияния в его пределах позволяет крупным державам «контролировать Восточную часть Средиземноморья, Черноморские проливы, Суэцкий канал и нефте-, газопроводы из территории Персидского залива, богатые залежи полезных ископаемых, базы воздушных сообщений между Европой, Юго-Восточной Азией и Дальним Востоком, огромные рынки сбыта и демографический потенциал» [19, с. 319].

В. Г. Барановский и В. В. Наумкин, в свою очередь, определяют рассматриваемый регион как сложную систему, состоящую из четырех взаимосвязанных, но самостоятельных региональных подсистем. Первой, по их мнению, составляющей этой системы выступает османский мир, сформировавшийся вокруг исторических центров Османской империи и охватывающий обширное пространство от современной Турции на севере до Ирака на востоке, включая Иорданию и Хиджаз (территорию современной Саудовской Аравии) на юге, а также простирающийся до Египта на юго-западной оконечности данного ареала. Вторым важным компонентом системы является иранский мир, географически сосредоточенный преимущественно на территории исторической Персии, но оказывающий значительное влияние на сопредельные регионы Южного Кавказа и части Центральной Азии. Третьим структурным элементом выступает аравийский мир, характеризующийся определенной ориентацией в сторону Индийского океана, но в целом сохраняющий замкнутый, самодостаточный

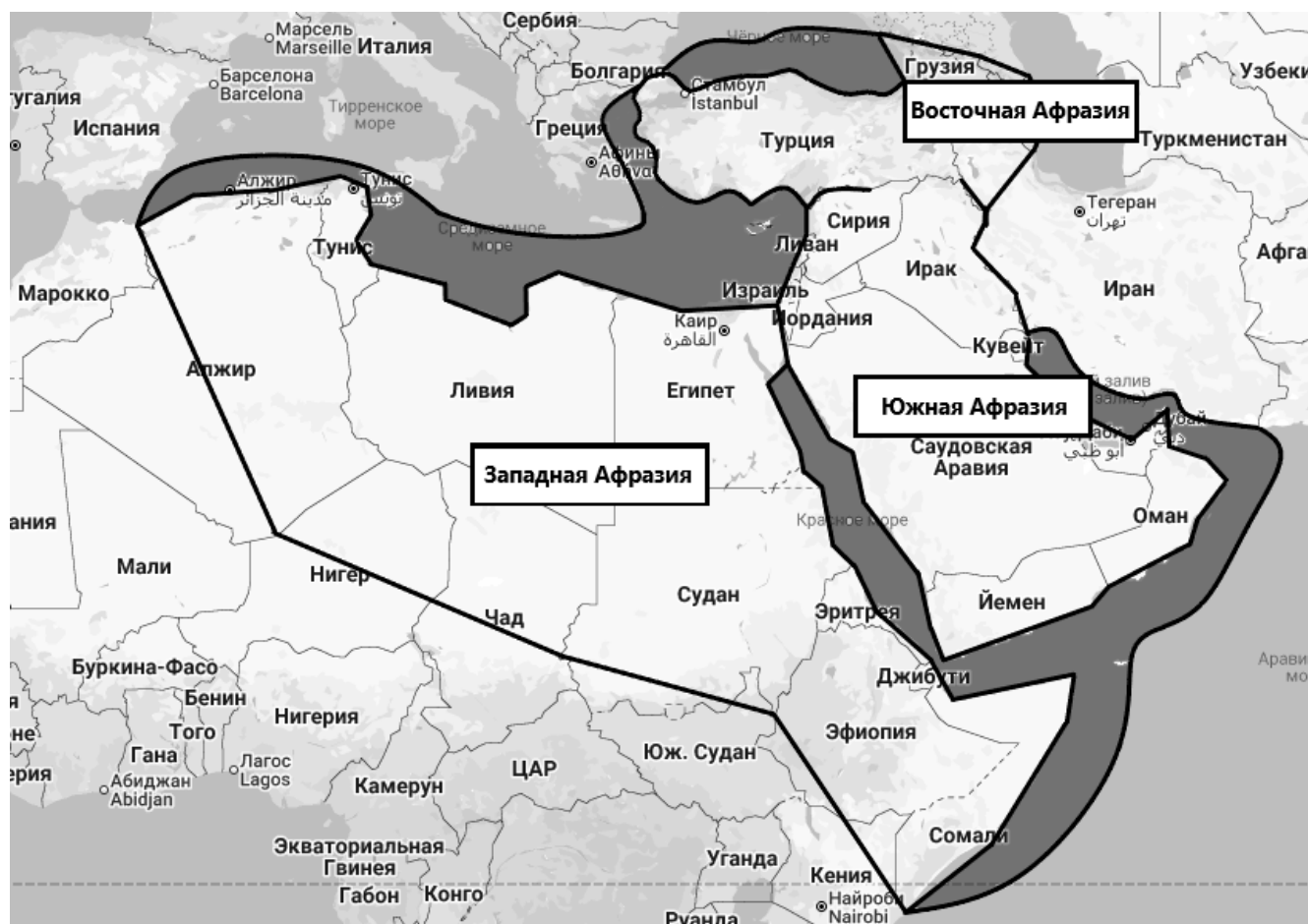
характер. Четвертым является средиземноморский мир, включающий в себя страны Магриба и обладающий особой культурно-исторической спецификой [20, с. 34-35].

Таким образом, несмотря на различия в подходах к позиционированию Афразии, оценках ее характера и роли в будущем, упомянутые ранее исследователи признают существование в афразийских границах исторически сформировавшихся макрополитических и макрокультурных связей. Одной из них, весьма значимой, является т. н. «османское наследие» – итог 600-летнего доминирования Османской империи. Данный фактор сформировал особое – «туркоцентристское» – восприятие региона у его наследников – современных турок и значительной части тюрок в мире (этноязыковая общность), что легло в основу современного внешнеполитического подхода Турции.

Географически Афразия в рамках диссертационного исследования соответствует границам Османской империи в период расцвета. При этом из границ сознательно исключен Балканский полуостров, ввиду его географического положения как части Европы, интеграции его значительной территории в евроатлантические структуры и более отличного этно-религиозного состава. Прочие же регионы, ранее находившиеся под османским контролем, выглядят более доступной сферой для восстановления Анкарой утраченного имперского влияния. Это позволяет выделить три ключевые зоны – субрегионы – Афразийского пространства:

1. Восточная Афразия (Закавказье, Иранский и Иракский Курдистан, Черноморский регион).
2. Южная Афразия (Ближний Восток).
3. Западная Афразия (северо-восточная Африка вплоть до границ Сахеля).

Составленное автором изображение Афразийского пространства представлено на **Рисунке 1. Границы восточного, южного и западного субрегионов Афразии и территориальных вод пространства.**

Как сказано ранее, Афразия – это геополитическое пространство, охватывающее зону исторического доминирования Османской империи в Азии и Африке, которое современная Турция, позиционирующая себя в качестве ее правопреемника, использует для стратегической ревизии итогов Первой мировой войны, ликвидации зависимости от Запада и обретения статуса современной великой державы. Для понимания основ подхода Анкары к формированию турецкой макрорегиональной политики в Афразии, отличающейся высокой степенью туркоцентризма, необходимо рассмотреть генезис современной турецкой умеренно-исламистской элиты и реализуемого ею масштабного внешнеполитического проекта – неоосманизма.

Приход к власти в Турции умеренно-исламистских сил в 2002 г. стал закономерным итогом социально-политических потрясений в стране во второй половине XX в. После распада Османской империи в 1922 г. и создания Турецкой Республики в 1923 г. страна под руководством Республиканской народной партии и М. К. Ататюрка взяла курс на вестернизацию через кемалистские реформы. Идеология лаицизма, отделение религии от государства (включая ликвидацию халифата) и отказ от османского наследия привели к утрате Турцией лидерства в мусульманском мире и, как следствие, ее прежнего геополитического влияния. «Республиканский период» турецкого государства характеризовался постоянным противостоянием между светскими элитами и «исламистской реакцией», где армия традиционно выступала гарантом светских принципов и устоев.

Внешнеполитический лозунг М. К. Ататюрка «Мир на родине, мир на земле» предполагал минимальное вовлечение страны в международные дела и отказ от экспансионистской политики [21]. Однако вступление Турции в Североатлантический альянс (НАТО) в 1952 г. усугубило двойственность турецкого курса – формальная приверженность западным ценностям сочеталась с нарастающими внутренними противоречиями. Весь период второй половины XX в. представляет собой борьбу между сторонниками республиканских идей М. К. Ататюрка и исламистскими силами – С. Демирель, Т. Озал (Партия Отечества), Н. Эрбакан (Партия благоденствия, Refah). 2001 г. стал во многом переломным моментом в истории политического ислама в Турции, когда Р. Т. Эрдоган (бывший мэр Стамбула) основал Партию справедливости и развития, которая одержала неожиданную для многих победу на выборах 2002 г. Постепенное осознание неэффективности прежнего государственного курса Турции пришло к Р. Т. Эрдогану и Партии справедливости и развития на основании опыта, полученного турецким государством во второй половине XX в.

Как отмечает А. О. Осипян, с момента прихода умеренных исламистов к власти в Турции стало меняться все, «начиная с фундаментальных институтов, заканчивая символикой», что в полной степени укладывается в проект Партии справедливости и развития о строительстве «нового» государства [22]. Что

касается турецкого национализма (на место которого сегодня пришел пантюркизм, о котором детально будет сказано далее), то в понимании М. К. Ататюрка он имел отношение к политическому единству нации в рамках административно-территориальных границ Турецкой Республики, а не к общности этнического происхождения, как это понимается в рамках пантюркистской идеи (что примечательно в рамках исследования). Согласно идее М. К. Ататюрка, нация представляет собой общность всех граждан страны, основой которой выступает этническое самосознание. То есть даже граждане, не имеющие тюркского происхождения, могли стать полноценными членами турецкой нации в результате ассимиляции и соответствия таким критериям, как общий язык, гражданство, территория, происхождение, история и менталитет. Как пишет А. В. Сулейманов, «турецкая нация была определена не биологическими характеристиками и даже не религиозными, а скорее историко-социологическими. То есть национальная культура Турции строилась на основе объединения различных этнических групп путем демографической гомогенизации» [23, с. 40]. При Р. Т. Эрдогане и ПСР принципы кемализма негласно идентифицировались как своего рода «ограничители» и стали подвергаться радикальным изменениям, постепенно уступая место новым – трансграничным – ориентирам турецкого государства.

Как отмечают Ш. Гумуску и Э. Ф. Кейман, Партия справедливости и развития изначально позиционировала себя как консервативно-демократическая сила, обладающая способностью «успешно руководить сложным процессом трансформации в Турции через модернизацию, демократизацию и европеизацию, одновременно преодолевая трудности, вызванные политическими расколами, сопровождающими данные процессы» [24, с. 27]. Идеологической основой ПСР стала концепция «консервативной демократии», разработанная Я. Акдаганом. Ее ключевые принципы включали эволюционное развитие вместо революционных изменений, политический консенсус, правовую легитимность, эффективное государственное управление и баланс между идеализмом и реализмом [24, с. 27].

В отечественной политологической среде изучение базисных основ современного неоосманского курса началось еще в работах советских

исследователей-тюркологов. В советской науке политической истории Турции уделялось значительное внимание, что было обусловлено как объективными причинами, включая географическую близость и общую границу, так и идеологическими факторами. Изначально в СССР с большими надеждами относились к кемалистской революции, придавая ей антиколониальный и антиимпериалистический характер, однако впоследствии эти ожидания не оправдались. Советская историография резко критиковала прозападный внешнеполитический курс Турции в период холодной войны. Так, М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова и Ю. А. Петросян характеризовали Турцию того периода как «полуконию и военную базу НАТО» [25, с. 218]. И. Ганусец, в свою очередь, писал, что «Турция на долгие годы превратилась в один из устойчивых элементов империалистической политики «холодной войны» [26, с. 109], а И. В. Самыловский отмечал, что зависимость страны от западного капитала «превратила ее в вотчину Уолл-стрита» [27, с. 16].

Параллельно в СССР глубоко изучали географические и этногенетические особенности формирования турецкой нации и ее особого отношения к ареалу тюркских народов. Примечательно, что выводы советских ученых о промежуточном географическом положении Турции порой перекликались с современными идеями того же А. Давутоглу о «Стратегической глубине». Д. Еремеев, к примеру, отмечал, что «в Малой Азии, как в тигле, переплавились сотни племен и народностей, прежде чем получился последний сплав – турки». Он отмечал, что ряд явлений материальной и духовной культуры турок связан с Центральной Азией, а их далекие предки были кочевниками Алтая и Монголии. При этом Д. Еремеев определял Анатолию (по его словам – «родину турок») как «мост между Западом и Востоком» [28, с. 41-43].

Немалое место в советской науке занимало изучение османского характера населения Турции (фактически – социальной основы неоосманизма в наши дни), обусловленного историей Османской империи. Так, С. Ф. Орешкова и А. А. Чакрян указывали, что развитие турецкой народности и государственности проходило в тесной связи с историей огромного региона, так как «в состав Османской империи

входили территории свыше 20 современных государств Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы и Северной Африки» [29, с. 202].

О. И. Гигинейшвили, в свою очередь, анализировал термин «османский» сквозь призму турецкой национальной памяти, положенной в рамки «Национального обета». Ученый отмечал, что, определяя границы тогдашнего турецкого национального государства, «т.е. границы турецкой национальной территории, авторы «Национального обета» руководствовались принципом наличия на этой территории населения с османско-мусульманским большинством». Однако, как отмечал О. И. Гигинейшвили, данный принцип был весьма расплывчатым, поскольку термин «османский» не говорил ничего ни об этническом происхождении, ни о национальной принадлежности, равно как и о принадлежности к исламу. Таким образом, считал он, существование «османско-мусульманского большинства» не могло быть объективным критерием определения этнической территории турок, открывая возможность для претензий на любые земли, когда-либо входившие в состав Османской империи. О. И. Гигинейшвили обращал внимание на внутреннее противоречие этого принципа, который, с одной стороны, провозглашал османско-мусульманское население единой этнокультурной группой, но при этом убирал из нее арабов, составлявших значительную часть населения империи. При этом ученый отмечал, что в турецкой историографии того времени данный подход пользовался большой популярностью [30, с. 60-61].

Изучение характера турецкой национальной памяти, связанной с исторической ответственностью турок за пространство бывшей Османской империи, получило новый импульс после распада СССР – в российской научной среде, где наработки советских авторов обрели логическое продолжение. Этому способствовало также то, что отечественные исследователи фактически воочию столкнулись с развитием неоосманской идеологии в Турции, начиная с конца XX в.

В. А. Дергачев считает, что Турция занимает место одного из главных центров силы в рамках региональной подсистемы (в пределах пространства Афразия). По его мнению, «Турция должна избавиться от навязанного ей Западом

идеи «моста» между Западом и исламским Востоком, тогда как она обладает уникальным геостратегическим положением в мире» [31]. «Геополитический код» подобных Турции государств, по мнению В. А. Дергачева, не может ограничиваться ролью исключительно региональной державы. Главный «геополитический приз» в конечном счете должен заключаться в возрастании стратегической значимости Турции. Ученый считает, что геостратегическое положение турецкого государства одновременно в Европе и Азии, соседство с Балканами, Кавказом и Ближним Востоком, а также большое влияние в Центральной Азии может способствовать превращению ее не только в региональную, но и во влиятельную мировую державу [31].

А. В. Белоглазов и Р. Н. Надыров, в свою очередь, отмечают, что Турция привлекательна для всего тюркоязычного пространства, поскольку обладает уникальным культурно-историческим наследием, синтезировавшим в себя элементы культур различных цивилизаций. «Она своеобразно использует политику «мягкой силы», опираясь на стратегию множественности «интеграционных полей», обладающих относительной независимостью друг от друга» [32, с. 1384]. Это, по их мнению, позволяет Анкаре поддерживать общую интеграционную активность даже в условиях внутренней политической и экономической нестабильности в самой Турции. Субрегион Восточная Афразия – как «мост» в Центральную Азию (на фоне ее важного геополитического положения и ресурсной обеспеченности) – играет важную роль в реализации данной политики. Поэтому турецкая «мягкая сила» реализовывалась в данном субрегионе по отношению к родственным тюркским народам с опорой на концепцию тюркизма З. Гекальпа – идея о политическом объединении тюркских народов, фундаментом для которого выступает их историко-культурное родство, общность языка и этнического происхождения – как наиболее приемлемой для данного процесса. Организации по продвижению турецкой («османской») культуры, таким образом, стали важнейшими инструментами проведения политики «мягкой силы», сделав значительный вклад в формирование концепции единого «тюркского мира» [32, с. 1384].

В. А. Аватков отмечает, что завершение холодной войны и эпохи биполярного противостояния дало старт новым формам современной системы международных отношений. Прекращение существования СССР послужило толчком для США предпринять попытку установить собственное мировое господство. Со временем мировая система вступила в состояние плюралистической, некой «недоразвившейся» многополярности, обретя большую многоликость. Соединенные Штаты Америки, по мнению В. А. Аваткова, постепенно стали обрастать новыми центрами силы, «надрегиональными мини-империями нового типа», стремящимися повысить уровень на сопредельных территориях [33, с. 71-72]. Помимо этого, основой сложившейся системы международных отношений выступил трансфер от политики «hard power» (жесткого давления) к политике «soft power» и «smart power» («умной», или же «гибридной», силы). Одним из таких государств стала Турция, нередко заявляющая о необходимости пересмотра собственных границ [33, с. 72].

Начало 2000-х стало важнейшей точкой для умеренно-исламистской элиты Турции, связанной с глубоким переосмыслением своей национальной идентичности и геополитической роли страны в эпоху после холодной войны. Концепция Большого Ближнего Востока, разработанная Соединенными Штатами в 2002 г., была нацелена на осуществление управляемой извне трансформации этого обширного региона под декларируемыми лозунгами его демократизации [34]. Важное место в нем отводилось Турции как одному из наиболее ярких примеров сочетания западных либеральных принципов с исламскими ценностями.

Вторжение международной коалиции во главе с США в Ирак в 2003 г. радикальным образом повлияло на Турцию и ее позиционирование в рамках проекта «Большой Ближний Восток». Со временем американская региональная инициатива стала восприниматься не как освободительная, а скорее – как дестабилизирующая. Отчетливо это проявилось после парламентских выборов 2005 г. в Ираке, прошедших под американским управлением. Их организация не удовлетворила Анкару ввиду слабого, по ее мнению, представительства в электоральном процессе иракских туркмен и невыполнения Вашингтоном

обещания предпринять конкретные меры по разоружению солдат Народного конгресса Курдистана (актуализация трансграничного курдского вопроса, чего изначально опасались в Анкаре) [35, с. 102]. Силовое свержение власти С. Хуссейна под предлогом демократизации Ирака предполагало радикальную перекройку политической карты региона, что прямо угрожало турецким интересам безопасности. Турция, имеющая долгую историю доминирования в регионе и собственную имперскую память, фактически отказалась принять роль пассивного сателлита, выполняющего чужие планы по преобразованию Ближнего Востока.

Идеологическим и практическим ответом на американский «Большой Ближний Восток» стала концепция «Стратегической глубины», разработанная профессором А. Давутоглу, выполнявшим функции чрезвычайного и полномочного посла (2003-2009 гг.), министра иностранных дел (2009-2014 гг.) и премьер-министра Турции (2014-2016 гг.). В ее основе лежал фундаментальный тезис: Турция – не периферийное государство Запада, а центральная держава пространства с уникальным историческим и географическим наследием. Османское прошлое больше не было бременем, оно рассматривалось как важный исторический актив, предоставляющий Турции «стратегическую глубину» [36, с. 65-66]. Вместо конфронтации и политики силового раздела региона в рамках ББВ, продемонстрированных США и их союзниками по коалиции на примере Ирака, Турции предлагалось проводить политику «ноль проблем с соседями», основанную на шести основных принципах: баланс между безопасностью и свободой, отсутствие проблем с соседями, многомерная внешняя политика, проактивная региональная внешняя политика, новый дипломатический стиль и ритмичная дипломатия [37]. А. Давутоглу подчеркивал уникальное геополитическое положение Турции. Он писал: «Турция находится в центре борьбы за доминирование и переходных зон между сухопутными и морскими центрами силы, пролегающими с востока на запад и с севера на юг. На территории Турции пересекаются две важные сухопутные переходные зоны (Балканы и Кавказ) и морская переходная зона (Туркменские проливы), соединяя центральную часть Евразии с теплыми морями и Африкой в направлении с севера на юг, связывая эти

регионы с геоэкономическими ресурсными центрами Ближнего Востока и Каспийского региона. С востока на запад Анатолийский полуостров является важнейшим звеном стратегического полуостровного пояса, окружающего материковую часть Евразии» [36, с. 116].

Ключевым различием между американской концепцией «Большой Ближний Восток» и турецкой «Стратегической глубиной» был подход к региону. Если Вашингтон делал ставку на силу и смену режимов, то Анкара под руководством Партии справедливости и развития делала акцент на мягкой силе, дипломатии и экономическом взаимодействии. Турецкая модель, сочетающая исламские ценности с демократией, предлагалась как вдохновляющий пример для исламских обществ, исторически склонных к авторитарной модели, но без навязывания его силой. Кроме того, рост экономического благосостояния Турции при ПСР [38], во многом достигнутый благодаря как раз тесной связи с Западом, позволял ей действовать более независимо и преследовать собственные интересы, которые далеко не всегда совпадали, например, с американскими [39, с. 24-25].

Большое влияние на формирование самостоятельной внешней политики Турции в начале XXI в. также оказал палестинский вопрос, став одним из ключевых элементов, демонстрирующих ее новую региональную роль и растущую независимость от Запада. В рамках концепции «Стратегической глубины» палестинский вопрос был не просто гуманитарной проблемой, а «стратегическим активом» Турции [36, с. 395]. Принцип «ноль проблем с соседями» изначально требовал сбалансированных отношений и с Израилем, и с палестинцами, но со временем именно палестинская проблема стала рычагом, с помощью которого Анкара могла наращивать свое политическое влияние в Афразии. Жесткая риторика Р. Т. Эрдогана в адрес Израиля, особенно после конфликта в сектор Газа 2008-2009 гг. [40] и инцидента с судном Mavi Marmara в 2010 г. [41], резко контрастировала с более сдержанной позицией арабских лидеров и западных стран. Это позволило Турции представить себя как нового решительного защитника прав палестинцев в арабском и, что более важно, мусульманском мире, укрепляя свою популярность.

Палестинский вопрос стал практическим полигоном для демонстрации стратегической автономии Анкары от США и Европы. Открытая критика Израиля и солидарность с ХАМАС [42] были четким сигналом, что Турция более не будет согласовывать свою региональную политику с Вашингтоном или Брюсселем. Это был своеобразный разрыв с эпохой, когда Турция действовала в основном как младший партнер НАТО в регионе. Палестинская проблема трансформировалась из внешнеполитической темы в инструмент международного позиционирования Турции. Она во многом позволила Анкаре заявить о себе как о независимой державе, чьи интересы и моральные обязательства лежат не в пределах границ стран НАТО, а в месте ее исторического доминирования – Афразии.

Важно отметить, что на формирование нового внешнеполитического курса Турции повлияли также процессы, происходящие в соседней России. Это была не прямая причинно-следственная связь, а скорее сложное взаимодействие глобальных изменений, создавших благоприятные условия для субъективизации турецкой политики. Преодоление Россией политических и экономических проблем конца XX в., особенно на фоне постепенного ослабления американской гегемонии после войны в Ираке, способствовало созданию новой – многополярной – конфигурации на международной арене. Данный процесс был стратегически выгоден Турции, поскольку он предоставлял Анкаре пространство для маневра и альтернативы, позволяя снизить ее традиционную зависимость от Запада в вопросах безопасности, энергетики и экономики. Россия при президентстве В. В. Путина демонстрировала, что можно проводить суверенную от Запада внешнюю политику, оставаясь при этом значимым игроком на мировой арене. Пример России укреплял уверенность турецкого руководства в том, что подобная стратегическая автономия достижима и для Турции, которая также считала себя великой державой с историческими правами на влияние в своем регионе. В результате и Россия, и Турция оказались в процессе переоценки последствий проигранных конфликтов, ослабивших их геополитические позиции: Россия оспаривает итоги окончания холодной войны, а Турция – последствия Первой мировой [43, с. 216].

На практическом уровне важной осью, связывающей растущую независимость Турции и Россию, на определенном этапе стала энергетическая политика. Проекты вроде «Голубого потока» и, что более важно, амбициозные планы по «Турецкому потоку» потенциально превращали Турцию в критически важный энергетический хаб для Европы [44, с. 472-475]. Данная роль давала Анкаре не только экономические выгоды, но и значительный стратегический рычаг в отношениях с ЕС, позволяя вести более уверенный диалог. Углубление торговых связей, включая масштабные контракты в сфере строительства и туризма, также создавало прочные связи с взаимными интересами.

В рамках изучения политики Турции в пространстве Афразия важно также отметить отношение Анкары к суверенным границам государств региона, в отношении которых осуществляется экстраполяция турецкого влияния. В геополитике государственные границы часто определяются как символические маркеры, организующие пространство вокруг национального ядра и выполняющие важную централизующую функцию. Это не просто демаркационная линия, а ключевой фактор государственной жизнеспособности, формирующий пространство национальной идентичности [45, с. 53-54]. Неоосманский же проект Турции имеет характерный трансграничный характер влияния, а национальные границы государств пространства являются для него больше условностью, поскольку в его основе лежит тезис об исторической преемственности Турции за географический ареал османского наследия.

Важнейшую роль в афразийской политике Турции играет идеология. В рамках диссертационного исследования она рассматривается как «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики <...> и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти <...>, или радикального их преобразования» [46]. Постепенно внутренние неоосманские установки были экстраполированы умеренными исламистами на внешнеполитическую идеологию Турции, которую В. А. Аватков предлагает рассматривать как «систему идей и представлений одного субъекта мировой

политики в отношении других субъектов, а также мирополитической среды, набор применяемых в настоящее время и перспективных принципов, ценностных основ поведения в рамках действующей системы международных отношений, целевые и пропагандистские установки, рассчитанные, прежде всего, на среднесрочную и долгосрочную перспективу» [47, с. 30]. При этом на первых порах ПСР достаточно сдержанно продвигала идею преемственности между Османской империей и современной Турцией. Тем не менее, как пишет В. В. Матюхин, иногда в оценках данной роли некоторые представители ПСР заходили даже слишком далеко, утверждая в своих речах, что Турецкая Республика – это затянувшаяся на 90 лет «рекламная пауза» в истории османского государства [48, с. 25-26].

Реализуя преимущества уникального географического положения, Турция декларирует равнозначность векторов своей внешней политики [49]. Она является одной из немногих стран Ближнего Востока, состоящих в разных по позиционированию международных структурах: Североатлантический альянс, Организация объединенных наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация исламского сотрудничества (ОИС) и др. О. В. Барнашов и М. А. Шпаковская отмечают, что многие исследователи сходятся во мнении: неоосманизм является идеологией, «которая стремится выйти на более широкий геополитический охват, используя географические преимущества Турции, находящейся на стыке Востока и Запада» [50, с. 32].

Показательно также то, как Турция проводит глобальную политику в рамках декларирования идеи «Мир больше пяти» (постоянных членов Совета Безопасности ООН), активно позиционируя себя как великая держава, защитник угнетенных народов и гарант стабильности в пространстве бывшей Османской империи. В сентябре 2019 г. на Генассамблее ООН Р. Т. Эрдоган вновь озвучил этот тезис, критикуя устаревшую систему управления ООН, где пять стран обладают исключительными правами голосования. Он подчеркнул, что современный миропорядок, созданный после Второй мировой войны, не способен решать глобальные угрозы, и заявил о роли Турции как борца за международную справедливость. Р. Т. Эрдоган также выступил в защиту мусульманских общин по

всему миру – от Кашмира до Балкан, – заявив, что Анкара не допустит построения нового мирового порядка «за их счет» [51, с. 92]. Это в лице мировой мусульманской общины должно было укрепить образ Турции как лидера исламского мира и наследника традиций халифата, чему способствует религиозная близость турок с суннитским населением Афразии. Кроме того, Р. Т Эрдоган осудил политику «ядерного клуба», где, по его словам, одни страны используют ядерное оружие для давления, а другим запрещают его разработку. А. А. Ирхин и О. А. Москаленко определили слова президента Турции «как заявку государственного лидера на решающую роль в формирующемся новом мировом порядке» [51, с. 92-93].

Итак, в заключении стоит подчеркнуть, что ревизионистская политика Турции, нацеленная на восстановление утраченной во второй половине XX в. субъектности, реставрацию имперского влияния и вхождение в клуб современных великих держав, сформировалась не случайно, а под воздействием ряда факторов. К внутренним факторам, которые сделали возможным приход к власти умеренно-исламистских сил в начале XXI в. и обеспечили принятие неоосманской повестки большинством граждан, продемонстрировав общий кризис кемализма, относятся:

1. Неспособность светских элит справиться с экономическими и социальными проблемами страны;
2. Длительное отчуждение ислама от общественно-политической жизни;
3. Нереализованный общественный запрос на формирование имперской исторической памяти и идеи национального величия.

К внешним факторам, стимулировавшим переосмысление Турцией своей геополитической роли после распада биполярной системы международных отношений, относятся:

1. Тенденция к формированию многополярной системы международных отношений с различными центрами силы на фоне ухода от монополярной модели, сложившейся в 90-х гг. XX в.;

2. Неприемлемость для Турции американской региональной концепции «Большой Ближний Восток», которая предполагала политическую дезинтеграцию Афразии под предлогом демократизации входящих в нее государств;
3. Разочарование из-за многолетнего отказа принятия Турции в Европейский союз (ЕС);
4. Образовавшийся после распада СССР «вакуум влияния» в регионах, включая ранее относительно «закрытые» для Турции Южный Кавказ и Центральную Азию, народы которых связаны с турками общими тюркскими корнями;
5. Политика соседней России, которая, преодолев кризисы конца XX в., начала проводить собственный курс на восстановление глобального влияния, в том числе через масштабные трансконтинентальные энергетические проекты.

1.2. Идеино-ценностный базис и инструментарий внешней политики Турции в Афразии

Идеино-ценностный фактор, в рамках которого выделяют преобладающие в государстве идейные концепты, является неотъемлемой частью государственной идентичности, а также важнейшей составляющей политики власти, организующей и поддерживающей порядок в рамках того или иного сообщества [52, с. 73]. Как сказано ранее, в основе современного внешнеполитического курса Турции лежит мощный консолидирующий механизм – идея неоосманизма. Она подчинена конкретным практическим целям – «напомнить» туркам об их исторической роли в пространстве Афразия и сформировать особый «наднациональный дух», облегчающий решение внутренних и внешних задач политики страны [53, с. 232].

«Есть наследие, которое оставила Османская империя. Нас называют «неоосманами». Да, мы и есть «неоосманы». Мы вынуждены заниматься соседними странами, и пойдем даже в Африку», – заявил экс-глава МИД Турции А. Давутоглу в конце 2009 г. [54, с. 63]. Обращение к османскому наследию позволяет Турции выстраивать особого рода отношения со странами Афразии,

апеллируя к общей исторической и культурной памяти. Этот подход является краеугольным камнем ее «мягкой силы», создавая привлекательный образ современного, но укорененного в традиции лидера. Р. Т. Эрдоган подчеркивал: «Мы являемся государством... на останках османского величия. Мы внуки сельджуков. Мы внуки Османов... Партия справедливости и развития есть партия, несущая в своих глубоких корнях дух сельджуков и Османов» [55, с. 117].

В. А. Аватков называет неоосманизм – «виртуальной концепцией, объединяющей целый ряд идей и практик внешней политики Турции» [33, с. 75] (подробно о них будет сказано далее). Ученый подчеркивает, что он реализуется посредством использования каждого отдельного элемента, но с учетом общей направленности на формирование надэтнической идентичности османского империализма нового типа – «вовлечения» и «включения» за счет «мягкой силы» [33, с. 75].

Термин «мягкая сила» (или «soft power») был введен Дж. С. Наем в 1980-х, согласно его идее – инструменты «мягкой силы» должны формировать привлекательность, выступающую действенным стимулом для межгосударственного сотрудничества. Идеология при этом рассматривается в качестве одного из ключевых ресурсов, создающих такую привлекательность [32, с. 1382]. А. И. Сухарев, в свою очередь, также определяет «мягкую силу» как систему влияния через «привлекательные» методы [56, с. 15], а А. Л. Вувинг рассматривает ее через контекст таких понятий, как «благожелательность», «великолепие» и «красота» [32, с. 1382].

Турция является показательным примером постсекулярного мира, где исламская риторика сочетается с демократическими процедурами, а религиозный консерватизм сочетается с принципами гибкости и открытости в отношении экономики и интеграции в систему международных отношений. С момента прихода к власти ПСР вела гибкую прагматическую политику, совмещая светские принципы с модернизацией, тогда как во внешней политике постепенно стали превалировать иные – более консервативные концепты, – доминирующие над

демократическими (либеральными) [57, с. 127-128]. Важно отметить, что данные концепты лежат в основе как «мягкой», так и «жесткой силы» Турции.

Переходя непосредственно к рассмотрению идейно-ценностного базиса внешнеполитического курса Турции в Афразии, стоит еще раз отметить его культурно-историческую преемственность. Первым его столпом является пантюркизм, реализуемый преимущественно в восточном субрегионе Афразии. Ч. У. Хостлер определяет его как «движение к политическому и культурному единству тюркоязычных народов», Я. Ландау – как движение, «основной целью которого является создание объединения, Союза на культурной основе тюркских народов», а Р. Мухамметдинов – как систему идей, пропагандирующих этническое, языковое и культурное единство с целью сотрудничества тюркских народов [58]. В. А. Надеин-Раевский, в свою очередь, рассматривает пантюркизм как наступательную идеологию, направленную на объединение тюркских народов под руководством Турции, где этнокультурным базисом являются тюркские языки, а приоритетным народом к объединению выступают тюрки, исповедующие ислам [59, с. 97].

Зародившись в конце XIX в. как ответ на кризис Османской империи, пантюркизм сменил османизм (концепция «новых османов») и панисламизм (консолидация всех мусульман под эгидой Османского халифата) [58]. Этому предшествовало появление и развитие И. Гаспринским идеи тюркизма, которая призывала тюркские народы, населявшие тогда Российскую империю (башкиры, крымские и волжские татары, тюркские народы Русского Туркестана), в силу их культурной близости и общей мусульманской идентичности к созданию новых форм социального и культурного бытия. Тюркизм подразумевал, прежде всего, культурное единство тюркских народов, тогда как пантюркизм – единство политическое, – где центральная роль отводилась турецкому государству. Ю. Акчура в труде «Три вида политики» (1904 г.) обосновал преимущества пантюркизма, призывая к созданию политической тюркской нации, основанной на этническом факторе [58]. А. А. Ирхин в данном контексте отмечает важную лингвистическую особенность: «в турецком языке тюрков и турков имеет одно

значение – «Türk», одинаково в турецком языке сопрягаясь с идеей «турецкого мира». По его мнению, курс на использование тюркского фактора во внешней и внутренней политике продемонстрировал свою состоятельность для Анкары, что обусловило его дальнейшее развитие [60].

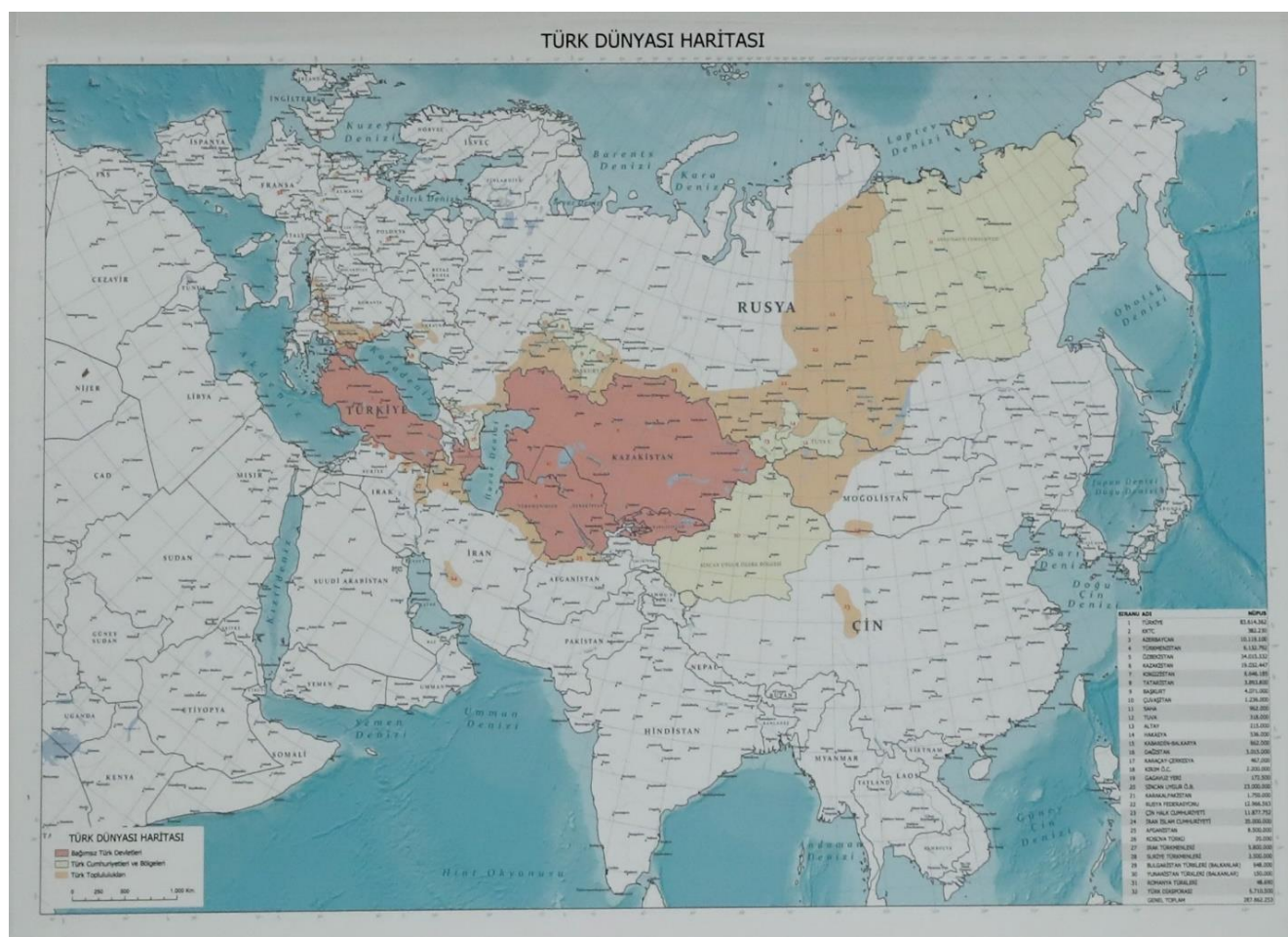
В советский период пантюркизм использовался как инструмент антикоммунистической политики. Сегодня Турция позиционирует себя как политический лидер, историческая обязанность которого – направлять государства, чье население имеет общее с турками этническое происхождение: Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. По мнению Н. Э. Демешко и А. А. Ирхина, пантюркистский фактор во многом способствовал консолидации турецкого общества, обеспечивая популярность турецкой умеренно-исламистской элиты [61, с. 41].

Турция также реализует идею пантуранизма (преимущественно в Восточной Африке) – своеобразного следующего этапа пантюркизма, который обеспечивает политический элемент в отношении «тюркского мира», являясь важным звеном турецкой внешнеполитической риторики и внутренней идеологии. В. А. Надеин-Раевский отмечает, что доктрина пантуранизма сформировалась в конце XIX в. в Финляндии и Венгрии, предлагая объединение «туранских» народов на основе языковой общности урало-алтайской семьи [62, с. 63]. Согласно А. А. Дееву, у истоков пантуранизма стояли российские мусульмане, а работы А. Вамбери и В. В. Радлова (австро-венгерский и российский востоковеды) способствовали распространению данной идеи в Османской империи с акцентом на объединение «туранских» народов в единое государство «Великий Туран» через общность языка, истории и культуры [63, с. 39-40]. География «Великого Турана» охватывала обширное пространство от Байкала до Балкан, включая тюркские, угро-финские, монгольские и другие народы [64].

В отличие от пантюркизма, пантуранизм предполагает более широкую интеграцию на основе этнических и культурных связей. Н. В. Шкира призывает разграничивать пантюркистское мировоззрение, то есть систему взглядов как культурное явление, и пантюркизм как «агрессивную расистскую доктрину»,

согласно которой все говорящие на тюркских языках народы являются одной нацией и должны объединиться под эгидой Турции [65, с. 148-149]. Доктрина пантюркизма стала значимой частью турецкой политики, что ярко демонстрирует карта «тюркского мира», подаренная Р. Т. Эрдогану в 2021 г. главой Партии национального движения Д. Бахчели и показанная в средствах массовой информации (СМИ), которая включала Балканский полуостров, Восточную Сибирь, часть регионов Юга России, Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, часть территорий Монголии и Ирана [66].

Рисунок 2. Карта «Тюркского мира», подаренная Р. Т. Эрдогану Д. Бахчели¹

¹ Изображение взято из официального аккаунта Партии национального движения в соцсети X (бывший Twitter) – [67].

Еще одним идеологическим элементом политики Турции в Афразии является исламизм, на долгое время исключенный сторонниками республиканского строя и военной элитой из политической жизни государства. С момента прихода к власти Р. Т. Эрдоган и его сторонники из ПСР продвигают идею объединения мусульманских общин под эгидой Турции, формируя образ турецкого государства как защитника всех угнетаемых мусульман мира. В XIX в. исламизм являлся официальной идеологией Османской империи, противопоставляемый европеизации. При этом исламисты вполне допускали заимствование западных научных и экономических достижений. С приходом же к власти М. К. Ататюрка и провозглашения «лаицизма» в Турции над исламом был установлен жесткий политический контроль, что, тем не менее, не помешало возрождению исламистской элиты, начиная с 1960-х гг.

Сегодня Р. Т. Эрдоган и ПСР открыто продвигают «политический ислам» в Турции в качестве общественно-политического ориентира. То есть ислам рассматривается не только как вера, но и как (в определенной мере) система управления. После попытки государственного переворота 2016 г. исламистская риторика в Турции лишь усилилась, что отразилось, например, в инициативе Р. Т. Эрдогана о конституционном праве женщин носить платок [68]. Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев определяют исламизм как «не только политическую, но и социальную идеологию, образ жизни и действия» [69, с. 37]. Исламизм в «турецком варианте» является одной из ведущих идеологических основ в рамках не только реализации афразийской политики Анкары, но и нынешней политической культуры Турции в целом.

Итак, современная политика Турции в Афразии представляет собой практическое воплощение идейной реставрации османской традиции с отдельными новыми элементами. Она основана на признании неоднородной природы Турции, актуализации принципа тюркской солидарности, общности «османской» истории и доминирования ислама. Данная политика характеризуется активной гибкой дипломатией, преимущественно в областях, ранее являвшихся сферой геополитического контроля Османской империи.

Важно отметить, что положения, регламентирующие неоосманский курс Турции, не закреплены предметно в нормативно-правовых актах турецкого государства. Преимущественно их основу составляют концептуальные акты и принципы, формирующие базу для активизации международной роли страны. Одним из них, как сказано ранее, стал принцип «ноль проблем с соседями», представлявший на момент его разработки фундаментально новый подход к внешней политике Турции. Период его реализации в Афразийском пространстве пришелся на первую декаду XXI в. До событий Арабской весны 2011 г. принцип «ноль проблем с соседями» во многом определял «мягкий» и «вариативный» характер внешней политики Турции в Афразии.

Многопартнерский формат сотрудничества с Турцией в рамках «ноль проблем с соседями» был направлен на создание так называемой региональной зоны стабильности, что весьма успешно способствовало экономическому росту страны. Ведущей идеей Турции в процессе выстраивания системы отношений со странами Афразии стало мирное и эффективное сотрудничество, взаимовыгодное экономическое развитие, реализация инструментов «мягкой силы» с использованием различных каналов коммуникации. К ним относится, в том числе, и внешнеполитическая активность в рамках турецкой дипломатии: открытие новых посольств, организация международных саммитов, посредническая деятельность при урегулировании конфликтов в пространстве Афразии (Израиль и Сирия, Судан, Йемен) и пр. [31].

Важный акцент в рамках принципа «ноль проблем с соседями» был сделан на превращении Турции в авторитетное в арабо-мусульманском мире, «референтное» государство с привлекательной моделью политико-экономического развития. Также до Арабской весны одним из важнейших внешних принципов Анкары была установка на невмешательство в дела соседних государств [31], однако после нее – вектор был смещен в сторону более активного использования механизмов «жесткой силы».

Глубокое влияние на Турцию оказала череда международных кризисов, начиная с глобальной борьбы с терроризмом и экономического коллапса 2008 г. и

заканчивая потрясениями Арабской весны 2011 г. и появлением ИГИЛ². Эти события создали беспрецедентные вызовы для национальной безопасности страны, вынудив ее руководство начать полномасштабную «перезагрузку» внешнеполитического курса [70, с. 44]. Арабская весна и ее последствия наглядно продемонстрировали ограниченность концепции «Стратегической глубины», опиравшейся на «мягкую силу», экономическую взаимозависимость и либеральную доминанту. В отличие от ситуации, сложившейся после вторжения США и их союзников в Ирак, когда региональная дестабилизация воспринималась как угроза, в протестной волне, прокатившейся по ряду государств Южной и Западной Африки, Анкара увидела исторический шанс для расширения своего влияния, восприняв конфликтогенный характер процессов как возможность для действий.

Стоит заметить, что Арабская весна принесла Анкаре и немало проблем: разразившийся миграционный кризис привел к наплыву в Турции миллионов сирийских беженцев, а силовое противостояние с ИГИЛ обернулось рекордной волной терактов в крупнейших турецких городах. Сюда же стоит отнести и курдский вопрос, сумевший перейти в политическую плоскость в сопредельных Ираке и Сирии на фоне слабости их государственных центров. Как писал П. В. Шлыков, «эскалация кризиса национальной государственности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, выразившееся в коллапсе значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов; обостряющееся противостояние глобальных игроков за влияние на региональный порядок и свои геостратегические интересы на Ближнем Востоке; распространения новых форм политического насилия и расширение номенклатуры «опосредованных» военных конфликтов; колоссальный рост удельного веса межэтнических и межконфессиональных конфликтов в регионе – все эти составляющие нового регионального порядка на Ближнем Востоке требовали от Турции перераспределения внешнеполитических приоритетов» [70, с. 44].

² Верховный суд России признал организацию «Исламское государство» (ИГИЛ) террористической и запретил ее деятельность на территории страны.

После 2011 г. перед правящей умеренно-исламистской элитой в Турции встала сложнейшая дилемма – необходимо было, сохраняя прежний уровень активности на международной арене и не отказываясь от принципов «гуманитарной дипломатии», начать широкое применение «жесткой силы» как наиболее действенного инструмента против новых силовых угроз. Такого рода синтез милитаризма и гуманизма, при котором колоссальное бремя по приему беженцев сочеталось с активным военным вмешательством в Сирии, был охарактеризован турецкими экспертами как «моральный реализм». В официальной риторике представителей ПСР подчеркивалось, что ни одна другая страна, вовлеченная в сирийский кризис, ни внерегиональные державы (США, Россия), ни региональные игроки (Иран, Саудовская Аравия), не демонстрировали в своей политике подобного подхода. Таким образом, в условиях нарастающей глобальной турбулентности, когда миропорядок определяется противостоянием великих держав, а национальные интересы берут верх над нормами международного права, политика «морального реализма» Турции стала отражением ее нового видения справедливого мироустройства и методов его построения [70, с. 44-45].

В экономической плоскости переосмыслением прежнего внешнеполитического курса стала целевая программа «Видение-2023» (2023 vizyonu), провозглашенная турецким руководством во главе с Р. Т. Эрдоганом в 2010-2011 гг. Она представляла собой масштабный стратегический план, нацеленный на трансформацию Турции в одну из ведущих мировых держав к столетнему юбилею основания республики. Ее амбиции простирались на качественно новый уровень развития, охватывая не только экономические показатели, но и укрепление политического суверенитета и наращивание военного потенциала. Этот план был призван не просто модернизировать страну, а способствовать кардинальному изменению ее глобального статуса, обеспечив Турции независимую и влиятельную роль на мировой арене [71].

Программа «Видение-2023» предусматривала вхождение Турции в десятку крупнейших экономик мира с объемом ВВП в \$2 трлн., увеличением экспорта до \$500 млрд. и ростом национального дохода на душу населения до \$25 тыс. Эти цели

были тесно увязаны с усилением международного авторитета Анкары через экономическую экспансию, особенно в регионах исторического влияния Османской империи – на Балканах, Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Африке. Важными элементами «Видения-2023» были соглашения о свободной торговле, развитие энергетических и инфраструктурных проектов, а также наращивание инвестиций в тюркские страны. Экспортная часть стратегии предусматривала не только количественный рост, но и качественные изменения – увеличение доли высокотехнологичной продукции, создание национальных брендов и диверсификацию рынков сбыта [71].

Провозглашенная Р. Т. Эрдоганом в 2023 г. программа «Турецкий век» (Türkiye Yüzyılı) стала практическим и идейным преемником плана «Видение-2023» [72]. В программу вошли многие элементы неоосманского курса, такие как усиление влияния в регионах исторического присутствия Османской империи, развитие оборонной промышленности и продвижение роли Турции как посредника в международных конфликтах. В то же время «Турецкий век» значительно расширил географию геополитической активности Анкары. К примеру, идея политики «360 градусов» предусматривала укрепление турецких связей с другими странами на всех континентах, а также делала акцент на решении глобальных проблем: изменение климата, биологическая безопасность, энергетическая, продовольственная и экономическая сферы. Важным элементом новой программы являлась идея многополярного мира, в котором Турция претендует на роль одного из ключевых игроков [73].

Особо стоит обратить внимание на современную морскую концепцию Турции «Голубая родина» (Mavi Vatan), которая стала важным инструментом турецкой политики в Афразии. Прежде всего необходимо отметить, что данная концепция не является законом или иным официально принятым государственным актом, однако именно ее логикой руководствуется Анкара в вопросах контроля над морскими ресурсами Восточного Средиземноморья. Она предусматривает расширение морских границ и экономических зон Турции, что соответствует неоосманскому видению регионального лидерства. Фактически «Голубая родина»

стала практическим воплощением внешнеполитических амбиций Турции, трансформировавшись из теоретической разработки в руководство к действию для военно-морских сил и дипломатического корпуса [74, с. 19].

«Голубая родина» представлена картой турецкий морских претензий, что отражает дополнительные амбиции Анкары в Причерноморье и Восточном Средиземноморье – в восточном фазе Афразийского пространства [75]. При этом, как отмечают Н. Э. Демешко А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова и О. А. Москаленко, если политическая карта «Тюркского мира» не учитывает российских интересов, то «Голубая родина» учитывает интересы России в Северном Причерноморье [5, с. 227]. Отцом идеи является Дж. Гюрдениз – турецкий адмирал, бывший глава отделов стратегического планирования и политических связей Военно-морского штаба. Примечательно, что он видит самую большую угрозу для Турции не от России, а от стран-членов НАТО. Он считает, что на фоне военного конфликта на Украине Турция должна выйти из НАТО, чтобы иметь возможность проводить более независимую внешнюю политику, иначе она рискует быть втянутой в новые военные конфликты [76]. Сам же Дж. Гюрдениз называет данную концепцию *Misak-1 Milli* (Национальный обет, обозначивший турецкие территориальные границы после Первой мировой войны) и видит в ней инструмент для отстаивания территориальных претензий Турции сразу в нескольких субрегионах Афразии (например, борьба за шельф в Восточном Средиземноморье) [77].

Несмотря на то, что идея «Голубой родины» была сформулирована Дж. Гюрденизом в 2006 г., до уровня государственной доктрины она была доработана Дж. Яйджи (также адмирал, начальник штаба военно-морских сил Турции в 2017-2020 гг.). Дж. Яйджи обосновал, что континентальный шельф и водная акватория Турции имеют не меньшую важность для государства, чем его сухопутная часть – в итоге общая претензия Анкары в Черном, Эгейском и Средиземном морях составила порядка 462 тыс. квадратных километров [78]. По мнению Н. С. Кулиевой, «Голубая Родина» является частью более крупного плана «по закреплению статуса регионального лидера с амбициями на глобальном уровне». Она считает, что в ней актуализируется ставшее уже традиционным для Анкары

стремление балансировать в треугольнике Россия – Турция – США, учитывая растущее вынужденное вовлечение Москвы и Вашингтона в региональные процессы на рубеже второй и третьей декад XXI в. [77].

В 2021 г. турецкий телеканал TRT Haber даже выпустил документальный фильм «Mavi Vatan», в котором обосновываются претензии Турции на расширение морских границ. В фильме утверждается, что Турция имеет исторические и юридические права на увеличение зоны влияния в Средиземном и Эгейском морях, включая спорные территории вокруг Кипра и у берегов Греции. Особое внимание уделяется разведке нефти и газа в восточном Средиземноморье, где Анкара активно противостоит Греции, Кипру, Израилю и ЕС [79].

Рисунок 3. Карта «Голубой родины»³

Неоосманские амбиции Анкары также закреплены в положениях официальной программы Партии справедливости и развития⁴, которая рассматривает уникальное геополитическое положение Турции как потенциал, который необходимо реализовать в региональном и глобальном масштабе в виде

³ Источник изображения www.star.com.tr [80]

⁴ В рамках исследования рассмотрена ее последняя редакция.

многочисленных проектов сотрудничества. В частности, отмечается, что после холодной войны военные союзы перестали быть определяющим фактором – партия намерена проводить гибкую, многовекторную и альтернативную внешнюю политику, реорганизуя отношения с мировыми центрами силы [81].

Особые акценты в Программе расставлены на региональной специфике внешней политики Турции. В Центральной Азии ПСР намерена вывести отношения Турции с тюркскими республиками на наивысший уровень, признавая, что имеющийся исторический и культурный потенциал не был реализован в полной мере, и планируя превратить регион в широкую зону сотрудничества. На Ближнем Востоке, в связи с глубокими историческими и культурными связями, Партия справедливости и развития обещает вести Турцию к установлению прочного и долгосрочного мира [81].

Особое значение придается отношениям Турции с исламскими странами через расширение двустороннего сотрудничества и усиление роли Организации исламского сотрудничества. В Черноморском регионе ПСР видит широкие возможности Турции для сотрудничества через Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). На Кавказе же Партия справедливости и развития намерена «снять ограничения, унаследованные от эпохи холодной войны», и создать возможности для сотрудничества, способствуя «экономической интеграции региона с Ближним Востоком и Балканами» [81].

Помимо традиционных атлантического и европейского направлений, ПСР намерена развивать «евразийскую политику» Турции через Организацию экономического сотрудничества и углублять связи с «динамичными экономиками» Китая и Юго-Восточной Азии. С Россией она планирует поддерживать дружеские отношения в Центральной Азии и на Кавказе, «основанные на сотрудничестве, а не на конкуренции». Политика на Балканах, по мнению ПСР, должна разрабатываться «с учетом исторических, культурных и экономических связей». При этом отдельное внимание уделяется защите прав турецких граждан за рубежом «через совершенствование существующих и создание новых механизмов» [81].

На практическом уровне для продвижения своих интересов в Африке Турция использует комплекс различных механизмов. В. А. Аватков и С. Н. Шелестов классифицируют их по сферам применения:

1. В военно-политической сфере – военные учения, военные операции, строительство военных баз;
2. В экономической сфере – привлечение инвестиций в турецкую экономику и прямые инвестиции в экономику государств региона;
3. В идеологической сфере – гуманитарная помощь, продвижение турецкой модели образования [82, с. 15-16].

Военно-политическая плоскость, активизировавшаяся преимущественно после начала «Арабской весны», включает в себя проведение военных учений совместно с другими государствами. Турецкая активность в области военно-технического сотрудничества укрепляет имидж турецких вооруженных сил (ВС) в глазах региональных игроков, а наличие дисциплинированной, хорошо обученной и оснащенной армии позволяет Анкаре заявлять о себе, как о гаранте безопасности в Африканском пространстве.

Турецкое государство активно работает над развитием собственного военно-промышленного комплекса (ВПК), производя практически весь спектр современного вооружения. Страны Африки являются привлекательным рынком сбыта для турецкой военной продукции, а военные учения, в том числе, представляют собой один из способов демонстрации ее эффективности. При этом Турция выступает не только в роли прямого участника военных учений, но и в качестве страны-наблюдателя. Еще одним инструментом военно-политической плоскости деятельности Турции являются военные маневры, которые нередко проводятся Анкарой на фоне регионального кризиса для оказания политического давления или поддержки той или иной стороны.

Аналогично военным учениям и маневрам во внешнеполитический инструментарий Анкары входит содержание военных баз на территории ряда государств в каждом из субрегионов Африки. По характеристике в их список входят пехотные базы, военные аэродромы и места морского базирования, что

призвано обеспечить турецким ВС относительно высокую мобильность и скорость реакции. Наличие военных баз за рубежом также является инструментом оказания политического давления или поддержки в отношении государств того или иного субрегиона пространства. При рассмотрении стран-размещения (о чем более детально будет далее) виден географический охват по контуру пространства Африки (но не за его пределами), что характерно подтверждает неоосманские амбиции Анкары.

Последним механизмом политики Турции в Африке в военно-политической плоскости является проведение военных операций на территории государств пространства. В их основе лежат две причины – защита национальной безопасности и экстраполяция собственной мощи. Что касается первого, то, как пишут В. А. Аватков и С. Н. Шелестов, «основной целью таких операций является попытка ликвидации курдской угрозы, которая занимает одно из главных мест на повестке дня турецкого руководства» [82, с. 17]. Ключевыми зонами их проведения являются соседние Ирак и Сирия. Что касается второй причины, то тут география не ограничена исключительно турецким приграничьем (например, отправка турецких ВС в Ливию в 2019 г.).

Механизмы в экономической сфере являются еще одним значимым инструментом Турции в рамках реализации ее интересов в пространстве Африки. Их применение началось с момента прихода к власти Партии справедливости и развития и внедрения ее экономической программы. Турецкое государство активно задействует прямое инвестирование в экономику государств Африки, а для отдельных стран турецкие инвестиции являются значимым источником внешних поступлений (например, в экономику Сомали [83]). Особой инвестиционной статьей для Турции является вложение в нефтегазовые секторы отдельных государств (например, Азербайджана [84]) для достижения выгодных преференций и укрепления собственной энергобезопасности.

Турция, в свою очередь, активно привлекает капиталы государств Африки для развития собственной экономики. Данный процесс особо актуален сегодня, ввиду глубоких проблем в ее экономическом секторе. Укрепление экономического

взаимодействия на фоне увеличения объемов взаимных инвестиций создает основу стабильного развития как для Турции, так и для государств Афразийского пространства [82, с. 19].

Как уже сказано, идеологическая плоскость занимает особое место в реализации политики Турции в Афразии, работая на улучшение образа турецкого государства, его истории и роли в пространстве. В продвижении османского культурного наследия за рубежом важную роль играют институты и организации, созданные при активном участии турецкого государства.

Фонд Юнуса Эмре, основанный в 2009 г., под эгидой которого действует одноименный институт, стал одним из важнейших механизмов турецкой культурной дипломатии, имея более 63 культурных центров за рубежом. Помимо преподавания турецкого языка в культурных центрах, на кафедрах тюркологии и преподавания турецкого языка, институт развивает сотрудничество с различными образовательными учреждениями разных стран [85].

Деятельность Фонда Юнуса Эмре способствует созданию сети культурного влияния Турции, охватывающей пространство бывшей Османской империи. Параллельно с образовательной деятельностью организация проводит за рубежом культурные мероприятия, включая выставки традиционного турецкого искусства, концерты национальной музыки, кинопоказы и литературные вечера. Благодаря многоплановой деятельности Фонд Юнуса Эмре укрепляет позиции Турции как значимого центра культурного и образовательного обмена на международной арене, способствуя продвижению турецкого языка и культурных ценностей за рубежом [86].

Международная организация тюркской культуры – TÜRKSOY, основанная в 1993 г. при Т. Озале, который высоко оценивал значимость османского наследия, является важным инструментом Турции в рамках «укрепления культурного партнерства» среди тюркоязычных народов [87]. Организация объединяет министерства культуры 6 стран (Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан), ставя цель «содействовать духовному сближению и укреплению братского единства тюркских народов, в представлении тюркской

культуры в мире и трансляции ее традиций последующим поколениям» [88]. Ежегодно TÜRKSOY реализует большое количество культурных проектов, включая фестивали, выставки и научные конференции [89].

Особое внимание TÜRKSOY уделяет османскому культурному наследию, особенно – в городах Центральной Азии [90]. Организация издает серию книг «Османские источники по истории тюркских народов», включающую переводы османских хроник [91]. Особое внимание отводится османской поэзии и поддержке молодых литераторов в тюркоязычных странах [92]. Деятельность организации укрепляет культурные связи между Турцией и тюркоязычными государствами, подчеркивая историческую общность их народов.

Турецкое агентство по сотрудничеству и координации – ТІКА, созданное в 1992 г. (также при Т. Озале), выступает еще одним значимым инструментом реализации турецкой «мягкой силы» в пространстве Афразии. Своей целью организация определяет «поддержку процессов экономического, социального и человеческого развития стран, а также сохранение и передачу общего исторического и культурного наследия будущим поколениям» развивающихся стран [93], особенно в Центральной Азии и на Кавказе (акцент на тюркские общины). Большой фокус деятельности ТІКА сосредоточен на восстановлении османского культурного наследия – реставрации исторических памятников в пределах Афразии и популяризации османской истории [94]. При этом немалое внимание в рамках работы Агентства уделяется Балканскому региону [95].

В контексте работы ТІКА А. И. Алиева отмечает, что после прихода к власти ПСР Анкара позиционирует себя в качестве активного «государства донора» (*yardım uaran ülke*) в сфере содействия международному развитию [96, с. 58]. Большое внимание ТІКА уделяет также сфере образования в странах Афразийского пространства, финансируя учебные заведения и программы, выделяя стипендии для студентов [97]. Важным направлением работы Агентства при этом является издание научных трудов по османской тематике на разных языках [98].

В гуманитарной сфере ТІКА реализует проекты, подчеркивающие преемственность османских традиций благотворительности. Через свои проекты

Агентство формирует образ о Турции как о наследнице и хранительнице общего османского наследия. Эта стратегия позволяет Анкаре использовать историко-культурные связи как инструмент современной политики. Н. Э. Демешко и А. А. Ирхин отмечают качественное изменение работы ТІКА после прихода к власти Партии справедливости и развития. Ученые пишут: «возможности государства и, следовательно, ТІКА для экспансии резко выросли, что проявилось уже к середине 2000-х. Однако именно в этот период во внешней политике произошел переход от пантюркистских концепций к реализации панисламистской доктрины в рамках концепции «Стратегической глубины», которая, в общем, сводится к лидерству Турции в суннитском мире. При этом пантюркистские проекты были интегрированы в панисламистские как часть последних» [61, с. 43].

Управление по делам турок за рубежом и родственных общин – ҮТВ, созданное в 2010 г., играет системообразующую роль в работе с диаспорами и этнически родственными общинами в пространстве Афразии [99]. ҮТВ активно финансирует академические исследования османского наследия, выделяя гранты на изучение османских архивов и полевые работы в бывших провинциях империи. Значимым инструментом деятельности организации стал выпуск работ «Османские архивы», где история стран афразийского региона рассматривается сквозь призму документов периода Османской империи [100].

Немаловажным элементом работы ҮТВ является сфера образования: организация выдает стипендии в области высшего образования студентам и приглашает молодежь из стран Афразии пройти обучающие программы в Турции [101]. ҮТВ формирует транснациональную сеть лояльных Турции интеллектуалов, разделяющих установки об общем османском прошлом народов пространства, способствуя укреплению культурных и ментальных связей между Турцией и странами Афразии.

Турецкий международный телеканал TRT Avaz, запущенный в 2009 г., стал важнейшим медиаинструментом продвижения турецкой культуры в Афразийском пространстве (преимущественно в ее восточном направлении). Позиционируя себя как «общий канал тюркского мира», TRT Avaz вещает на азербайджанском,

казахстанском, кыргызстанском, узбекском и туркменском диалектах тюркского языка [102]. Особое внимание уделяется производству документальных сюжетов об османском периоде Афразии: например, цикл «Османские следы», рассказывающий об архитектурном наследии империи в странах пространства, или «По следам корней» – об известных деятелях времен Османской империи [103]. Массовый турецкий кинопродукт (причем не только об османском периоде) стал значимым элементом турецкой «мягкой силы» [104, с. 34].

Турецкий фонд кинематографии, созданный в 2004 г., ежегодно выделяет отдельную часть своего бюджета на производство фильмов об османской истории. Исторические драмы «Великолепный век» («Muhteşem Yüzyıl»), «Великолепный век: Кесем» («Muhtesem Yüzyil: Kösem»), «Воскрешение: Эртугрул» («Diriliş: Ertuğrul»), «Основание: Осман» (Kuruluş: Osman), «Завоевание 1453» (Fetih 1453) и др. пользуются популярностью как в тюркском мире, так и за его пределами. Через медиапродукцию Турция формирует романтизированный образ османского прошлого как основы современной идентичности тюркской части населения Афразии.

За укрепление имиджа Турции в исламском мире отвечает Управление по делам религии – Diyanet. Diyanet занимается религиозной, образовательной, культурно-просветительской и благотворительной деятельностью как внутри самой Турции, так и за рубежом – в 145 странах мира [105]. За объем ресурсов, размер кадрового аппарата и уровень авторитетности в системе государственной власти его называют «государством в государстве». Управление по делам религии – одна из крупнейших и наиболее централизованных мусульманских организаций в мире [106].

М. А. Колесникова отмечает, что ключевыми направлениями деятельности Diyanet «являются проведение саммитов и двусторонних консультаций религиозных лидеров и священнослужителей, внедрение программ по теологии и проведение соответствующих профильных занятий в школах и в рамках специализированных курсов, подготовка имамов и муфтиев, издание и распространение литературы по истории и практике ислама, теле- и радиовещание,

создание и финансовая поддержка специализированных интернет-сайтов. <...> Особенностью работы Управления в других странах является налаживание партнерских связей с местными мусульманскими организациями и общинами и создание на их базе новых, формально независимых структур, которые становятся важным каналом влияния на всю мусульманскую, а не только турецкую общину» [106].

Вместе с учреждением успешно функционирует одноименный фонд «Diyanet», председателем совета попечителей которого является глава Управления по делам религии. Целью фонда является «поддержка деятельности Управления, оказание религиозных услуг и воспитание новых поколений, которые будут принимать участие в религиозных службах» [107]. Diyanet продвигает особую – «турецкую» – модель ислама, подчеркивающую преемственность с османскими традициями халифата. Реализуемые Управлением по делам религии и его одноименным фондом проекты формируют образ Турции и ее власти как хранителей мусульманской веры.

Итак, описанные выше идейные концепты и инструменты являются структурными элементами турецкой политики в Афразии, позволяющими Анкаре проводить диалог со странами и народами пространства «в османском стиле». Их деятельность способствует формированию сети «мягкого» и «жесткого» влияния, призванной восстановить и преумножить позиции Турции на территории бывшей Османской империи.

Важно отметить, что формирование разветвленной сети «мягкой» и «жесткой силы» в Афразии – не разрозненные инициативы, а компонент единой стратегии с большими целями [108, с. 93-95]. Дипломатия, экономическое проникновение, гуманитарные миссии и военно-технические инициативы служат современным инструментарием для системной ревизии геополитических позиций Турции, утраченных после распада Османской империи.

1.3. Теоретико-методологические основы исследования

Рассмотрение внешней политики Турции в пространстве Афразия в рамках диссертационного исследования основывается на обращении к двум парадигмам – цивилизационной и парадигме политического реализма.

Цивилизационная парадигма дала возможность исследовать политику Турции в Афразии как попытку реактуализации и мобилизации цивилизационного наследия Османской империи. В исследовании применяется введенный А. Тойнби термин «Афразия», представляющий собой, по его мнению, ключевой геоисторический регион, детерминирующий развитие глобальных процессов [6]. Долгое время данное пространство контролировалось Османской империей, которая к XVI в. достигла пика военно-политического могущества и задавала вектор его развития.

Цивилизационная парадигма позволила интерпретировать неоосманизм не просто как внешнеполитическую доктрину, а как комплексную идеологию, апеллирующую к общей исторической памяти, культурным кодам, религиозной идентичности и имперскому наследию, объединяющим Турцию и страны Афразийского пространства. Это объясняет, почему турецкая «мягкая сила» через такие институты, как TİKA, TÜRKSOY, фонд Юнуса Эмре и др., делает акцент на восстановлении культурных и гуманитарных связей. Опора на цивилизационную парадигму позволила интерпретировать предмет исследования через призму трансформации международного порядка, обусловленной нелинейной динамикой культурно-цивилизационного развития.

В контексте генезиса геополитики как доктрины пространственного доминирования сфера цивилизационного влияния получила определение «культурно-историческое пространство». Цивилизационная парадигма предоставила концептуальные основания для выделения именно Афразийского пространства в качестве приоритетной сферы влияния Турции, позволяя аргументировать, что это не произвольный набор стран, а область, исторически входившая в орбиту османского влияния. Данное утверждение напрямую связано

с идеей о большой ответственности государства за культурно-исторический комплекс общества. Как отмечает А. С. Филатов, для государства, встроенного в цивилизационный формат, функции по сохранению и развитию культурных достижений выводят его на геополитический уровень, превращая оформление этих достижений в цивилизационно-геополитическую задачу [109, с. 83]. Именно такая логика позволяет турецкой умеренно-исламистской элите обосновывать особую роль Анкары в Афразийском пространстве.

Отношение же Турции к происходящему в Афразийском пространстве идентифицировано сообразно тому, как общество относится к собственному дому. Это, в свою очередь, позволило деконструировать риторику турецкого руководства, в которой активно эксплуатируются темы «братства», «общей судьбы» и «исторической ответственности». Нарративы, анализируемые через призму цивилизационного единства, представляются эффективным инструментом легитимации гегемонистских устремлений Турции.

Обращение к цивилизационной парадигме также позволило проанализировать восприятие политики Турции другими региональными акторами. Сопrotивление турецкому доминированию со стороны, например, Ирана или Саудовской Аравии может рассматриваться не только как борьба за ресурсы или региональное лидерство, но и как столкновение альтернативных цивилизационных элементов.

Наравне с использованием цивилизационной парадигмы в рамках диссертационного исследования целесообразно обратиться к парадигме политического реализма, которая позволила проанализировать материальные основания и силовые инструменты турецкой политики в Афразийском пространстве. Если цивилизационная парадигма раскрывает идейно-ценностную мотивацию, то политический реализм фокусируется на классических категориях власти, безопасности и национального интереса, выраженных в конкретных действиях Анкары.

Политический реализм базируется на нескольких фундаментальных постулатах, имеющих значение для понимания мотивации Анкары в Афразийском

пространстве. Согласно парадигме политического реализма, суверенные государства выступают первичными акторами международных отношений, чье поведение определяется прежде всего логикой национальных интересов в условиях структурной анархии международной системы. При этом конфликтный потенциал межгосударственных отношений рассматривается как имманентная характеристика мировой политики, где обеспечение безопасности и наращивание мощи становятся ключевыми аспектами государственного поведения.

Парадигма политического реализма дала возможность интерпретировать стремление Турции к доминированию в Афразии как классическую борьбу за гегемонию в мире. Применительно к турецкой политике в Афразийском пространстве использование данной парадигмы позволило выявить стратегическую логику действий Анкары, направленных на укрепление своих позиций в зонах исторического османского влияния, формирование благоприятного регионального баланса сил, нейтрализацию угроз национальной безопасности, а также создание предпосылок для обеспечения нового глобального статуса. Это дало инструментарий для анализа таких аспектов, как создание военных баз за рубежом, проведение военных операций и использование энергетических маршрутов в качестве инструмента давления и влияния.

С точки зрения политического реализма, историко-цивилизационная риторика неоосманизма является не целью, а средством для легитимации прагматичного курса по усилению регионального влияния Турции и ослаблению позиций конкурентов. Политический реализм дал возможность объяснить, почему Анкара, апеллируя, например, к исламской солидарности, одновременно ведет жесткую *realpolitik* в пространстве, где преобладает ислам, вступая в конфликты и формируя ситуативные альянсы, исходя из расчета и меняющегося баланса сил в каждом из субрегионов Афразии. Это также позволило выявить ограничители турецкой мощи, показывая, как рост влияния Турции ведет к большим издержкам в экономике и дипломатии.

Ввиду структурных ограничений современной международной системы необходимо также обратиться к постулатам неореализма. В рамках него

возвращение Анкары в Афразийский регион можно рассматривать не только в качестве стремления к имперскому ревизионизму, но и как рациональную, в отдельных аспектах – вынужденную политику. В основе адаптивной политики Р. Т. Эрдогана и ПСР лежат фундаментальные изменения в международной системе после 1991 г. Они включают исчезновение фактора влияния социалистического блока в рамках распада биполярной модели мироустройства, появление «вакуума влияния» в исторических сферах интересов Турции, а также неприемлемость для Анкары встраивания в проект США «Большой Ближний Восток». Правовая ограниченность применения традиционных инструментов «жесткой силы» вынуждает Турцию во многом обращаться к гибридным механизмам проецирования влияния, – к примеру, как сказано ранее, использование частных военных компаний, таких как SADAT.

Использование Турцией Афразии для укрепления посредством нее собственного влияния в мире – пространства, концептуализированного прежде всего в османских цивилизационных координатах, – обусловило применение геополитического подхода, который позволил проанализировать стратегическое значение географического положения и пространственных факторов в формировании турецкой внешней политики. Он же дал возможность рассматривать Афразию не просто как османский историко-культурный ареал, но и как стратегический плацдарм, контроль над которым обеспечивает доступ к ключевым морским путям, энергетическим ресурсам и зонам влияния. Идея «большого пространства» и географической предопределенности позволяет эффективно воссоздать историческую динамику региона. В данном контексте Турция рассматривается как суверенный международный субъект, реализующий свою политику в границах крупного геокультурного ареала – Афразии.

Геополитический подход позволил проанализировать логику размещения турецких военных баз за рубежом, создания коридоров транспортной и энергетической инфраструктуры, а также стратегического позиционирования Анкары в конфликтных зонах Афразии. Немалую значимость он также приобретает при рассмотрении конкурентного взаимодействия Турции с другими

региональными и надрегиональными акторами, где пространственное присутствие (военное, экономическое, гуманитарное) становится материальным выражением геополитического доминирования.

В то же время геополитический подход тесно связан с экономикой. Данный фактор позволяет смотреть на такие проекты, как «Турецкий поток» или транспортные и энергетические коридоры через Южный Кавказ, не только как на коммерческие предприятия, но и как на инструменты для расширения стратегического влияния Анкары. Более того, в условиях трансформации системы международных отношений, руководствуясь геоэкономической логикой, идея о роли Турции в качестве «моста» между Европой и Азией была в значительной мере актуализирована.

Применение системного подхода дало возможность позиционировать Афразийское пространство как целостную геополитическую структуру, в которой отношения между ключевыми акторами формируют сложную внутреннюю динамику. Благодаря ему также стало возможным рассмотрение внешней политики Турции не как совокупности разрозненных инициатив, а как целостной системы действий, направленной на последовательное восстановление влияния в пространстве ее исторического доминирования.

Системный подход позволил проанализировать взаимосвязь между различными направлениями турецкого присутствия в Афразии (военно-политического, экономического, культурного). Он также дал возможность установить влияние изменений в глобальной расстановке сил на региональную динамику Афразии, что часто вынуждает Анкару адаптировать свою тактику.

Анализ документальных источников позволил сформировать информационную базу для достижения целей исследования. Сравнительное изучение внешнеполитических региональных концепций ведущих акторов Афразии дополнительно позволило заявить о нем как о большом геополитическом пространстве. Восприятие Афразии в качестве арены для стратегического соперничества нашло подтверждение в реализации многочисленных конкурирующих интеграционных инициатив и проектов влияния. Изучение

специфики подходов различных держав к Афразийскому пространству дало возможность утверждать о формировании в регионе сложной системы многоуровневого взаимодействия (как кооперации, так и конкуренции).

Метод анализа путем разделения сложной системы на составляющие элементы (военно-политический, экономический, культурно-религиозный) позволил системно изучить афразийскую политику Турции в контексте реализации неосманского курса. Данный метод также способствовал оценке потенциала Турции в рамках достижения ею статуса великой державы. Разложение понятия «великая держава» на составляющие компоненты позволило провести сравнительную оценку глобальных (великодержавных) позиций Анкары относительно других ведущих международных акторов.

Применение метода анализа позволило изучить специфику турецкой региональной политики через разделение Афразийского пространства на субрегионы (восточный, южный, западный). Данный метод также позволил продемонстрировать адаптивный характер внешнеполитических механизмов Турции в зависимости от региональной динамики при сохранении общей – неосманской – идеологической линии.

Метод синтеза дал возможность объединить разрозненные данные о различных аспектах турецкой политики в Афразии в общую модель. Применение синтеза обеспечило также переход от изучения отдельных компонентов неосманизма к его системному анализу в качестве комплексной внешнеполитической доктрины.

Синтез полученных результатов позволил определить закономерности и противоречия турецкой политики в Афразии. При сопоставлении характера подходов Анкары в зависимости от субрегиона данный метод показал, как универсальные принципы неосманизма адаптируются к субрегиональной специфике. В то же время синтез данных о геополитических характеристиках Турции и ряда прочих ведущих держав мира позволил сформировать комплексную оценку турецкого потенциала в рамках достижения статуса великой державы.

Исторический метод позволил проследить эволюцию стратегического подхода Анкары к Афразийскому пространству, начиная с момента прихода к власти Р. Т. Эрдогана и ПСР в 2002 г. Использование исторического метода позволило выявить дифференцированную динамику развития политики Турции в различных субрегионах Афразии, демонстрируя, как ее подход к восточному, южному и западному направлению эволюционировал асинхронно, но в рамках единого стратегического курса. Это, в свою очередь, позволило установить корреляцию между внутренними политическими, экономическими и социальными процессами в Турции и изменением приоритетов ее внешней политики в Афразийском пространстве, выявляя закономерности перехода от осторожного экономического проникновения к активному военно-политическому вмешательству.

Применение сравнительного метода позволило выявить универсальные закономерности и региональную специфику подходов Анкары в различных субрегионах Афразийского пространства. Сопоставление политики Турции в восточном, южном и западном направлении Афразии продемонстрировало единство общей стратегической линии и ситуативной адаптации, раскрывая механизмы реализации неоосманизма как гибкой внешнеполитической доктрины.

Сравнительный метод также обеспечил оценку состоятельности амбиций Турции по трансформации собственного глобального статуса через системное сопоставление с другими державами. Для определения потенциала Турции в достижении ею статуса великой державы, а также ее места в многополярной системе международных отношений были рассмотрены общие критерии, рассчитанные также для России, Китая, США, Великобритании и Франции.

Метод статистического исследования использовался для обоснования тезиса о возможном «имперском перенапряжении» Турции. Это позволило в количественном выражении оценить масштабы и последствия экспансионистского курса Анкары в Афразийском пространстве. Анализ макроэкономических показателей Турции (2002-2025 гг.) выявил прямую зависимость между активизацией турецкого внешнеполитического присутствия в Афразии и растущей

нагрузкой на экономику страны. Статистические данные продемонстрировали, как турецкие инициативы в разных субрегионах Африки происходили на фоне внутренних экономических вызовов. Данный фактор обусловил возникновение дисбаланса между внешнеполитическими амбициями Турции и ее реальными возможностями на международной арене.

Автором была разработана и апробирована методика расчета Индекса ресурсной обеспеченности, представляющая собой комплексный аналитический инструмент для сравнительной оценки ресурсной обеспеченности любой страны. В исследовании данный индекс был применен для анализа ресурсного энергетического потенциала Турции в сопоставлении с другими государствами, претендующими на глобальное лидерство – Россией, Китаем, США, Великобританией и Францией.

Методика расчета Индекса ресурсной обеспеченности основана на формуле:
$$\text{ИРО} = (\text{Объем внутренней добычи ресурсов}) / (\text{Объем внутренней добычи ресурсов} + \text{Импорт ресурсов}) \times 100\%$$
, что позволяет трансформировать качественные характеристики ресурсной обеспеченности в количественные показатели, пригодные для сравнительного анализа.

Индекс ресурсной обеспеченности выполняет несколько значимых функций в исследовании. Во-первых, он обеспечивает объективную количественную основу для сравнительного анализа ресурсного потенциала различных держав, позволяя выявить стратегические преимущества и уязвимости их энергетической безопасности. Во-вторых, расчет индекса дает возможность прогнозировать потенциал устойчивости государств в условиях возможных ресурсных кризисов или изменений на мировых рынках энергоносителей. Применение Индекса ресурсной обеспеченности позволило не только количественно усилить выводы диссертационного исследования, но и сформировать надежную метрику для оценки перспектив реализации турецких глобальных амбиций в контексте обострения мировой конкуренции.

ГЛАВА 2. СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В АФРАЗИИ

2.1. Тюркский проект и экономическая логика турецкой политики в Восточной Афразии

Восточная Афразия, включающая Азербайджан, Грузию, Армению, Абхазию, Северный Иран и Ирак, представляет собой стратегически важное направление на стыке Европы и Азии. Этот субрегион, исторически бывший ареной соперничества Османской, Российской, Персидской и Британской империй, сегодня остается зоной конкуренции интересов Турции, России, Ирана и западных держав. Политика Анкары в Восточной Афразии определяется сочетанием неоосманских амбиций, пантюркистских (переходящих в пантуранистские) идей, а также прагматичных экономических и военно-политических расчетов. Восточная Афразия служит для Анкары ключевым геополитическим плацдармом, обеспечивающим возможность создания транспортного коридора в страны Центральной Азии – основной ареал тюркских народов. В рамках этого Турция преследует стратегическую цель: консолидировать «тюркский мир» под турецкой гегемонией и укрепить идеологическую концепцию тюркского единства [110, с. 248].

Ключевой тенденцией турецкой политики в Восточной Афразии является стремление восстановить утраченное после Первой мировой войны влияние, опираясь на исторические, культурные, этнические и лингвистические связи [111, с. 97]. После распада СССР Турция принялась активно заполнять «вакуум влияния» в субрегионе [112, с. 114-115], используя инструменты «мягкой силы»: экономическую экспансию, образовательные программы, культурные обмены, поддержку тюркоязычных диаспор и т.д. А. В. Белоглазов и Р. Н. Надыров считают, что «этническая, историческая, культурная и религиозная близость обеспечили восприимчивость тюркоязычных стран к информации Анкары о «турецкой модели развития» как об элементе привлекательности» [32, с. 1383]. Особой

популярностью «турецкая модель» пользовалась в первой декаде XXI в. – во время реализации Анкарой принципа «ноль проблем с соседями».

«Мягкая сила» Турции в Восточной Африке представляет собой переплетенную многоуровневую систему: ТІКА, фонд Юнуса Эмре, Diyanet и другие организации посредством гуманитарных и религиозных проектов формируют протурецки настроенные элиты в государствах пространства. Ключевым направлением политики Турции в восточноафриканском субрегионе, по мнению В. А. Аваткова, является «реализация общетюркской интеграционной модели, которая осуществляется за счет создания сетевых протурецких структур, вовлечения в них заинтересованных сторон и формирования лояльных Анкаре лоббистских групп непосредственно на территориях стран-партнеров» [113, с. 168].

В рамках реализации проекта туркоцентричной интеграции тюркских государств Анкара стремится достичь ряда целей, первая из которых заключается в подмене тюркского турецким. Согласно идеям турецкого руководства, именно турецкий народ является центром «тюркского мира», тогда как все государства с преимущественно тюркским этносом должны следовать в фарватере турецкой внешней политики. В данном случае отчетливо идентифицируется установка на главенство турецкого над тюркским в логике Анкары. Турция способствует приходу к власти в странах субрегиона лояльной к себе новой элиты посредством работы с молодежью в сферах образования, науки и бизнеса. Другой ее целью является вынуждение властей остальных тюркских государств финансировать турецкие проекты и, таким образом, замыкать движение ресурсов на себе в рамках идеологии «хаба» [113, с. 169].

Культурно-религиозная экспансия Турции в Восточной Африке представляет собой систему воздействия на идентичность народов субрегиона, где образовательные учреждения, исламские фонды и языковые программы служат проводниками турецкого влияния. Характерным примером является сеть турецких школ в Азербайджане и Грузии, включая учреждения ныне запрещенного в Турции движения Hizmet Ф. Гюлена [114]. Несмотря на внешне светский образ, в турецких образовательных заведениях активным образом популяризируется синтез

«турецко-исламской идеологии», формируя лояльную к Турции местную молодежь.

Турецкие религиозные институты, особенно Управление по делам религии, выступают важнейшим столпом «мягкого» проникновения Турции в Восточную Афразию. Diyanet активно работает в странах субрегиона, поддерживая мусульманские общины и продвигая религиозно-культурные связи с Турцией. В Грузии Diyanet оказывает помощь местным мусульманам [115], особенно в районах с тюркским населением, таких как Аджария и Квемо-Картли, финансируя мечети, организуя образовательные программы и поддерживая тесные связи с имамами [116]. Стоит отметить, что Аджария занимает важное место в грузино-турецких отношениях, поскольку 30% населения региона привержены исламу суннитского толка. Автономная республика Аджария рассматривается Турцией как историческая земля, права на которую имеют турки в качестве «османского наследия». Как отмечает Л. М. Алексанян, «Именно в Аджарии турецкое культурное проникновение в Грузии проявилось наиболее сильно. Турция предприняла активные шаги для наращивания турецкой интерпретации ислама в Аджарии, действуя по двум направлениям: официальному, благодаря Diyanet и неофициальному, используя различные турецкие исламские организации, в первую очередь движение Фетуллаха Гюлена» [117, с. 76]. В Азербайджане Diyanet тесно сотрудничает с государственными религиозными структурами, помогая в подготовке имамов, реставрации мечетей и развитии исламского образования, укрепляя идеологическую и культурную близость между Турцией и Азербайджаном [118]. Diyanet способствует распространению умеренного ислама суннитского толка, противодействуя радикальным течениям и усиливая влияние Анкары в субрегионе.

Несмотря на попытки проникновения в Абхазию, предпринятые Diyanet в конце 1990-х гг., прямого административного контроля ему там добиться не удалось [119]. В результате эти функции остались у аффилированного с Россией Духовного управления мусульман Абхазии. Официальный контакт между Diyanet и ДУМ был установлен лишь в 2008 г., когда главный муфтий Абхазии Т. Дзыба

посетил с визитом Анкару. Тогда было достигнуто соглашение о том, что фонд Управления по делам религии будет способствовать строительству мечетей в Абхазии, а также о ряде иных положений религиозного сотрудничества [120]. Несмотря на то, что Diyanet не имеет прямого административного присутствия в Абхазии, через некоммерческие организации и благотворительные фонды он может участвовать в религиозной жизни края. Турция активно предлагает образовательные программы: некоторые абхазские студенты обучаются в исламских учебных заведениях Турции. Также отдельные представители абхазских мусульман посещают Евразийский исламский совет, организуемый Турцией каждый год [119].

Языковая политика Анкары стала третьим ключевым элементом культурной экспансии в Восточной Африке. Большое значение в данном процессе имел переход Азербайджана с кириллицы на латиницу, без чего (с привлечением также Туркменистана, Узбекистана и Казахстана) в конце XX в. не удалось создать единый для тюркских народов турецкий язык. Это во многом позволило Анкаре возобновить дискуссии о формировании единого языкового пространства, который стремится за пределы описываемого в рамках исследования субрегиона – в Центральную Азию [113, с. 172].

Важную роль в культурной экспансии Турции в Восточной Африке также играют медиа-ресурсы. Например, запущенное в 2021 г. интернет-телевидение «тюркского мира» – «MEDIATÜRK TV» [121] – стало эффективным инструментом популяризации пантюркистской идеологии. Такого рода медиа, наряду с образовательными программами TÜRKSOY, создают единое информационное пространство, где доминирует турецкая повестка.

Стоит отметить, что культурно-религиозное влияние Турции в Восточной Африке не продвигается без сопротивления и критики в его адрес. Работа турецких медиа-структур вызывает озабоченность у соседей – например, у Тегерана: среди азербайджанского населения Северного Ирана в последние два десятилетия усилились пантюркистские настроения, что связывают с работой тюркоязычных спутниковых каналов [122]. Характерен случай, когда в 2020 г. Р. Т.

Эрдоган процитировал стихотворение азербайджанского поэта Б. Вагабзаде о реке Аракс, разделяющей территорию Азербайджана и два района Ирана, где проживают этнические тюрки. В стихотворении автор оплакивает насильственное и искусственное, по его словам, разделение двух берегов реки Аракс, когда Азербайджан отделился от азербайджанской провинции Ирана. Публичный намек на то, что тюркоязычные территории Ирана являются частью Азербайджана, вызвал немало критики со стороны иранского министерства иностранных дел [123].

К. Н. Гасанов в отношении современного уровня отношений между Анкарой и Баку резюмирует, что азербайджанские власти рассматривают Турцию в качестве братской страны и поддерживают интеграционные процессы под эгидой Анкары. Р. Т. Эрдоган на встречах с И. Алиевым не раз подчеркивал, что взаимоотношения двух стран строятся на основе выдвинутой еще Г. Алиевым формуле «Один народ – два государства» [124]. Такого рода отношения нередко вызывают опасения у других государств региона, особенно у Армении, что оправдало себя после окончательного перехода Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана (2023 г.).

«Мягкая» экспансия Турции в Восточной Африке реализуется не только в культурной плоскости, но и в экономической, представляя собой тщательно выстроенную систему влияния, где энергетические проекты, интерес к транспортным коридорам и торговая политика служат важными инструментами неоосманских амбиций Анкары. Центральное место в этой стратегии занимает экономическое сотрудничество с Азербайджаном, где турецкие инвестиции достигли \$13 млрд. в 2021 г., укрепляя межгосударственные связи. При этом объем инвестиций Азербайджана в экономику соседа не уступал тогда турецким капиталовложениям, а Турция по объему азербайджанских инвестиций занимала первое место среди всех стран [124]. Как уже отмечалось, торговая экспансия Анкары дополняется созданием т. н. сетевых структур лояльности, когда представители местного бизнеса оказываются связанными с турецкими коллегами.

Экономическое проникновение Турции в Восточную Африку имеет и геополитические ограничения. Иран, опасаясь формирования «туранского моста»

через Зангезурский коридор, долгое время блокировал чрезмерное усиление Турции – до передачи его под контроль США в 2025 г. [125]. Анкара же, в свою очередь, стремилась максимально использовать экономические возможности в субрегионе. Например, после победы Азербайджана в Нагорном Карабахе турецкие компании получили доступ к восстановлению территорий [124].

Отношения Турции, например, с Абхазией демонстрируют прагматичный дуализм в ее южноафразийской политике. Анкара официально не признает независимость Абхазии и Южной Осетии, поддерживая территориальную целостность Грузии, и с 1996 г. сохраняет торговое эмбарго в отношении Абхазии. Однако на практике Турция развивает торгово-экономические связи с Абхазией, используя, в основном, морское сообщение [117, с. 80].

Инвестиции в транспортную инфраструктуру стали вторым элементом турецкого экономического проникновения в субрегион. Особенно ярко это проявилось в проектах Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Тбилиси-Эрзурум – строительстве энергетических и транспортных коридоров, связывающих Азербайджан, Грузию и Турцию, – для экспорта каспийских энергоресурсов на мировые рынки в обход России. Благодаря им Анкара не только получила доступ к каспийским ресурсам, но и укрепила роль энергетического хаба между Востоком и Западом.

При рассмотрении политики Турции в Восточной Африке важно учитывать, что данный субрегион является значимым элементом во внешней экономической стратегии Китая в области трансконтинентальных коммуникаций. Пекин обеспечивает активное развитие инфраструктурных и транспортных проектов, укрепляя двустороннее сотрудничество в реализации торгово-экономических, инвестиционных и гуманитарных проектов с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), составной частью которого является Турция, представляет собой один из ключевых китайских проектов в Восточной Африке и должен стать частью Великого шелкового пути в рамках глобальной инициативы «Пояс и путь». Санкционные риски на фоне украинского кризиса 2022 г., несмотря на тесные контакты Пекина

и Москвы, подняли вопрос о целесообразности диверсификации транспортной коммуникации Китая и стран Европейского союза, значительная часть которой шла по территории России, повысив значение южных обходных транспортных коридоров [126]. Хорошие отношения с Грузией крайне необходимы Турции, поскольку первая важна в рамках реализации проекта т. н. Среднего коридора из Китая в Европу (в рамках ТМТМ) [127].

Политика Турции в Восточной Африке не ограничена исключительно инструментами «мягкой силы» – параллельно с ними Анкара выстраивает многоуровневую систему военно-политического присутствия, где институциональные альянсы, поставки вооружения и совместные учения способствуют укреплению неоосманского курса. Данная система является следствием постепенного перехода Турции от пантюркистских (этнокультурных) инициатив к пантуранистским, нацеленным на политическую интеграцию тюркских государств. Главную роль в этом процессе играет Азербайджан [112, с. 115], являющийся своеобразным «мостом» на восток – к тюркоязычным государствам Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан). Центральноазиатское пространство, входившее ранее в состав Российской империи и СССР, не рассматривается в рамках диссертационного исследования, однако его роль в формировании турецкого подхода к субрегиону важно учитывать. Наравне с Восточной Африкой, после дезинтеграции советского государства в 1991 г., Центральная Азия также столкнулась с политическим «вакуумом влияния», чем воспользовалась Турция. Призыв Анкары к политическому и культурному единству всех тюркоязычных народов нацелен на культивирование идеи «тюркского единства», которое было бы не ограничено границами государств двух смежных пространств.

Признание значительной частью населения тюркских стран общего этнического происхождения, родства языка и близости культуры тюркских народов создало предпосылки для реализации Анкарой амбициозного проекта – «Великий Туран» – и перехода к более широкой (пантуранистской) политической идее. Ключевым проводником этой стратегии стал Тюркский совет, созданный в

2009 г. и трансформированный в 2021 г. в Союз тюркских государств. Этот альянс, включающий Азербайджан, Казахстан, Киргизию и Узбекистан, изначально фокусировался на культурных и экономических вопросах, но после Карабахской войны 2020 г. приобрел выраженную военно-политическую направленность.

В октябре 2020 г. турецкое издание *Türkiye Gazetesi* опубликовало статью «Путь – Туранская армия». В материале со ссылкой на турецких военных экспертов утверждалось, что успех Азербайджана в Нагорном Карабахе во время Второй карабахской войны, с применением передовых образцов турецкой военной техники, стал одним из первых полноценных шагов к воплощению «старой турецкой мечты» – созданию военного блока «Армия Турана», объединяющего тюркоязычные страны [128]. Вторая война в Нагорном Карабахе окончательно закрепила позицию Анкары как стратегического союзника Баку. Военно-техническое сотрудничество двух стран и «надежный тыл» во многом обеспечили итоговый военный триумф Азербайджана в конфликте с Арменией и Нагорно-Карабахской республикой в сентябре 2023 г., ознаменовавшийся ликвидацией последней. Используя непростой характер отношений между Москвой и Ереваном, турецкая сторона ставила цель решить две актуальные для себя задачи: отчасти дискредитировать Россию в глазах ее союзников по Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) [129] и показать своим сторонникам выгоды от общего с Анкарой военно-политического курса.

Процесс интеграции вооруженных сил стран-участниц Союза тюркских государств продолжается [130]. При этом «Армия Турана» не ограничена исключительно военной стороной – в ее фундамент заложена идея политической консолидации тюркоязычных государств на почве этнической и культурной общности [131, с. 71]. В основе реализации проекта военного блока также лежат не только установки пантюркизма, но и идеи пантуранизма. В рамках отношений Анкары с Москвой примечателен факт, что Казахстан и Киргизия входят в состав ОДКБ, где также присутствует Армения [131, с. 71].

Важное значение в рамках усиления военно-политического присутствия Турции в Восточной Африке имеет Шушинская декларация, подписанная

Анкарой и Баку в 2021 г. Документ закрепил обязательства сторон по взаимной военной помощи, включая совместные действия в случае угрозы извне, а также углубленную кооперацию в оборонной промышленности [132]. Укрепление турецко-азербайджанских оборонных связей было подтверждено на высшем уровне в сентябре 2023 г., когда Р. Т. Эрдоган посетил Нахичевань, где принял участие в открытии нового военно-производственного комплекса [133]. Интерес Турции к стратегически важному нахичеваньскому эксклаву вызывает опасение как в Армении, так и в Иране, который воспринимает усиление Анкары как угрозу своей северной границе [134]. Тем не менее, в рамках пантуранистского проекта эксклав крайне необходим Анкаре ввиду важности проекта Зангезурского коридора, который фактически является единственной сухопутной артерией между Турцией и «тюркским миром».

Военно-политическая экспансия Турции в Восточной Африке также сталкивается с ограничениями: Россия, сохраняющая военные базы в Армении, Абхазии и Южной Осетии, остается сдерживающим фактором для турецкой политики. Сеть российских военных баз в субрегионе дает возможность Москве оперативно реагировать на вызовы у своих южных границ. В данном случае характерна многолетняя системность и последовательность Турции в реализации пантуранистского проекта, что еще раз демонстрирует решимость Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития в вопросе реставрации утраченных турецких позиций в субрегионе [135].

Особую сложность для военно-политической стратегии Турции в Восточной Африке представляет курдский вопрос, дистанцироваться от которого Анкара не в состоянии. История ирано-турецких отношений в контексте курдского вопроса и политической нестабильности в соседнем Ираке насыщена противоречиями [136], когда обе страны не раз переходили от координации действий к взаимным обвинениям [137]. На политические процессы в Ираке Турция осуществляет влияние через суннитские и туркменские группы [138], а также через тесные экономические связи с правительством в Багдаде, особенно в области экспорта и разведки нефти [139].

Многосторонние форматы регионального сотрудничества стали для Анкары определенным инструментом легитимизации себя в роли арбитра в Восточной Африке. Предложение Анкары и Баку при поддержке Москвы после Второй Карабахской войны о создании платформы «3+3» (Армения, Азербайджан, Грузия плюс Россия, Турция, Иран), которая должна была стать механизмом региональной коммуникации, отражает тенденции к радикальным переменам в субрегионе, где тройку лидеров, определяющих «правила игры», возглавляют Турция, Россия и Иран (при этом официальный Тбилиси отказался быть вовлеченным в региональный формат). Симптоматично, что на встрече глав министерств иностранных дел стран-участниц формата «3+3» в октябре 2023 г. в Тегеране тогдашний президент Ирана И. Раиси акцентировал внимание на том, что проблемы субрегиона невозможно решить путем вмешательства иностранных сил [140]. Аналогичной позиции придерживается и Анкара, признавая невозможность успешного решения региональных проблем без участия двух других ключевых акторов пространства – России и Ирана.

Турция также укрепляет стратегическое присутствие в Южной Африке посредством проникновения в Каспийский регион, преимущественно через инвестиции. Важным шагом в данном направлении стала покупка казахстанского судостроительного завода «Зенит» турецким инвестором, связанным с группой YDA. Стоит отметить, что YDA работает, в том числе, в области строительства объектов военного назначения. Покупка завода «Зенит» согласуется с ранее анонсированным планом «Каспий», предусматривающим развитие судостроительной инфраструктуры в регионе при поддержке Министерства промышленности Казахстана и турецких компаний [141]. Вовлечение Каспийского бассейна в орбиту своего влияния через экономическое и военно-техническое сотрудничество вполне соответствует стратегии Турции по усилению собственной роли как в тюркском мире, так и на международной арене в целом.

Интерес Турции к Каспийскому бассейну также обусловлен значительным запасом энергетических ресурсов и его стратегическим значением для международных транспортных коридоров. Важно отметить, что активность

Турции, подкрепленная ее военно-техническим сотрудничеством с Казахстаном, включая производство боевых беспилотников и строительство военных кораблей, может повлиять на изменение баланса сил в субрегионе [142]. Проникновение Турции в район Каспия представляет прямую угрозу позициям Ирана. Кроме того, участие Турции в каспийской логистике и судостроении способствует развитию альтернативных транспортных маршрутов, таких как Транскаспийский международный маршрут («Срединный коридор»), который призван заменить проходящий по территории России «Северный коридор», что подрывает российский транзитный потенциал и угрожает экономическим интересам.

Отдельным географическим направлением в рамках политики Турции в Восточной Африке является Черноморский регион, представляющий собой естественное пограничье пространства. Анкара и Москва, будучи его главными акторами, стремятся оградить регион от доминирования в его пределах третьих сил. Как отмечают Н. Э. Демешко и А. А. Ирхин, «в геополитическом пространстве Россия и Турция имеют очень узкий сегмент совместных интересов, ограничивающийся как раз Черноморским регионом. Этим узким пространством совместных интересов можно объяснить «быстрые договоренности» двух элит по Крыму в 2014 г. Для Турции переход Крыма под юрисдикцию России – это существенно меньший ущерб, чем появление американских баз в бухтах Севастополя. Это же относится к вопросу интеграции Украины и Грузии в НАТО. Турция на эмоциональном уровне может поддерживать расширение евроатлантического блока на Черноморский регион, но на уровне реальной политики и геополитических интересов это неприемлемый для Анкары сценарий» [61, с. 38]. Полуостров Крым, как пишут Ю. В. Павленко и Б. А. Парахонский, является «зоной цивилизационного стыка и периодически обостряющейся этноконфессиональной напряженности». На фоне возвращения в 1990-х гг. крымских татар в Крым (при поддержке Турции) в его пределах снова возросла роль тюркско-мусульманского фактора. Ученые считают, что полуостров, «при сохранении численного политического и социально-экономического преобладания

славянского компонента, снова обретает характер района межцивилизационного взаимодействия» [143, с. 529].

«Крымский аспект» является значимым элементом российско-турецких отношений, поскольку механизмы турецкой «мягкой силы» активно реализуются на территории Крымского полуострова в рамках пантюркистских установок Турции. Н. Э. Демешко и А. А. Ирхин отмечают активную работу Анкары по укреплению собственного гуманитарного и информационно-культурного влияния среди крымско-татарского населения, называя ее «вектором турецкой «мягкой силы». Крымские татары после возвращения на полуостров искали средства для обустройства, на что ответило турецкое правительство, обещав оказать экономическую поддержку Украине в рамках их возвращения. Профильными ведомствами Турции был принят ряд соответствующих программ, в том числе по строительству жилья, большинство из которых, тем не менее, оказалось впоследствии свернуто из-за значительных финансовых затрат. Также в Крыму был открыт офис ТІКА, через который реализовывались турецкие программы, в основном в сфере гуманитарного сотрудничества [61, с. 41].

Помимо ТІКА, в формировании притягательного образа Турции в Крыму значительную роль были призваны сыграть турецкие государственные структуры в лице Министерства народного образования и Управления по делам религии, представители турецких бизнес-кругов, крымско-татарская диаспора в самой Турции, религиозные организации и фонды, а также практика установления побратимских связей между городами и сотрудничества между учебными заведениями Крыма и Турции. «До 2014 г. турецкие программы охватывали широкую крымско-татарскую общественность, с учетом интересов всех слоев крымско-татарского населения. После 2014 г. Анкара реализует свои проекты в отношении крымских татар исключительно на территории Украины. Цель Турции – создание благоприятной среды для продвижения турецких национальных интересов в Крыму и на территории Украины, используя крымско-татарский национальный фактор» [61, с. 44].

Турецкая активность по исламизации Крыма в период с 1991 по 2014 г. была в немалой степени компенсирована взвешенной межконфессиональной политикой России после возвращения полуострова в свой состав. Таким образом, крымский фактор играет одну из центральных ролей в сформированной системе сдержек и противовесов в рамках российско-турецкого взаимодействия. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. полуостров стал для Анкары элементом воздействия на баланс сил в Черноморском регионе. «Это проявляется в непризнании современного статуса полуострова как российской территории, а также в формировании турецко-украинского военно-политического альянса (дипломатическая поддержка Анкарой Киева, турецкие военно-технические поставки Украине). Однако учитывая ограниченность турецкой «жесткой силы» на северном направлении и понимая важность сохранения Конвенции Монтре (с целью недопущения в Черноморском регионе экспансии внерегиональной державы), Турция предпочитает использовать в отношении Крыма факторы «мягкой силы» [61, с. 42].

Дополнительным инструментом укрепления геополитического и экономического влияния Турции в Черноморском регионе стало энергетическое сотрудничество. Анкара, позиционируя себя как новый «энергетический хаб» [144], продвигала идею создания крупных энергетических проектов, где использовала собственное выгодное географическое положение. Совместно с Россией был создан «Турецкий поток», обеспечивший транзит газа на Балканы через турецкую территорию, а Южный газотранспортный коридор усилил зависимость Греции, Болгарии и Италии от азербайджанских ресурсов, маршрутизированных через Турцию [145]. Это позволило Анкаре контролировать потоки ресурсов в обход традиционных коридоров, зависящих от России, одновременно создавая инструмент давления на ЕС.

Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) стала еще одним полем для укрепления позиций Анкары в Черноморском бассейне. Основанная в 1992 г. в Стамбуле в результате усилий Турции, с постоянным международным секретариатом там же, ОЧЭС является крупнейшей платформой

регионального сотрудничества для 13 государств региона [146]. Продвигаемые Анкарой инициативы в рамках Организации имели целью укрепить имидж Турции в качестве крупнейшего экономического партнера в рамках Черноморского региона, а также превратить ее в важного коммерческого посредника между ЕС и постсоветским пространством.

Итогом турецкой активности в рамках ОЧЭС стали многоуровневые выгоды для Анкары: экономически она закрепились как важный торгово-транзитный узел [147, с. 169] и в немалой степени легитимизировала собственную миротворческую роль, что ярко проявилось в организации «Зерновой инициативы» 2022–2023 гг. Тогда Турция обеспечила экспорт украинского зерна через Черное море, несмотря на российскую блокаду, убедив Москву в критической необходимости данного экономического сотрудничества [148]. При этом Анкара сохранила уникальный статус балансира между НАТО и Россией, трансформируя ОЧЭС из консультативного форума в инструмент собственной политики с сетью взаимозависимостей.

Важно отметить, что политика Турции в Черном море реализовывалась также и в военно-политической плоскости. Анкара применяла двойственную тактику: с одной стороны, лоббировала интересы государств, стремящихся к сближению с Западом, поддерживая Грузию (в период ее прозападного курса) и Украину в ОЧЭС для ослабления российских позиций, но избегая прямой конфронтации с Москвой. С другой стороны, как показали запреты на проход военных кораблей России через Босфор после февраля 2022 г., – используя статус гаранта Конвенции Монтре, Турция применяла избирательные ограничения для военных судов [149].

Если обратиться к прогнозированию, то при сохранении нынешнего руководства политика Турции в Восточной Африке, вероятнее всего, будет продолжать характеризоваться поступательной экспансией, основанной на синтезе идей пантюркизма и пантуранизма. Анкара, активно используя определенное снижение внимания и ресурсов Запада (США, ЕС), сфокусированных на других кризисных зонах (Украина, Тайвань, Персидский залив, потенциально – Гренландия), будет стремиться максимально укрепить свои позиции в этом

стратегически важном регионе. Важное значение в данном процессе будет иметь углубление стратегического союза с Азербайджаном. Вероятнее всего, Анкара будет настаивать на усилении военной интеграции с Баку в формате, к примеру, совместного производства оружия, синхронизации действий разведок или даже создания фактического оборонительного союза на Южном Кавказе. Нельзя также исключать постоянное давление на Армению с целью обеспечения открытости Зангезурского транспортного коридора (сегодня происходит при поддержке США), который обеспечивает непосредственную сухопутную связь Турции через территорию Армении и Азербайджана с Центральной Азией – основным ареалом «тюркского мира». Одновременно Турция будет наращивать использование Организации тюркских государств в качестве ключевой платформы для легитимизации своего регионального влияния, не исключая возможности масштабирования взаимодействия в ее рамках.

Грузия останется для Турции критически важной, но относительно уязвимой транзитной зоной, обеспечивающей ей дополнительную связь с Азербайджаном и Каспием. Вероятно, Анкара будет инвестировать в развитие транспортной инфраструктуры Грузии (порты, железные и автомобильные дороги), стремясь укрепить контроль за логистическими потоками и расширить собственное экономическое присутствие. Турция способна пытаться помешать активному восстановлению дипломатического диалога между Грузией и Россией, который может рассматриваться в Анкаре как потенциальная угроза турецким транзитным проектам.

В отношении Северного Ирана и Ирака Анкара продолжит делать ставку на укрепление своих связей с тюркскими сообществами, прежде всего иранскими азербайджанцами и иракскими туркоманами, позиционируя себя как их «естественного защитника». Это может выражаться в значительном увеличении «мягкой силы» (образование, культурные проекты) вдоль границ, но при этом и нести высокие риски жесткого ответа со стороны центральных правительств, особенно Ирана, поскольку Тегеран уже называл подобные инициативы покушением на суверенитет. В Ираке Турция продолжит опираться на туркменские

партии для влияния на политику Багдада и противодействия влиянию проиранских шиитских сил, что еще больше осложнит управление хронически нестабильной ситуацией, особенно на фоне курдского вопроса.

Конкуренция с основными региональными державами – Россией и Ираном – будет протекать в режиме «управляемого соперничества». С Россией, вероятнее всего, сохранится противоречивая модель «враг-партнер»: с одной стороны, Анкара будет развивать практическое сотрудничество в сферах экономики, энергетики (включая вопросы газового хаба [150, с. 261]) и отдельных региональных кризисов, но с другой – последовательно стремиться укреплять собственное влияние в субрегионе. Наиболее остро соперничество может проявиться в борьбе за влияние в Армении и Грузии, а также в стремлении повлиять на уровень диалога между Россией и Азербайджаном. Нагорный Карабах, несмотря на его «решенный» статус, останется точкой напряженности: Турция будет гарантировать власть Азербайджана, сохраняя давление на Армению.

Вероятен сценарий «нестабильной стабильности», когда между тремя соседями может возникнуть молчаливое или частично оформленное соглашение о признании приоритетов друг друга в определенных сферах (например, Россия – в Армении и Грузии, Турция – в Азербайджане, грузинской Аджарии и зонах проживания тюрков, Иран – в южной Армении и шиитском Ираке). Что касается Ирана, то, несмотря на военно-политический ущерб от вооруженного столкновения с Израилем и США, начавшегося в июне 2025 г. и продолжившегося в феврале 2026 г., а также при сохранении поддержки России и Китая, он вряд ли откажется от прежнего уровня регионального участия.

Также возможны попытки локальными компромиссами решать конфликты, отдавая большое внимание развитию инфраструктурных проектов под региональным контролем (транспортные коридоры Восток-Запад и Север-Юг) и отсекая новые альтернативные варианты с участием стран Запада или Китая. Однако такой неустойчивый порядок постоянно будет иметь высокий риск дестабилизации в случае эскалации, что может быть вызвано, например, «возвращением» США в субрегион (уже наблюдается). Не стоит исключать и

возможности заключения более формализованного союза между Турцией, Россией и Ираном для сохранения стабильности в Восточной Африке.

В рамках прогнозирования будущих действий Турции в Восточной Африке стоит отметить, что инициатива США по установлению контроля над Зангезурским коридором представляет собой прямую угрозу пантюранистским планам Турции, поскольку тем самым Вашингтон превращает ключевой геополитический актив в инструмент внешнего управления. Как уже сказано, для Анкары этот коридор является единственным прямым сухопутным мостом, связывающим ее с «тюркским миром» через Азербайджан и открывающим путь в Центральную Азию. Контроль за ним позволил бы Турции активизировать экономическую и политическую интеграцию в рамках Организации тюркских государств, став сухопутной основой для создания единого тюркского пространства от Средиземноморья до Каспия. Однако американский контроль над данной артерией лишает Анкару стратегической автономии, ставя ее региональные амбиции в зависимость от решений Вашингтона.

Установление внешнего контроля над Зангезурским коридором создает риски ограничения экспансии Турции, вынуждая Анкару согласовывать свою политику в Восточной Африке с интересами США, от чего та стремилась уйти с начала XXI в. Вашингтон получает возможность регулировать интенсивность взаимодействия Анкары с тюркскими странами, используя транспортные потоки как рычаг давления. Это не только блокирует потенциал пантюранизма как внешней интеграционной силы, но и встраивает Турцию в чуждую ей архитектуру, где первоочередной целью может быть выбрано, к примеру, ослабление России или Ирана. Таким образом, США под видом инфраструктурного партнерства, вероятно, реализуется схема сохранения Турции в орбите западного влияния, лишаящая ее возможности проводить полностью независимую политику в «тюркском мире».

Ключевые риски для успеха турецкой политики в Восточной Африке включают:

1. Потенциальную переоценку Анкарой своих возможностей противостоять России и Ирану в их чувствительных зонах;

2. Опасность провокации широкомасштабной дестабилизации в Иране из-за игры с сепаратизмом иранских азербайджанцев;
3. Повышение внимания НАТО к «флангам» России (Армения, Грузия) или Ирана (Армения, Азербайджан);
4. Политизацию вопроса Зангезурского коридора со стороны США с целью сделать политику Турции в субрегионе более управляемой;
5. Санкции против турецко-азербайджанских проектов;
6. Угрозу нового обострения курдского вопроса на южных границах Турции.

Таким образом, Анкара, стремясь утвердить себя в роли ключевой державы в субрегионе через усиление союза с Азербайджаном, освоение транзитных возможностей пространства и мобилизации тюркских связей, должна будет постоянно балансировать между необходимостью вытеснения Запада, управлением острейшими противоречиями с Россией и Ираном и избеганием быть напрямую вовлеченной в вооруженные конфликты.

2.2. Идеология и безопасность в южноафразийской политике Турции

Южная Афразия для Турции в рамках ее внешнеполитического курса является важным геополитическим направлением, прежде всего, из-за своей идеологической значимости. В отличие от Восточной Афразии, в южном субрегионе политика Анкары имеет ряд иных причинных установок. Первая из них – более выраженное, чем в восточном, чувство исторической ответственности за судьбу пространства. Связь с субрегионом является неотъемлемой частью турецкого национального сознания, что лежит в основе неоосманской риторики Анкары. На это также влияет роль Южной Афразии в качестве «колыбели» исламской цивилизации (и трех авраамических религий). Мечети аль-Харам в Мекке и Пророка в Медине, а также Аль-Акса на Храмовой горе Иерусалима, являются предметами особого внимания для Турции на фоне ее борьбы за авторитет в мировой мусульманской общине (умме), а также того, что ранее все

они находились под турецким (османским) контролем. В то же время внешняя политика Анкары в субрегионе синтезирует имперскую историческую идентичность и прагматичную борьбу с непосредственными угрозами национальной безопасности, формируя комплексный и местами конфликтный подход к Южной Афразии.

Простираясь от восточных районов Ирака через северное и северо-западное побережье Персидского залива, Аравийский полуостров к Суэцкому каналу, Южная Афразия представляет собой важнейшее геополитическое пространство. Его значение определяется пересечением здесь интересов ведущих мировых держав – России, США и Китая – и ключевых региональных игроков, таких как Турция, Иран и Саудовская Аравия.

После крушения биполярной системы международных отношений пространство Южной Афразии стало во многом «открытым» для Турции. Действуя под фактическим патронатом Вашингтона, турецкое государство получило карт-бланш на укрепление собственного статуса в субрегионе, о чем практически открыто заявлял Р. Т. Эрдоган [151] и что удачно сочеталось с декларируемыми Анкарой с начала XXI в. миролюбивой региональной политикой и ритмичной дипломатией. Данный подход, как говорилось ранее, позволил Турции провести значительные экономические преобразования, заложив основы материальной базы для дальнейшей реализации суверенной политики в субрегионе.

События Арабской весны 2011 г. значительно повысили и без того высокий конфликтогенный характер южноафразийского пространства. Всплеск политической нестабильности в ряде государств Южной (и Западной) Афразии был расценен Анкарой как исторический шанс форсировать восстановление собственной геополитической роли. Это побудило Турцию пересмотреть прежний достаточно «мягкий» внешнеполитический подход в пользу применения более «жестких» механизмов [152].

Важно подчеркнуть, что в тот период Турция производила не смену внешнеполитического курса, принципы которого все так же декларировались на официальном уровне, а пересмотр методов его реализации – инструментарий

«мягкой силы» постепенно заменялся «жестким». И. А. Свистунова отмечает, что Анкара попыталась воспользоваться потрясениями в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние в Африке, распространяя турецкий опыт демократизации и либерализации. В соответствии с этим турецкая власть сделала ставку на поддержку протестных движений, которые сама характеризовала как «демократические» [153, с. 10].

Инициированная Анкарой в 2021-2022 гг. перезагрузка отношений с ключевыми политическими акторами Южной Африки предопределила новый этап трансформации турецкого геополитического видения. Данный шаг был продиктован как региональными, так и глобальными факторами: от проблем безопасности до вопросов экономики [154]. Пандемия коронавируса сильно пошатнула экономику Турции в 2019-2020 гг. (осенью 2022 г. инфляция в Турции достигла 80%). «Из-за действий Турции в Сирии и Ливии Вашингтон и Брюссель ввели против нее санкции. Сохранение конфликта с соседями в условиях ограниченных ресурсов ставило под риск достижения Анкары в Ливии, Сирии и Катаре. Именно тогда правительство Эрдогана дало старт нормализации отношений с арабскими странами», – пишет К. Н. Гасанов [155].

Качественное рассмотрение политики Турции в Южной Африке не представляется возможным без учета геополитической конфигурации субрегиона. Несмотря на все еще значительный уровень влияния США, на границе первой и второй декад XXI в. произошел сдвиг в пользу увеличения числа геополитических акторов, проводящих свою политику в его пределах. На это повлияла серия глобальных политико-экономических обстоятельств, первым из которых стал определенный «кризис присутствия» США в пространстве [156]. Ставка на демократизацию мусульманских государств в рамках проекта «Большой Ближний Восток» потерпела крах, исламский фундаментализм не был «вытеснен» традиционным исламом (скорее наоборот), а Вашингтону становилось все труднее объяснять американским гражданам важность постоянного присутствия армии США в регионе [157]. Последнее слово в политике США в Южной Африке сказал вывод о необходимости переноса фокуса американского внимания на Азиатско-

Тихоокеанский регион на фоне необходимости противостоять китайской экономической экспансии и поддерживать Тайвань перед «угрозой» со стороны Китая, а Южную Корею и Японию – со стороны КНДР [158].

На фоне частичного отдаления США от процессов в Южной Африке Россия стала укреплять влияние в его пределах, встав вместе с Ираном на стороне правительства Б. Асада в Сирии, на которое Турция, страны Запада и ряд мусульманских государств оказывали серьезное давление. Параллельно с этим Москва декларировала курс на продвижение альтернативы американской модели торгово-экономических отношений в субрегионе. После прямого вступления в сирийский конфликт в конце сентября 2015 г., а также успехов на этом фоне правительственных вооруженных сил и сохранения власти Б. Асада (до 2024 г.) Россия выступила с крупным региональным проектом «Большая Евразия».

«Термин «Большая Евразия» включает как весь евразийский континент, так и часть африканского. Согласно классификации ООН, в Большую Евразию входят 48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки, охватывающие восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений» [159]. Новая российская концепция региональных отношений призывает народы субрегиона отказаться от пережитков неокOLONиализма, ограничить ущемляющее их суверенитет сотрудничество с США прежнего формата, сбалансировать геополитические интересы и формировать альянсы со странами, где преобладает традиционный ислам (в противовес поощряемому США ваххабизму).

Особую роль в рамках проекта «Большая Евразия» Россия отвела Турции и Ирану как двум странам, потенциально способным стать лидерами двух крупнейших течений ислама – суннизма и шиизма, – чтобы на этой почве найти точки соприкосновения с остальными мусульманскими странами Южной Африки и пограничных с ней территорий [160]. Ярким примером практических достижений российской концепции является соглашение государств-членов Организации стран-экспортеров нефти (неофициальный ее формат ОПЕК+, где значительную роль играет Россия) с Саудовской Аравией (давним американским партнером) о снижении объема добычи нефти, что шло вразрез с американскими интересами на

нефтяном рынке и во многом сделало неэффективным введенный странами Большой семерки «потолок цен» на российскую нефть [161].

Интересы же Китая в Южной Африке обусловлены главным образом торгово-экономическими и энергетическими мотивами, а также необходимостью защиты своих трансконтинентальных проектов. Особо активно Пекин расширяет присутствие в субрегионе после запуска инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. Южная Африка, соединяя Китай через Суэцкий канал со Средиземным морем и Европой, представляет собой важнейшую логистическую зону и источник энергоресурсов для китайского государства.

Китай является отчасти «спасательным кругом» для экономики Турции, сталкивающейся сегодня с глубокими проблемами. Примечательно, что на этом фоне вопрос поддержки тюркского населения Синьцзянь-Уйгурского автономного округа Китая – района, исторически выступавшего краеугольным камнем турецко-китайских отношений – был переведен в плоскость этнокультурных вопросов и экономического содействия, где основной вопрос заключается в улучшении социального положения тюркского населения Китая [162].

Пекин также поддерживает тесную связь с Тегераном, в том числе в сфере военных технологий. Глубокие торгово-экономические связи с Китаем дают Ирану определенный рычаг в коммуникации с США и Европой (особенно на фоне американо-израильских ударов по иранским военным и ядерным объектам в июне 2025 г. и последующего масштабирования конфликта в феврале 2026 г.), а также с Саудовской Аравией и ОАЭ. Китай может использовать данную связь для формирования условного альянса в противовес альянсу Вашингтон-Дели. В свою очередь, Китай и Саудовская Аравия уже заявили о намерении развивать сотрудничество и координацию в сфере обороны. Таким образом, не вступая в полной мере в военно-политические союзы, имеющий тесное разноплановое сотрудничество с Турцией, Ираном и Саудовской Аравией Китай может стать вполне действенным гарантом безопасности и стабильности в Южной Африке [163].

Что касается турецкой реакции на политику глобальных держав в Южной Африке, то она строится на геостратегическом прагматизме: противодействии сохраняющимся элементам американского доминирования (особенно по курдскому и израильско-палестинскому вопросам), развитию многопланового «сотрудничества-соперничества» с Россией и экономической кооперации с Китаем.

В рамках социокультурной деятельности Турции в Южной Африке стоит выделить такие организации, как ТІКА и фонд Юнуса Эмре. Эти структуры, действуя в культурной, образовательной и гуманитарной сферах, способствуют укреплению турецкого влияния в субрегионе, восстанавливая исторические связи и создавая новые каналы взаимодействия с местными элитами и населением.

ТІКА играет большую роль в реализации проектов развития в Южной Африке, фокусируясь на восстановлении инфраструктуры, здравоохранении и образовании. В Сирии, например, еще до начала гражданской войны ТІКА (с 1995 по 2011 г.) активно вела свою целевую деятельность [164]. После 2011 г. деятельность Агентства сместилась в сторону гуманитарной помощи на контролируемых Турцией сирийских территориях, укрепляя тем самым лояльность местного населения [165, с. 133]. В Ираке ТІКА реализовала десятки проектов, усиливая этнические связи и противодействуя влиянию других региональных игроков [166].

Фонд Юнуса Эмре (и одноименный институт) действуют через сеть культурных центров, предлагающих курсы турецкого языка, программы обмена и мероприятия, посвященные турецкому искусству. В Южной Африке эти центры становятся платформами для формирования положительного образа Турции среди молодежи и образованных слоев общества. В Ливане, например, фонд активно действует в образовательной сфере, продвигая турецкую культуру как мост между Востоком и Западом [167]. В Иордании, где находится значительное число сирийских беженцев, его программы направлены на интеграцию через образование, что также служит долгосрочным интересам Анкары [168].

Функционирование ТІКА и Фонда Юнуса Эмре в Южной Африке направлено на создание устойчивой сети турецкого влияния в субрегионе. Их

деятельность особенно важна на фоне растущей конкуренции с другими региональными игроками, такими как Иран или Саудовская Аравия, которые также используют «мягкую» силу для продвижения своих интересов. ТІКА, фонд Юнуса Эмре и им подобные организации позволяют Турции действовать «менее заметно», но не менее эффективно, чем через военные или экономические инструменты. Восстанавливая османское наследие и формируя протурецки настроенные элиты, они закладывают основу для долгосрочного присутствия Анкары в регионе.

В рамках изучения политики Турции в Южной Африке также важно отметить сотрудничество Анкары с тюркскими общинами субрегиона. Например, сирийские туркоманы активно используются Анкарой для расширения влияния на территории Сирии – в т. н. «зонах безопасности», подконтрольных Турции. Турецкие власти целенаправленно продвигают программу культурной и языковой ассимиляции, добиваясь постепенного «отуречивания» части этой этнической группы. При этом Турции в значительной степени удалось создать лояльную ей буферную зону вдоль сирийской границы, в рамках которой курдское население было частично вытеснено оттуда, а его место заняли переселенцы-туркоманы [169].

Важно отметить, что успех реализуемой Анкарой стратегии в Южной Африке неоднозначен и в значительной степени зависит от экономических проблем Турции. Тем не менее, роль институтов турецкой «мягкой силы» в рамках ее неоосманского курса остается большой [170], поскольку они создают образ Турции не как агрессора, а как защитника общих ценностей и наследника великой имперской традиции.

Позиционирование себя в качестве духовного и политического лидера мусульманского мира также является одной из центральных осей турецкой стратегии в субрегионе. Это достигается путем публичной риторики о бескомпромиссной защите мусульманских интересов, особенно палестинцев, что служит мощным инструментом легитимизации претензий Анкары на лидерство перед лицом крупных арабских государств (Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран). Тем не менее, на практике данный курс реализуется слабо, оставаясь в большей степени элементом информационной борьбы. Р. Т. Эрдоган последовательно использует

палестинский вопрос для укрепления своего имиджа: в октябре 2023 г. он осудил Израиль за «оккупацию», а Запад – за допущение «резни» в Газе [171]. Тогда же он потребовал создания независимого Государства Палестина «в границах 1967 года и со столицей в Восточном Иерусалиме», заявив о готовности Анкары стать гарантом прав палестинского народа за счет «гуманитарного, политического и военного присутствия» [172].

Стоит отметить, что образ защитника палестинцев, а также поддержка уйгуров в Китае в первые два десятилетия XXI в. [173] и рохинджа в Мьянме [174] резко контрастируют с политикой, например, арабских монархий и позволяют Р. Т. Эрдогану претендовать на определенную степень морального превосходства. Особо символическую роль в данном контексте сыграло превращение собора Святой Софии в Стамбуле в мечеть по личному распоряжению Р. Т. Эрдогана в 2020 г. [175]. Данный жест был направлен на консолидацию исламского мира под символическим предводительством Турции и декларацию таким образом преемственности от Османского халифата.

Поддержка суннитских исламистских движений, прежде всего организации «Братья-мусульмане»⁵ и палестинского ХАМАС, служит для Анкары инструментом расширения влияния и противодействия конкурирующим силам. После событий «Арабской весны» Партия справедливости и развития и Р. Т. Эрдоган активно оказывали всестороннюю поддержку «Братьям» (до 2022 г.), создавая отделения этого движения в странах субрегиона, что привело к формированию управляемой из Турции сети зависимых групп [176]. Эта политика спровоцировала острый конфликт с Египтом, где светский режим Ас-Сиси в 2013 г. разгромил «Братьев-мусульман», достигших краткосрочного политического успеха [177], а также – с монархиями Персидского Залива. Саудовская Аравия и ОАЭ также видели в этих группировках угрозу стабильности – идеологи «Братьев-мусульман» активно призывали к введению форм народовластия, что резко контрастировало с монархическим государственным строем государств

⁵ Верховный суд России признал организацию «Братья-мусульмане» террористической и запретил ее деятельность на территории страны.

Персидского залива [178]. Анкара также поддерживает тесные отношения с эмиратом Катар – главным непубличным спонсором «Братьев» [179].

В отношении же ХАМАС его публичная поддержка не прекратилась даже после начала новой итерации конфликта в секторе Газа осенью 2023 г., когда Р. Т. Эрдоган назвал организацию «освободительной группировкой», отвергая западные классификации терроризма [180]. Тем не менее, кроме разрыва дипломатических отношений с Израилем в ноябре 2024 г. (спустя год после возобновления конфликта [181]), в какие-то практические меры по поддержке ХАМАС это не переросло.

Продвижение «турецкой модели» политического устройства как синтеза формальной демократии и умеренно-исламистской социальной повестки было важным элементом «мягкой силы» Анкары, вплетенной, в том числе, в ее религиозную риторику. Турция позиционировала себя как успешный пример «консервативной демократии», где исламские ценности гармонично сочетались с рыночной экономикой и демократическими институтами [182, с. 150]. Однако после 2013 г. (подавление протестов в Гези) авторитарный крен в государстве усилился. Возможное членство Турции в Евросоюзе также подверглось критике и сомнению со стороны лидеров государств ЕС и его чиновников, что в значительной мере ударило по привлекательности турецкой модели в Африке [183, с. 69-70]. Важно отметить, что активизация прямого вмешательства в конфликты и поддержка радикальных исламистов подорвали моральный авторитет Анкары среди части арабских обществ, а укрепление личной власти Р. Т. Эрдогана превратило «демократический» дискурс скорее в инструмент политического процесса [184, с. 142].

Еще одним значимым фактором, определяющим политику Турции в субрегионе, является необходимость обеспечения национальной безопасности. Много лет южное приграничье является точкой повышенной напряженности для турецкого государства. Нерешенный курдский вопрос, сопряженный с реальными рисками для Анкары, до сих пор остается болезненной темой для внешней и (что немаловажно) внутренней политики Турции. Длительная борьба с курдскими

политическими организациями как у себя внутри, так и на территории соседних Сирии и Ирака, возвела данную проблему в ранг экзистенциальных, о чем не раз говорил Р. Т. Эрдоган и его соратники [185]. В рамках этого Турция не раз обвиняла США в поддержке курдских формирований на территории Сирии, подчеркивая, что такого рода действия угрожают ее безопасности [186].

Фактор национальной угрозы усугубился в 2011 г. после начала «Арабской весны», в частности, на территории Сирии. Сирийская гражданская война дала исторический шанс не только сирийским курдам (в Ираке курдский политический вопрос остро стоял и раньше), но и целой плеяде исламских фундаменталистских группировок, применяемых методы террористической борьбы. Описанные факторы стали ключевыми в замене принципа «ноль проблем с соседями» на более жесткий подход к реализации внешней политики.

Прямое применение военной силы является фундаментальным инструментом обеспечения национальной безопасности и геополитических интересов Турции в Южной Африке. Крупные наземные операции в Северной Сирии – «Щит Евфрата» (2016–2017 гг.), «Оливковая ветвь» (2018 г.), «Источник мира» (2019 г.), «Весенний щит» (2020 г.) – и активные военные кампании в Северном Ираке против Рабочей партии Курдистана (РПК) – «Коготь-Молния» (2020 г.), «Коготь-Тигр» (2020 г.), «Коготь-Орел» (2020–2021 гг.), «Коготь-Замок» (2022–2024 гг.) – продемонстрировали готовность Турции к интервенции для противодействия экзистенциальной угрозе со стороны курдских организаций. С этой же целью Турция разместила свои оперативные базы на севере Сирии и Ирака. Стоит отметить, что операции ВС Турции подкрепляются также развертыванием военных баз за рубежом, например, в Катаре [187], что позволило Анкаре оказывать оперативную поддержку Дохе во время блокады Катара его арабскими соседями в 2017-2021 гг.

Экспорт турецкого вооружения в страны Южной Африки стал еще одним инструментом укрепления экономических и политических позиций Анкары в субрегионе. Объем мирового (не только в рамках Южной Африки) экспорта продукции турецкого ВПК растет из года в год: за 2025 г. Турция продала

продукции оборонного и аэрокосмического сектора на \$9,87 млрд., увеличив данный показатель по сравнению с 2002 г. в 40 раз [188]. Ключевыми ее покупателями выступают Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива. Особой популярностью пользуются ударные беспилотные летательные аппараты, которые доказали свою эффективность в ряде локальных конфликтов [189], а также наземные транспортные средства и стрелковое оружие турецкого производства [190].

Экспорт продукции ВПК не только приносит Анкаре значительную прибыль, но и формирует элемент стратегического влияния. Страны-импортеры, зависящие от турецких поставок, вынуждены учитывать позицию Турции при принятии политических решений. Кроме того, использование турецкой техники ведет к унификации стандартов вооружений в регионе, что усиливает технологическое доминирование Турции. Тем не менее, необходимо отметить, что зависимость от западных комплектующих [191] и конкуренция с США, Россией и Китаем остаются слабыми местами турецкой оборонной промышленности.

В Южной Африке Турция также активно использует механизм прокси-силы. Прокси-сила (от англ. proxy – «представитель, посредник») – это правительство, негосударственный актер (например, военизированная группировка, повстанческое движение) или политическая организация, которая используется более мощной державой для реализации ее интересов в третьих странах или регионах без прямого участия, позволяя избежать эскалации конфликта или международного осуждения. Действия через поддержку прокси-групп позволяют Анкаре решать стратегические задачи без прямого вовлечения регулярной армии. Наиболее значимым примером является поддержка сирийской вооруженной оппозиции, выступавшей против правительства Б. Асада и курдских формирований в рамках гражданской войны в Сирии [192, с. 114].

Установленные связи с отдельными политическими партиями и этническими группами также обеспечили рычаги турецкого «мягкого» влияния. Как сказано ранее, Анкара поддерживает туркменские организации и партии в Ираке (например, Иракский туркменский фронт [193]) как инструмент давления на

Багдад, противовес курдской автономии и влиянию Ирана. Параллельно с туркменскими партиями и организациями Турция старалась выступать на позициях духовной солидарности с иракскими суннитскими партиями [194]. Примечательно, что большая часть описанных выше иракских туркмен исповедуют ислам суннитского толка, однако отношения Анкары с ними построены более на этнической основе, чем на религиозной. Что же касается арабских суннитских групп в Ираке, то диалог с ними строился на основании суннитской солидарности. Аналогичным образом были выстроены отношения Турции с упомянутыми ранее «Братьями-мусульманами».

Политика Турции в Южной Афризии в рамках ее неоосманского курса имеет также ярко выраженную экономическую плоскость. В первые годы правления ПСР турецкая экономическая политика в субрегионе делала упор на «мягкую силу» – торговые соглашения, инвестиции в инфраструктуру и культурное сотрудничество. Турция активно развивала экономические связи со странами Южной Афризии, используя преимущества географической близости и исторических связей. Важным инструментом стали «зоны свободной торговли» и совместные промышленные проекты, которые должны были укрепить турецкое влияние без явного политического контекста [195, с. 121]. Однако «Арабская весна» и последовавшие за ней конфликты во многом усложнили продолжение данной линии в прежнем формате.

Важным элементом турецкой экономической политики в Южной Афризии стало создание «экономического коридора», связывающего Турцию с бывшими османскими территориями. Проекты в сфере энергетики, такие как TANAP (Трансанатолийский газопровод) [196] и разведка месторождений в Восточном Средиземноморье, позволили Анкаре заявить о себе как об еще одном энергетическом центре пространства. Одновременно с этим турецкие строительные компании, такие как, например, «Limak», активно работают в странах субрегиона, превратившись в полноценный инструмент экономического проникновения [197].

Экономическая политика Турции в Южной Африке, тем не менее, не раз сталкивалась с серьезными вызовами. Санкции со стороны США, валютный кризис 2018 г., растущая конкуренция со стороны других региональных игроков и т.д. вынудили турецкое руководство скорректировать курс. В последние годы Анкара стала активнее использовать альтернативные финансовые механизмы, включая расчеты в национальных валютах (например, с Ираном [198] и Россией [199]), а также наращивать военно-экономическое присутствие в «прибыльных» конфликтных зонах, таких как Ливия (Западная Африка) [200], где возможный доступ к ресурсам и торговым путям может принести Анкаре выгоду в будущем.

С начала третьего десятилетия XXI в. турецкая экономическая политика в Южной Африке приобрела более гибкий характер. С одной стороны, Анкара продолжает поддерживать «братские» силы и движения (местами формально, как в случае с «Братьями-мусульманами») [176], с другой – идет на нормализацию отношений с бывшими противниками, такими как ОАЭ и Саудовская Аравия [201], понимая необходимость доступа к их капиталам ввиду острой потребности в инвестициях для борьбы с инфляцией. Находясь с визитом в саудовской Джидде в 2022 г., Р. Т. Эрдоган заявил о «новой эре отношений» и «взаимодополняющей структуре» экономик двух стран, что, по его словам, является «одним из основных моментов, которые привлекают саудовских инвесторов» в Турцию [202].

Новая более прагматичная внешнеполитическая линия вскоре принесла первые плоды: ОАЭ в конце 2021 г. выделили \$10 млрд. для инвестиций в турецкую экономику [203], а Саудовская Аравия через Саудовский фонд развития разместила депозит в размере \$5 млрд. в Центральном банке Турции в 2023 г. [204]. Кратковременное (до событий в секторе Газа в октябре 2023 г.) восстановление дипломатических отношений с Израилем также открывало Турции новые перспективы для сотрудничества [205, с. 715-716]. Идеологические противоречия при этом не исчезли: упорная поддержка Р. Т. Эрдоганом ХАМАС и историческая связь с «Братьями-мусульманами» едва ли допустит стратегическое партнерство с монархиями Персидского залива, особенно учитывая их сотрудничество с Израилем [206] (в т.ч. в рамках проекта NEOM).

Экономическая политика Турции в Южной Африке также характеризуется использованием Анкарой логистических преимуществ субрегиона. Важным проектом здесь выступает «Дорога развития» с Ираком – масштабная транспортно-логистическая система с железнодорожными путями и автострадами, призванная связать богатые нефтью южные районы Ирака со средиземноморским побережьем Турции. В более широком плане «Дорога развития» может стать связующим звеном между Азией и Европой [207]. Этот проект, представленный в конце мая 2023 г., имеет стратегическое значение, поскольку является естественной альтернативой Суэцкому каналу, способной значительно сократить время доставки грузов из Азии в Европу и обратно. Основные магистрали планируется привязать к крупному порту Фао на берегу Персидского залива, что даст Анкаре непосредственный доступ к важному энергетическому региону мира, минуя территории расположенных там государств [208]. Данный проект вполне вписывается в долгосрочную стратегию Турции по созданию макрорегионального энергетического и логистического хаба, укрепляя ее транзитное значение на пересечении Европы и Азии.

Участие в организациях Глобального Юга, являющихся естественной альтернативой западной военно-политической и экономической гегемонии, является для Турции значимым внешнеполитическим инструментом. Важным шагом на данном направлении стала официальная заявка Турции на получение статуса полноформатного члена БРИКС в сентябре 2024 г. [209]. Через вступление в БРИКС Турция стремится получить доступ к новым рынкам и механизмам финансового взаимодействия, минуя традиционные западные институты. Укрепление связей с Глобальным Югом помогает Анкаре диверсифицировать международные связи и укрепить позиции в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений.

Давая прогноз относительно будущей политики Турции в Южной Африке, можно предположить, что она будет продолжать характеризоваться сочетанием идеологической риторики, неизменных приоритетов национальной безопасности и экономического прагматизма, а также попытками усилить собственное

региональное влияние, однако: с серьезными ограничениями из-за внутренних проблем (в частности, экономических) и внешних противоречий. Борьба с курдской угрозой, несмотря на объявленное в июле 2025 г. разоружение Рабочей партии Курдистана на северо-востоке Ирака [210], останется абсолютным приоритетом, что подтверждается регулярным продлением парламентом мандата на военные операции турецких ВС в Сирии и Ираке [211].

Турция, вероятно, будет углублять тактическую нормализацию с КСА и ОАЭ для решения собственных экономических проблем. Балансирование Анкары между крупнейшими внешними акторами субрегиона усилится. С Россией будет углубляться координация по вопросам энергетики и экономики, с Китаем продолжится прагматичное экономическое партнерство по проекту «Один пояс, один путь», что позволяет получать Турции необходимые для ее экономики кредиты [212]. США при этом останутся сложным партнером для Анкары: во взаимодействии по НАТО будет фигурировать неизменная критика поддержки курдов в Сирии и «лицемерия Запада» в палестинском вопросе [213].

В рамках БРИКС Турция продолжит курс на углубление экономического сотрудничества, рассматривая этот блок как важный механизм диверсификации своих международных связей. Интерес к Шанхайской организации сотрудничества сохранится, хотя членство Турции в организации выглядит проблематично из-за позиции Индии: в Дели традиционно рассматривают Турцию как страну, занимающую откровенно проакистанскую позицию, что особенно ярко проявилось в кашмирском вопросе [214]. Палестинское направление может в очередной раз показать политическую гибкость Р. Т. Эрдогана – его жесткая риторика с осуждением Израиля за «геноцид» палестинцев и резкие меры Турции (например, инициация иска против Б. Нетаньяху в Международный уголовный суд [215]) могут сочетаться с прагматичным сохранением дипломатических отношений для обсуждения будущих газовых поставок.

Главными рисками для политики Турции в Южной Африке останутся экономика (инфляция снизила доверие к лире) и внутренние противоречия между идеологией и прагматикой: чрезмерно тесные связи с исламистскими

организациями могут помешать полноценной нормализации отношений с КСА и ОАЭ. Итогом может стать своего рода гибридная модель присутствия Турции в субрегионе, когда военное присутствие в Катаре и возможные новые операции против курдов в Ираке и Сирии обеспечат военно-политический аспект и безопасность Турции, а транзитные проекты и укрупнение контактов с БРИКС и ШОС диверсифицируют турецкую экономику.

2.3. Экономические возможности и геополитическое значение Западной Африки для Турции

Западное направление играет специфическую роль в экспансии Турции в Африке: открытость субрегиона и его привлекательность для внешних инвестиций стали основополагающим мотивом для разноуровневого турецкого экономического проникновения. В Западной Африке реализуются интересы большого числа крупных турецких компаний – от аграрного сектора до ВПК. Турецкие инвестиции являются неотъемлемым элементом «мягкой силы» и дают Анкаре значительные преимущества для укрепления ее внешнеполитического влияния.

Наравне с экономическими мотивами в основе турецкой политики в Западной Африке лежит особая геополитическая значимость данного направления. С востока субрегион омывается водами Красного моря – ключевой артерией мировой морской торговли. Доступ к нему со стороны западной части Южной Африки фактически закрыт для Турции ввиду того, что почти вся она входит в суверенные границы Саудовской Аравии, а также Йемена, где свою активность ведет движение хуситов («Ансар Аллах»), тесно связанное с Ираном. Гораздо более доступным стратегически важным для мировой торговли водный бассейн представляется со стороны восточного фаса Западной Африки, где углубление отношений с Суданом, Эритреей, Джибути и Сомали (также на короткий период с Египтом – с 2011 по 2013 гг.) дали Анкаре большие возможности для экономического и военно-политического присутствия.

Географически пространство Западной Африки определяется западными границами бывшей Османской империи на пике ее могущества. Начиная с севера африканского континента и создавая естественную дугу, западноафриканский субрегион оканчивается в пределах Африканского рога, замыкая западную часть Красного моря у Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива. На западе – в пределах пустыни – границы Западной Африки проходят вдоль восточной полосы Сахеля. Такого рода конфигурация является ориентирующей для имперской политики Турции в данном направлении, поскольку сопряжена с рядом факторов: историей османского доминирования в субрегионе, его экономической привлекательностью, а также вопросами влияния на ключевых региональных оппонентов – в лице Египта, Саудовской Аравии и ОАЭ.

После завершения холодной войны геополитическая ситуация в Африке существенно изменилась. До этого Западная Африка (как и остальной африканский континент) была в определенной мере отстранена от ключевых геополитических процессов в мире. Параллельно с этим проявились новые внешние игроки, что во многом привело к пересмотру приоритетов, интересов и стратегий стран субрегиона. Превьющая прозападная ориентация многих государств пространства системно ослабевает на фоне усиления многополярности [216, с. 119]. Вместе с этим стоит отметить отсутствие какого-либо локального государства в пределах Западной Африки, располагающего достаточными военными и экономическими возможностями, чтобы быть способным доминировать в субрегионе, конкурируя на равных с внешними игроками.

После распада биполярной системы международных отношений Турция одна из первых осознала стратегическую перспективность Западной Африки, хотя в период 1920-1980 гг. ее отношения со странами пространства находились в упадке, несмотря на долгую историю османского присутствия. Такой разрыв, как говорилось ранее, объяснялся отказом Анкары от колониальных амбиций и курсом на евроатлантическую интеграцию. Перелом наступил в 1980-х, когда премьер-министр Турции Т. Озал инициировал экономическую диверсификацию внешних

связей страны, а группа турецких дипломатов-визионеров разработала стратегию «открытия Африки», официально оформленную лишь в 1998 г. [217].

Приход к власти Р. Т. Эрдогана и ПСР во многом институционализировал этот курс, дополнив экономическую прагматику культурно-историческим контекстом. Анкара акцентировала внимание на прошлом субрегиона: Османская империя долгое время политически присутствовала в Алжире, Египте, Ливии и Тунисе, имела влияние в Нигерии, Чаде и Сомали, что надолго закрепило господство турок в Красном и Средиземном морях. Вхождение Алжира и Западного Триполи под контроль Османской империи в начале XVI в. окончательно закрепило доминирование турецкой силы в Южной Африке. Особое значение придавалось религиозному аспекту – превращению султаната в халифат после завоевания мамлюкского Египта Селимом I в 1517 г.

В республиканский же период Турции связи с Западной Африкой были практически разорваны. Вступление в НАТО в 1950-х и прозападная ориентация Анкары привели к конфликту с «неприсоединившимися» странами пространства. Кульминацией стал дипломатический кризис 1958 г., когда Турция воздержалась при голосовании ООН за независимость Алжира [218], что надолго осложнило отношения с субрегионом. Лишь к концу XX в. Анкара сумела переосмыслить свою роль, соединив экономические интересы с исторической риторикой для возвращения в Западную Африку.

Основа турецкого влияния в западноафриканском пространстве зиждется на системной геоэкономической экспансии, где экономическая целесообразность является первостепенным двигателем. Изначально экономическое проникновение в субрегион характеризовалось комплексом инструментов, нацеленных на, помимо получения экономических выгод, формирование позитивного имиджа Турции как надежного партнера. В 2005 г. Турция провозгласила «год Африки», отметив это первым турне Р. Т. Эрдогана по странам Западной Африки и получением статуса наблюдателя в Африканском Союзе. Этот шаг ознаменовал стратегический поворот Анкары к углублению экономических, политических и культурных связей с субрегионом. Решающим импульсом стало проведение в 2008 г. турецко-

африканского саммита с участием 50 государств континента, по итогам которого была принята Стамбульская декларация, ставшая официальным актом, закрепившим намерения сторон развивать сотрудничество и заложившим основы договорно-правовой базы [219, с. 229].

Признание Турции стратегическим партнером Африканского союза в 2008 г. сопровождалось ее поэтапным встраиванием в ключевые региональные структуры: Экономическое сообщество стран Западной Африки (ECOWAS, с 2005 г.), Восточноафриканское сообщество (EAC, с 2010 г.), Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA, с 2012 г.), а также Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ECCAS, с 2013 г.) [220, с. 44]. Такой многоуровневый подход, сочетающий дипломатические инструменты с развитием торгово-экономических связей, позволил Анкаре создать обширную сеть взаимных интересов со странами субрегиона.

Экономическая политика Турции в Западной Африке сочетает торговое проникновение, масштабные инфраструктурные проекты и финансовые инструменты [221]. Ее основой стала «Стратегия развития экономических отношений с африканскими странами», принятая в 2003 г. Министерство торговли Турции играет центральную роль в формировании торгово-экономических отношений государства с африканскими странами. Для укрепления экономических связей Анкара продолжает регулярно проводить турецко-африканские бизнес-форумы, создавая платформу для взаимодействия между предпринимателями [222, с. 71].

Хотя абсолютные цифры не слишком велики, показательна динамика: за 20 лет объем торговли между Турцией и странами Африки увеличился с \$5 млрд. в 2003 г. до \$40,7 млрд. в 2023-м. На экономическом форуме «Турция–Африка» в 2021 г. Р. Т. Эрдоган заявил, что Анкара намерена сначала довести товарооборот до \$50 млрд., а затем и до \$75 млрд. Среди ключевых торговых партнеров Турции в Западной Африке – Египет, Алжир, Ливия, Марокко и Тунис. К югу от Сахары значимыми импортерами турецких товаров стали ЮАР, Нигерия, Эфиопия, Гана и Кот-д’Ивуар [223]. Отношения со странами Африки особенно актуальны сегодня в

условиях экономических проблем Турции, когда Анкара стремится расширить рынки сбыта своей продукции и обеспечить дополнительный доступ к энергетическим и минеральным ресурсам.

В экономической экспансии Турции активную роль играет строительная отрасль – крупные турецкие компании активно работают в Западной Африке. При этом турецкая строительная отрасль позволяет Анкаре двигаться дальше вглубь африканского континента – за западные границы бывшей Османской империи. К примеру, крупные турецкие строительные компании активно реализуют масштабные проекты в Уганде. Среди них компания Polat Yol, получившая контракт на модернизацию 92-километровой дороги Муйембе–Накапирипирит, которая связывает Уганду с Кенией, Южным Суданом и Эфиопией. Другая компания, Yarı Merkezi, в начале 2023 г. была выбрана для строительства 273-километровой железнодорожной ветки от угандийско-кенийской границы (Малаба) до угандийской столицы Кампалы, проект оценивается в \$2,2 млрд. Примечательно, что изначально его должна была реализовывать китайская China Harbour Engineering Company, однако после восьми лет задержек Уганда передала контракт турецкому подрядчику. Для демонстрации масштаба «строительного проникновения» Турции в Центральной и Западной Африке стоит также отметить, что турецкие компании построили конференц-центр Кигали в Руанде, здание парламента в Камеруне, аэропорт Ниамей в Нигере, многофункциональную арену и международный конференц-центр Дакара, аэропорт Блеза Дианя в Сенегале и др. [224]. В аналогичном ключе движению Турции за пределы Западной Африки способствуют ее достижения в энергетическом секторе. Ярким примером является турецкая компания «Karpowership» («Karadeniz Holding»), которая посредством плавучих электростанций обеспечивает энергоснабжение Габона, Гамбии, Ганы, Гвинеи-Бисау, Гайаны, Кот-д'Ивуара, Мозамбика, Сенегала и Сьерра-Леоне [225].

Работа Турецкого агентства по сотрудничеству и координации способствует экономической и гуманитарной экспансии Турции в Западной Африке. В Ливии, например, ТІКА занимается восстановлением медицинских учреждений, снабжая больницы современным оборудованием и организуя курсы повышения

квалификации для местных врачей. Кроме того, агентство участвует в реконструкции школ и профессионально-технических учебных центров, помогая ливийцам приобретать новые навыки для трудоустройства [226]. В Тунисе, в свою очередь, ТІКА поддерживает развитие сельского хозяйства, предоставляя фермерам современные технологии и обучая их эффективным методам ведения хозяйства, тогда как в Марокко внимание более уделяется образовательным программам, включая стипендии для студентов и обмен опытом между турецкими и марокканскими специалистами. В то же время агентство занимается финансированием проектов по реставрации памятников времен Османской империи, укрепляя культурные связи между Турцией и странами субрегиона [226].

Особое место в работе ТІКА в Западной Африке занимает доставка гуманитарной помощи в труднодоступные сельские районы и лагеря беженцев. Агентство регулярно проводит раздачу продовольствия, направляет туда медицинские миссии и организует программы поддержки женщин и детей. Совокупно данные инициативы не только улучшают качество жизни населения Западной Африки, но и укрепляют позиции Турции как ключевого партнера стран субрегиона в области международного развития [226].

Наравне с заявлениями о «совместном прошлом» характерным элементом политики Турции в западноафриканском пространстве является антиколониальная риторика, подчеркивающая важность установления «справедливого» мироустройства. Р. Т. Эрдоган в октябре 2021 г., комментируя свою книгу «Более справедливый мир возможен» («Daha Adil Bir Dünya Mümkün»), опубликована в 2021 г. и выпущена на семи языках), сказал: «Мы требуем справедливого мира. Нам нужно объединить усилия ради справедливого мира. Мы не должны бояться. Если мы будем бояться, эти преследования охватят всю Африку». Тогда же он напомнил, что в прошлом Франция активно использовала Африку как континент для эксплуатации [227].

Анкара (как и Москва с Пекином) активно использует антиколониальную риторику – в выступлениях Р. Т. Эрдогана регулярно звучат отсылки к тому, что Турция «не имеет никаких пятен» империализма или колониализма и отвергает

«западноцентричные ориенталистские подходы» в Африке [228]. Важным элементом турецкой политики по отношению к африканским странам также являются обещания Анкары выступить «голосом Африки» на мировых площадках и поднимать ее проблемы в ООН [229].

Отдельно стоит сказать, как Турция проводит систематическую работу по конструированию образа «естественного наследника» османского присутствия в Западной Африке. Значимым элементом данного процесса является деятельность ТІКА по реставрации османских памятников архитектуры, отмечающих историческую преемственность между Османской империей и современной Турцией [230]. Особое внимание уделяется образовательным проектам, а также культурному взаимодействию со странами Западной Африки.

Немалую работу по популяризации османской истории пространства выполняют турецкие официальные медиа-ресурсы, публикующие материалы о связях Турции с Африкой, включая османский период [231]. Аналогичным образом рассказывается об османской истории Африки и в художественном кинематографе: в некоторых эпизодах сериала «Пробуждение: Великий Сельджук» (Uyanış: Büyük Selçuklu), который посвящен сельджукам, затрагивается османская экспансия в Африку, а в «Столица: Абдул-Хамид» (Payitaht: Abdülhamid) упоминается османская политика в Ливии и Судане.

Обращение к исламской риторике является еще одним важным инструментом «мягкой силы» Турции, реализуемым в Западной Африке. Этот подход также глубоко связан с османским наследием пространства, где на протяжении столетий Стамбул выступал духовным центром исламского мира. Современная же Анкара, будучи активным членом Организации исламского сотрудничества, выступает в роли защитника интересов мусульман субрегиона [232].

Управление по делам религии Турции активно работает как в Западной Африке, так и далее – в глубине африканского континента, – укрепляя религиозные и культурные связи между Турцией и странами субрегиона. Основная деятельность Diyanet в Западной Африке включает отправку турецких имамов и

преподавателей ислама в африканские страны, где они проводят образовательные программы, читают проповеди и помогают в организации местных религиозных общин. Diyanet также предоставляет стипендии для африканских студентов, чтобы те могли изучать теологию и исламские науки в Турции, что способствует формированию протурецко настроенных религиозных кадров [233].

Другим важным направлением работы Управления по делам религии Турции в субрегионе является строительство и поддержка мечетей. Diyanet финансирует ремонт исторических мечетей, связанных с османским наследием, а также строит новые, усиливая турецкое присутствие. Помимо этого, организация занимается гуманитарной работой, отправляя благотворительную помощь, особенно в период Рамадана и других мусульманских праздников [233].

Важно отметить, что проникновение Турции в пространство Западной Африки характеризуется применением инструментов не только «мягкой», но и «жесткой силы». Военно-политическая составляющая включает создание военных баз, использование прокси-сил и экспорт продукции ВПК. Поворотным моментом для «ужесточения» турецкого подхода к субрегиону стали неудачи в Египте, где свержение протурецкого президента М. Мурси в 2013 г. и потеря влияния «Братьев-мусульман» вынудили Анкару искать альтернативные рычаги влияния.

В 2017 г. Анкара открыла в столице Сомали Могадишо военную базу «TURKSOM», в состав которой входит военный учебный центр. Данная база является крупнейшим турецким военным объектом за рубежом. Официально заявленная цель военной миссии турецких вооруженных сил на территории Сомали – подготовка и обучение сомалийских регулярных сил для борьбы с радикальными исламистскими группами. Военная база в Сомали дает Анкаре доступ в Индийский океан и стратегически важный регион Красного моря [234, с. 60].

В 2017 г. Турция от суданского правительства получила право на создание военно-морской базы на о. Суакин сроком на 99 лет [235]. Однако после государственного переворота в Судане первоначальное соглашение было заморожено. Более того, новое правительство страны начало переговоры с Россией о создании на ее территории российской военно-морской базы [236]. База на

Суакине позволила бы Турции контролировать подходы к Суэцкому каналу и район Халайба – стратегически важной области в акватории Красного моря [235].

Турецкое военное присутствие в Ливии (при поддержке Катара), формализованное соглашением с ливийским Правительством национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем, объясняется сочетанием стратегических, экономических и политических интересов. Прежде всего Ливия занимает ключевое положение в Восточном Средиземноморье, где разворачивается соперничество за морские границы и месторождения природного газа (концепция «Mavi Vatan»). Поддерживая признанное ООН Правительство национального согласия, Турция укрепляет свои позиции против таких региональных конкурентов, как Египет, ОАЭ и Франция, которые поддерживают противоположную сторону ливийского конфликта – фельдмаршала Х. Хафтара. Важным достижением для Турции стало подписанное с ПНС в 2019 г. соглашение о разделе морских зон, которое открыло Анкаре доступ к перспективным газовым месторождениям. Военное же присутствие Турции в Ливии способно гарантировать соблюдение этих договоренностей [237].

Идеологический аспект также играет значительную роль в рамках турецкого присутствия в Ливии, поскольку поддержка исламистски ориентированного Правительства национального согласия соответствует внешнеполитической риторике Партии справедливости и развития. С военной же точки зрения, турецкие базы на ливийской территории, такие как Аль-Ватия, расширяют оперативные возможности турецких вооруженных сил, создавая плацдарм для действий в Западной Африке и за ее пределами.

В Ливии турецкая сторона (как и в Сирии) сделала еще одну ставку – на вооруженные прокси-силы. Вместо сухопутных подразделений, Анкара использовала в боях на стороне сил ПНС группы наемников: к борьбе против армии Х. Хафтара были привлечены отряды первой турецкой частной военной компании «SADAT». Компания была основана в 2012 г. бывшим бригадным генералом турецких вооруженных сил А. Танрыверди и его сторонниками, которые были уволены из вооруженных сил Турции за приверженность политическому исламу.

«SADAT» связывают напрямую с Р. Т. Эрдоганом ввиду тесных контактов с ним ее основателя [238].

Частная военная компания «SADAT» позиционирует себя как международная оборонная консалтинговая фирма. Название компании является формой множественного числа от арабского «Аль-Сейид» (السيد), или «известный», что может указывать на исламистскую ориентацию организации. Штаб-квартира «SADAT» расположена в Стамбуле, а ее логотип, включающий изображение земного шара с закрашенными зеленым цветом мусульманскими странами, подчеркивает амбиции ее создателей [238].

Военное присутствие в Ливии, наряду с военными базами в Катаре и Сомали, позволило Анкаре сформировать некий геополитический «треугольник». Такая конфигурация позволяет Турции претендовать на контроль над акваторией южной части Красного моря, а также над стратегически значимыми Баб-эль-Мандебским проливом и Аденским заливом на юге, соединяющими Красное море с Индийским океаном. Турецкие базы в Западной Африке способствуют борьбе с влиянием ОАЭ и Саудовской Аравии в акватории Красного моря, контролю над критически важными морскими путями и экспорту турецкого оружия в страны субрегиона.

Важно отметить, что усиление военного присутствия Турции в Западной Африке беспокоит Египет, критикующий Анкару за размещение ее войск в Ливии, претензии на ресурсы Средиземного моря и связь с «Братьями-Мусульманами» [239]. Военное присутствие в стратегически важных пунктах в районе Красного моря дает Турции дополнительные возможности, в частности, в отношении морской активности йеменских хуситов и «защиты судоходства». Это также способно несколько уравновесить влияние Ирана в зоне перехода Красного моря в Аравийское.

Турция активно наращивает военно-политическое присутствие в Западной Африке (как и на африканском континенте в целом), делая ставку, в том числе, на экспорт вооружения. За относительно короткий срок Анкаре удалось закрепиться на этом рынке, создав конкуренцию для традиционных поставщиков – США, Европы и России. Среди ключевых позиций турецкого оборонного экспорта –

ударные беспилотные летательные аппараты, бронетехника, системы радиоэлектронной борьбы, разведывательное оборудование и техника для разминирования. Важное конкурентное преимущество Турции – гибкость: ее оружие не только часто дешевле западных аналогов, но и поставляется без политических условий, что особенно привлекает африканские государства [240].

Для качественной картины турецкой «оружейной экспансии» стоит посмотреть на ее динамику: если в 2020 г. экспорт турецких вооружений в Африку составлял \$83 млн., то уже в 2021-м он достиг \$460 млн. Этот успех – часть общей стратегии, а причины роста кроются не только в ценовой политике, но и в подтвержденной эффективности техники – например, в конфликтах в Нагорном Карабахе, Сирии и Ливии [240].

Турецкий подход в области экспорта оружия выходит за рамки простых продаж: Анкара предлагает комплексные решения, включая льготное финансирование и обучение персонала. Например, до 2021 г. Турция предоставила Тунису беспроцентные кредиты на сумму в \$150 млн. для закупки турецкого вооружения для модернизации армии, что позволило ему укрепить оборонный потенциал, а турецким компаниям – сильнее закрепиться на новом рынке [240]. Таким образом, Турция продает оружие, сочетая экономическую выгоду с политическим влиянием, что является стандартной практикой для мирового рынка вооружений.

Говоря о геополитической значимости Западной Африки (как и Африки в целом), следует сказать, что данное пространство представляет собой большую арену соперничества глобальных акторов. Усиление присутствия ключевых игроков в регионе неизбежно будет нарастать, поскольку отстранение от него грозит потерей стратегических позиций в новой системе международных отношений, что понимают и в Анкаре. Реализация Турцией своей политики в Западной Африке проходит в условиях тенденций, направленных на искоренение пережитков неокOLONиальной эпохи, когда после Второй мировой войны и распада европейских колониальных империй страны континента де-факто оставались в политической и экономической зависимости от них. Одним из локомотивов

демонтажа неоколониальных пережитков в Африке стала Россия (вместе с Китаем), выступившая во главе геополитической борьбы Глобального Юга за справедливый мировой порядок с равным представлением интересов [241].

В марте 2023 г. Россия обновила свою внешнеполитическую концепцию, где в отношении Африки обозначила цель – способствовать превращению континента в «самобытный и влиятельный центр мирового развития». Москва выстраивает отношения со странами Западной Африки на принципах уважения суверенитета и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Критикуя «изоциренную неоколониальную политику развитых государств» [242], Россия позиционирует себя как сила Глобального Юга, предлагающая равноправное партнерство в торгово-экономической сфере, реализацию инфраструктурных и энергетических проектов, а также сотрудничество в области безопасности.

Китай с 2021 г. развивает сотрудничество с Африкой в рамках стратегии «Сотрудничество Китая и Африки в новую эру», подчеркивая общую принадлежность к развивающемуся миру [243]. Акцент на «общем колониальном прошлом» и масштабные инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» делают Пекин привлекательным партнером в субрегионе. Китайские проекты, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», направлены на развитие локальной инфраструктуры и индустриализацию, что усиливает экономическое влияние Пекина в Западной Африке [244]. Примечательно, что официальная риторика Турции зиждется на идентичных российским и китайским постулатах, призывая страны пространства к взаимовыгодному равноправному партнерству [245].

США, столкнувшись с растущей конкуренцией со стороны России и Китая, вынуждены пересматривать свою африканскую политику [246]. Вашингтон, долгое время ассоциировавшийся с неоколониальными практиками, пытается вернуть утраченные позиции через продвижение «либерально-демократических ценностей». Тем не менее, американская риторика о «правах человека» и «открытых обществах» нередко вызывает скепсис у африканских стран [247], особенно на фоне поддержки США действий Израиля в секторе Газа.

Что касается европейских государств, включая Германию, Францию и Великобританию, они также проводят собственную политику в Западной Африке. Страны Европы преимущественно делают ставку на развитие торговли, инвестиции в локальные проекты и декларирование важности «равноправного партнерства» [246]. Однако стоит отметить, что их подход осложняется необходимостью перманентного требования от стран субрегиона соблюдения прав человека и развития «общих» с ними ценностей. Данный фактор ограничивает гибкость их политики в сравнении с аналогичной, например, со стороны России или Китая.

Обращаясь к прогностике, можно предположить, что политика Турции в Западной Африке будет характеризоваться стратегической адаптацией под давлением растущей конкуренции со стороны действующих в субрегионе акторов и внутренних (прежде всего экономических) ограничений. При сохранении текущей экономической динамики и международной нестабильности, вероятно, Анкара будет стремиться сохранить ключевые опорные точки в Западной Африке при минимизации затрат на их содержание.

Возрастающая активность России и Китая станет основным внешним вызовом для Турции в западноафриканском направлении. Анкаре придется учитывать фактор фрагментарного российского военного присутствия в Африке [248]. Устанавливая военное сотрудничество с правительствами стран Западной Африки, Россия создает альтернативные сети влияния, угрожая турецким позициям. В Сахеле Москва уже перехватила инициативу у Франции, вытесняя ее из пространства. При этом Китай, действующий через экономическую экспансию и кредиты, будет оставаться прагматичным конкурентом-партнером в рамках «Одного пояса – одного пути» [244].

Опасность для Турции представляет возможность собственной критической перегрузки из-за необходимости поддерживать большое число элементов присутствия, что потенциально может вынудить Анкару к более избирательному подходу в отношении субрегиона. Экономический кризис в Турции является

главным потенциальным ограничителем ее экспансии (общая тенденция для ее политики во всех субрегионах Афразии).

Вероятно, Турция сохранит форпосты в Ливии (из-за ресурсного потенциала средиземноморского шельфа) и вдоль акватории Красного моря, используя их как плацдармы для контактов с Западной Афразией. Дальнейший успех турецкой политики может быть обеспечен, например, негласным соглашением с другими акторами субрегиона о разделе «зон влияния» в ее пределах. Также Турция может продолжить наращивать спектр предложений государствам пространства доступной альтернативы западной помощи (строительство школ, мечетей или выгодное военное сотрудничество) или попытаться развивать торговые хабы. Проблемы в экономике могут вынудить Анкару сдать часть достигнутого присутствия Китаю или монархиям Персидского залива – например, допустить реализацию их инфраструктурных проектов в зонах своего интереса. Устойчивость турецкой политики в Западной Афразии является вопросом точно выверенной экономии средств и дальнейшего использования имеющихся у Турции сил.

ГЛАВА 3. ТУРЦИЯ КАК НОВАЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА: АМБИЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

3.1. Геополитические и геоэкономические параметры Турции как потенциальной великой державы в контексте глобальной конкуренции

Исторически благоприятные географические характеристики служили основой могущества государств наравне с другими параметрами, определяя их потенциал в борьбе за место на международной политической арене. Н. Дж. Спикмэн, один из ведущих теоретиков геополитики, считал, что сила государства измеряется не столько размером территории или численностью населения, сколько его способностью контролировать стратегические пространства и влиять на международную систему. В его эпоху ключевыми факторами, обуславливающими мощь государства, были доступ к морским коммуникациям и выгодное расположение между центрами силы. Что касается непосредственно параметров силы государства, то Н. Дж. Спикмэн выделял следующие:

1. Размер территории;
2. Характер границ;
3. Численность населения;
4. Наличие полезных ископаемых;
5. Экономическое и технологическое развитие;
6. Финансовая мощь;
7. Этническая однородность;
8. Уровень социальной интеграции;
9. Политическая стабильность;
10. Мощь национального духа;
11. Военный потенциал;
12. Геополитическое положение [249; 250].

Современная же великая держава вынуждена сочетать традиционные элементы мощи со стратегической гибкостью. Сохраняя классические атрибуты

влияния, такие как размер экономики, военная сила или культурное притяжение, она должна одновременно демонстрировать эффективность в ответе на вызовы XXI в.: цифровое пространство, гибридные войны, экономическая конкуренция, борьба за технологическое лидерство и т.д.

В рамках диссертационного исследования предполагается, что современная великая держава – это не та, что обладает наибольшей территорией, а та, что доминирует в критически важных узлах мировой системы: морских ключевых точках, логистических коридорах, подводных кабелях, космических коммуникациях и т.д. Данные элементы формируют каркас современного геополитического влияния, и их утрата может привести к стремительному упадку даже самых могущественных государств.

Ключевое отличие характера нынешней геополитики от ее же времен Н. Дж. Спикмэна заключается в переходе от статичного обладания пространством к динамичному управлению движением товаров, электронных данных и энергоресурсов. Способность обеспечивать их бесперебойную циркуляцию или, напротив, блокировать ее для конкурентов становится важнейшим инструментом внешнеполитической силы. Китай, к примеру, реализует данную установку посредством инициативы «Один пояс – один путь», создавая альтернативные маршруты для мировой торговли, тогда как США сохраняют глобальное доминирование через военно-морское присутствие в ключевых проливах, а также посредством контроля над мировой цифровой инфраструктурой.

Военная мощь по сей день остается базовым элементом силы, что подтверждает опыт Специальной военной операции Вооруженных сил России на территории Украины. Тем не менее, в XXI в. все более актуализируется способность государства к быстрому разворачиванию своих ВС в стратегически важных точках мира, защите национальных интересов в удалении от собственных границ и предотвращению дестабилизации обстановки в ключевых узлах мировой экономики. Качественно новыми полями для международного противостояния стали киберпространство и околоземная орбита, где контроль над инфраструктурой сопряжен с контролем глобальных потоков информации.

Великая держава XXI в. все более отходит от роли простого (хоть и влиятельного) участника международных отношений, переходя в статус архитектора мировых тенденций и глобальных проектов. К числу последних можно отнести трансрегиональные логистические коридоры, международные энергетические мосты, глобальные цифровые платформы и т.д. Способность инициировать такие инициативы, консолидировать вокруг них союзников и при необходимости принуждать к сотрудничеству становится маркером подлинного мирового лидерства. В этом смысле география силы больше не ограничивается физическими границами – она определяется масштабом сетевого влияния, способностью формировать правила игры в глобальных потоках и обеспечивать их устойчивость.

Возвращаясь к Турции, отметим, что анализ перспектив по восстановлению утраченного после Первой мировой войны влияния на территории бывшей Османской империи – Афразии (посредством чего Анкара стремится войти в клуб современных великих держав) – не может производиться обособленно. Целесообразным представляется проведение комплексного сопоставления географических параметров Турции с характеристиками государств, де-факто имеющими этот статус – США, Китай, Россия – либо де-юре обладающими им – Великобритания, Франция. Более того, все пять перечисленных государств являются членами Совета Безопасности ООН, что делает их выбор еще более обоснованным. Такой сравнительный подход позволит не только оценить текущие позиции Анкары, но и выявить системные преимущества и ограничения ее геополитического положения на основании качественных и, что немаловажно, количественных показателей.

Оценивая геополитическое положение Турции, отметим, что ее главное отличие от России, США, Китая, Великобритании и Франции заключается в уникальной трансконтинентальной позиции, дающей доступ одновременно в Европу и Центральную Азию, на Ближний Восток и Кавказ. Если традиционные центры силы опирались на контроль обширных территорий (Россия, США, Китай) или глобальные морские коммуникации (Великобритания, Франция), то турецкое

(османское) влияние было основано на стратегическом положении и возможности вести экспансию во всех направлениях. Тем не менее, отметим, что оптимальные условия для экспансии сегодня представляют собой набор иных характеристик, связанных преимущественно с мировым океаном.

Анализируя морской потенциал Турции, стоит отметить, что она обладает выходом к четырем морям – Средиземному, Эгейскому, Мраморному и Черному, что делает ее важным звеном региональной торговли и транспорта. Однако отсутствие прямого выхода к мировым океанам, безусловно, является естественным ограничителем ее амбиций, вынуждая искать альтернативные пути влияния. Несмотря на то, что контроль над Босфором и Дарданеллами дает рычаги глобального влияния, Анкаре все равно приходится действовать гибко, комбинируя военно-политическое присутствие в различных регионах – от Ливии и Сомали до Кавказа и Центральной Азии – с другими элементами проникновения. Например, соглашения с Сомали позволили Анкаре закрепиться в Африканском Роге, создавая альтернативные логистические цепочки в обход традиционных морских путей, контролируемых Западом.

Россия, для сравнения, располагает обширным прямым доступом к Тихому и Северному Ледовитому океанам, имея там ряд портов и специализированных морских объектов. Соединенные Штаты Америки, в свою очередь, омываются двумя мировыми океанами – Тихим и Атлантическим, – а также имеют большое число заморских территорий, обеспечивающих их экономическое и военное влияние. Треть всей границы Китая омывается Тихим океаном, государство реализует одну из крупнейших мировых торговых инициатив «Один пояс, один путь» по формированию глобальной сети транспортных, энергетических и торговых коридоров, соединяющих Азию, Европу и Африку. Доступ к Атлантическому океану позволил Великобритании, начиная с конца XVI в. и до XX в., построить крупнейшую в истории морскую колониальную империю, бесперебойно реализуя военную и экономическую мощь практически в любой точке мира. Аналогичным образом действовала Франция, французская колониальная империя уступала по размерам только британской.

Говоря о «континентальной замкнутости» Турции, важно отметить, что отсутствие прямого выхода в мировой океан, безусловно, накладывает на нее географические ограничения. Однако данные по контейнерному портовому трафику (Таблица 1) опровергают тезис о том, что этот фактор критически снижает международный торгово-логистический потенциал государства⁶.

Таблица 1. Данные по контейнерному портовому трафику для России, Китая, США, Великобритании, Франции и Турции (2025 г.)⁷

№ п/п	Государство	Контейнерный портовый трафик
1.	Россия	3 914 304
2.	Китай	268 990 000
3.	США	62 214 119
4.	Великобритания	9 738 676
5.	Франция	6 467 242
6.	Турция	12 366 172

Турция, не имея прямого выхода в мировой океан, демонстрирует грузооборот в 12,3 млн. TEU, что почти в два раза превышает показатели такой классической морской державы, как Великобритания (9,7 млн. TEU), и кратно больше, чем у России (3,9 млн. TEU) [251]. Это свидетельствует о том, что Анкара компенсирует отсутствие прямого выхода в мировой океан, используя свое уникальное положение на стыке континентов. Контролируя ключевые проливы Босфор и Дарданеллы, Турция, очевидно, является незаменимым региональным хабом, чья роль в глобальных логистических цепочках высока. Следовательно, в данном случае ее потенциал следует оценивать не через призму классической океанской мощи, а через призму эффективного контроля над узлами, связывающими морские бассейны.

⁶ Единицей расчета контейнерного портового трафика является TEU (Twenty-foot Equivalent Unit), что в переводе на русский означает «двадцатифутовый эквивалент».

⁷ Составлено автором на основе источника [251]

Для сравнения военного потенциала Турции с аналогичным показателем у России, США, Китая, Великобритании и Франции был использован индекс Global Firepower, значения которого приведены в Таблице 2.⁸

Таблица 2. Индекс военной мощи России, Китая, США, Великобритании, Франции и Турции (2025 г.)⁹

№ п/п	Государство	Индекс военной мощи
1.	Россия	0,0788
2.	США	0,0744
3.	Китай	0,0788
4.	Великобритания	0,1785
5.	Франция	0,1878
6.	Турция	0,1902

В рейтинге Global Firepower за 2025 г. военный потенциал Турции в рамках исследуемой группы находится на последнем месте с индексом 0,1902, демонстрируя наименьшую совокупную конвенциональную военную мощь среди сравниваемых держав. Турецкий показатель близок к значениям Франции (0,1878) и Великобритании (0,1785), тогда как США (0,0744), Россия (0,0788) и Китай (0,0788) обладают гораздо более низкими, а значит, лучшими значениями индекса, формирующими заметный разрыв в их совокупной мощи [252].

Важно отметить, что данный индекс оценивает лишь обычные, неядерные вооружения и такие факторы, как численность личного состава, количество и

⁸ Индекс Global Firepower является ежегодным комплексным рейтингом, оценивающим постоянную военную мощь более 140 современных государств. При его расчете используется методология, позволяющая сравнивать как ведущие державы мира, так и малые страны на единой шкале. Индекс учитывает свыше 50 статистических параметров – от количественных показателей численности личного состава и объемов техники (танков, самолетов, кораблей) до качественных и логистических параметров (финансовые и промышленные возможности государства, географические особенности, мобильность войск, уровень технологического развития и наличие природных ресурсов). Важным принципом индекса является его сбалансированность касемо ядерного оружия: наличие ядерного арсенала дает бонус, но не является решающим фактором, а оценка строится на потенциале как для наступательных, так и для оборонительных действий в конвенциональной войне. Меньшее итоговое значение индекса указывает на более высокую военную мощь.

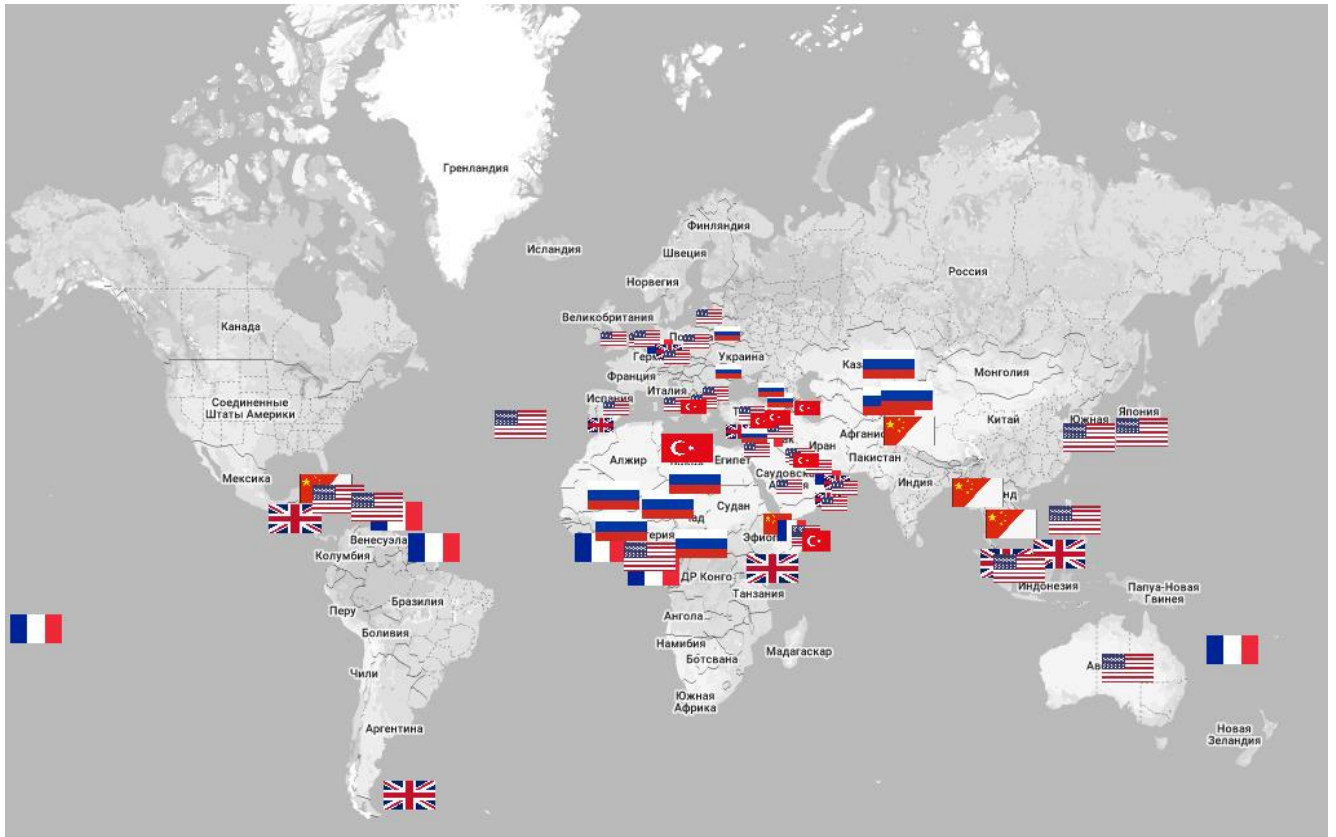
⁹ Составлено автором на основе источника [252]

разнообразии техники, логистические возможности, экономические параметры и т.д. Таким образом, анализ показывает, что Турция, безусловно, является сильной региональной державой с военным потенциалом, сопоставимым с ведущими странами Западной Европы, но по совокупности обычных вооружений она, как и Великобритания с Францией, сильно уступает России, США и Китаю.

Для более целостной геополитической характеристики силовой компоненты рассматриваемых держав в рамках сравнительного анализа целесообразно отдельно рассмотреть количество и географическое распределение их зарубежных военных баз и объектов, что представляет собой важный индикатор статуса великой державы в современной международной системе. Исторически сложилось, что способность государства поддерживать постоянное военное присутствие в стратегически значимых точках мира служила не только инструментом обеспечения безопасности, но и демонстрацией глобального влияния, позволяя формировать баланс сил в своих интересах. В эпоху колониальных империй такая возможность была привилегией морских держав, тогда как в условиях биполярного мира XX в. система зарубежных баз стала отражением глобального противостояния двух сверхдержав – СССР и США.

В современном многополярном мире характер военного присутствия за рубежом претерпел существенную трансформацию, однако его значимость как маркера великой державы не снизилась. Способность поддерживать разветвленную сеть военных объектов по всему миру (как фактор обеспечения оперативного развертывания) свидетельствует не только о военно-технических возможностях государства, но и о наличии у него устойчивых политических и экономических связей со странами размещения. При этом широта географии распределения баз отражает стратегические приоритеты державы – контроль над ключевыми морскими коммуникациями, доступ к ресурсным регионам или возможность оперативного реагирования на кризисы в различных частях света.

Рисунок 4. Карта зарубежных военных баз Турции, России, США, Китая¹⁰, Великобритании и Франции¹¹

Турция имеет постоянные военные базы на Северном Кипре, в Катаре и Сомали, временные объекты в Ираке, Сирии, Ливии, Албании и Азербайджане [253]. В Косово и Боснии и Герцеговине турецкие ВС действуют в статусе участника международных миротворческих операций – через KFOR (НАТО) и EUFOR (ЕС), соответственно. Такой способ «военного возвращения» Турции на Балканы – пример использования НАТО и ЕС как дополнительного инструмента для обеспечения военно-политического присутствия в регионе [254, с. 25].

В то же время США имеют около 750 военных баз и объектов за рубежом (включая крупные базы, небольшие лагеря, логистические центры и секретные объекты) в Европе и на Ближнем Востоке, в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Африке и Латинской Америке [255]. Франция, в свою очередь, обладает второй по величине сетью зарубежных военных баз среди стран НАТО (после

¹⁰ Объединенный с белым флаг – возможное присутствие.

¹¹ Карта составлена автором на основе источника [253]

США), что отражает ее статус бывшей колониальной державы. Французские постоянные военные базы расположены в Африке – основном регионе присутствия (контроль за Красным морем и Аденским заливом, западное побережье), откуда она постепенно выходит, на Ближнем Востоке и в Южной Америке (для контроля Карибского региона), а также ограниченно – в Тихом океане. Великобритания также сохраняет ряд значимых военных объектов за рубежом, фокусируясь на контроле морских коммуникаций и поддержке НАТО. Как и в случае Франции, ее возможности сильно уступают США, однако географический охват британских объектов сопряжен с их высоким стратегическим значением: Средиземное море, Белиз (Центральная Америка) и Фолклендские острова (Южная Америка), Джибути (Юго-Восточная Африка) и несколько баз в Юго-Восточной Азии [253].

Россия имеет значительно меньше зарубежных военных баз, чем США или бывший СССР, однако они играют важную роль в рамках ее зарубежного стратегического присутствия. Основные объекты расположены в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и на Ближнем Востоке, в Африке обеспечивается военное присутствие в виде «Африканского корпуса», – что достаточно для проекции силы в регионе [253]. Китайская военная экспансия, в свою очередь, только начинается, и в ближайшее десятилетие ожидается значительное увеличение числа китайских военных объектов за рубежом, особенно в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе. На данный момент Пекин имеет одну официальную зарубежную базу в Джибути, также предполагается китайское военное присутствие в Камбодже, Таджикистане, Мьянме и на Кубе [253]. Китайская военная экспансия имеет ряд характерных черт: Пекин предпочитает коммерческие порты с потенциалом военного применения, делает ставку на экономическое влияние для получения туда доступа и развивает сеть спутниковых станций, которые могут выполнять и военные функции.

Вышеперечисленные государства демонстрируют стремление к устойчивому зарубежному военному присутствию в ключевых регионах и логистических узлах мира. Турецкая же модель военного присутствия за рубежом представляет собой особую регионоцентристскую конфигурацию – в рамках Афразии. В отличие от

традиционных держав мирового значения, чьи военные объекты рассредоточены по разным континентам, Анкара выстраивает свою стратегию по принципу географически ограниченной экспансии, фокусируясь исключительно на ближнем и среднем периметре исторического османского влияния. Такой подход, с одной стороны, отражает прагматичное осознание географических ограничений (отсутствие прямого выхода в Атлантику или Тихий океан), с другой – демонстрирует попытку компенсировать глобальные ограничения региональной доминантой.

Размещение Турцией военных объектов в треугольнике Ливия-Сомали-Катар может быть целенаправленной стратегией по установлению контроля над «подбрюшьем» Евразии: в местах пересечения важных энергетических маршрутов и миграционных потоков. Тем не менее, фокус исключительно на Афразийском пространстве значительно ограничивает возможности Турции по глобальному проецированию силы, превращая ее более в регионального актора. Примечательно, что даже в пределах ограниченного ареала турецкое военное присутствие имеет точечный характер. В данном контексте стоит также отметить сосредоточенность Анкары на объектах с высокой символической нагрузкой, таких как, к примеру, остров Суакин в Судане, бывший в прошлом важным османским форпостом в Красном море [235].

Особо показательна ограниченность турецкого военного присутствия за рубежом при сравнении с картой зарубежных военных баз Китая или России. Последние, несмотря на меньший масштаб военного присутствия в мире по сравнению с США или Францией, демонстрируют способность к гибкости и маневренности в разных регионах мира. Турция же, напротив, похожа более на заложника собственной региональной концентрации, где дислоцирование своих ВС даже на относительно удаленных объектах (таких, как база в Сомали) связаны с логикой неоосманского курса. Такого рода конфигурация создает двоякий эффект, когда, с одной стороны, широкое присутствие в ближнем зарубежье обеспечивает Анкаре значительное влияние на региональные (афразийские) процессы. С другой стороны, географическая ограниченность и отсутствие

военного присутствия в других регионах мира делают турецкие позиции уязвимыми перед изменением баланса сил в мире. Данный фактор приобретает особую актуальность на фоне стремления Турции к мировому влиянию.

Важно отметить, что в Анкаре осознают негативные стороны ограниченности военного присутствия за рубежом, пытаясь компенсировать их дипломатической активностью и экономическим проникновением. Военные базы являются элементами более сложной системы влияния, включающей строительные контракты, гуманитарные проекты, культурное взаимодействие со странами субрегиона и т.д. Тем не менее, открытым остается вопрос: насколько такая внешнеполитическая модель, весьма эффективная для регионального лидерства, соответствует декларируемому стремлению Турции обрести статус великой державы? В современном многополярном мире, где подлинная сила все чаще измеряется способностью государства к одновременному удержанию позиций в различных регионах мира, данный вопрос актуализируется еще больше.

Реальные возможности Анкары в мире (прежде всего, экономические) в неполной мере соответствуют масштабам глобальных проектов, характерных для признанных центров силы. В то время как, к примеру, Россия и Китай формируют новые геоэкономические оси мира – будь то Северный морской путь, транснациональные энергетические коридоры или инициатива «Один пояс – один путь», – Турция остается на позиции регионального игрока, чьи зарубежные проекты (транспортные или логистические) ограничиваются ближней периферией. Турецкие внешние инициативы остаются привязанными к сравнительно узкому пространству между Юго-Восточной Европой, Кавказом и Ближним Востоком, что сильно ограничивает способность Анкары к экстраполяции влияния за пределы Афразии.

США, в свою очередь, уже реализовали множество масштабных трансконтинентальных проектов, которые стали залогом их экономического, военного и технологического доминирования в мире. Соединенные Штаты Америки являются сегодня ключевым звеном в мировой авиационной инфраструктуре: авиакомпании Delta, United, FedEx – крупнейшие международные

перевозчики, а американское Федеральное управление авиации (FAA) контролирует более трети мировых воздушных перевозок, сертифицирует все Boeing и большинство Airbus (компании вместе контролируют практически весь рынок пассажирских лайнеров) [256]. Особую роль в глобальном доминировании США играют телекоммуникации и цифровая инфраструктура: американские компании Google, Meta¹² и Amazon владеют крупнейшими трансокеанскими кабелями, а спутниковые системы GPS и Starlink имеют фундаментальное значение для мировой навигации. Соединенные Штаты Америки занимают одно из лидирующих позиций в мировой космической программе (NASA, частные компании SpaceX, Blue Origin), располагая космодромами на разных континентах. В контексте роста мирового значения арктического региона также стоит отметить Трансаляскинский нефтепровод, который обеспечивает США геополитический доступ к Арктике.

Трансконтинентальные проекты Франции и Великобритании уходят корнями в прошлое, во времена их колониальных империй. Сегодня же французское и британское участие в такого рода инициативах связано преимущественно с технологическим сектором (телекоммуникации, космическая отрасль) в том числе, по отношению к бывшим колониям. Французские компании Orange и Alcatel участвуют в прокладке оптоволоконных линий, связывающих Европу и Африку [257], аналогичным образом работают британские компании Vodafone и British Telecommunications plc. Франция и Великобритания активно участвуют в международных космических программах. Например, главный космодром Европы (ESA), откуда запускают ракеты Ariane и Vega, обеспечивая трансконтинентальные космические миссии, находится в Куру во Французской Гвиане [258]. Британская компания OneWeb и французская Eutelsat разворачивают низкоорбитальную спутниковую группировку для обеспечения высокоскоростного интернета по всему миру [259]. Данные проекты отражают стратегические интересы Франции и Великобритании в Европе, Африке, Азии и глобально – в мире. Многие из

¹² Компания Meta признана в России экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории страны.

инициатив связаны с бывшими колониями и текущим экономическим влиянием, что может быть идентифицировано как маркер их глобальной политики.

Стоит отметить, что Турция участвует в ряде трансконтинентальных проектов, используя свое уникальное географическое положение между Европой и Азией, однако лишь как участник (посредник) ряда из них. Через турецкую территорию проходит Транскаспийский международный транспортный коридор, ключевой альтернативный маршрут, связывающий Китай и Европу в обход России, и Международный транспортный коридор «Север–Юг», связывающий Россию, Иран, Индию и страны Каспийского региона, предлагая альтернативу традиционному морскому пути через Суэцкий канал.

Анкара также участвует в ряде энергетических проектов. Один из них – Турецкий поток (TurkStream) – газовый коридор из России. TurkStream представляет собой трансконтинентальный газопровод, по которому российский газ в обход Украины поступает в Турцию и Южную Европу, став стратегической альтернативой закрытому «Южному потоку». Также по турецкой территории проходит Трансанатолийский газопровод, по которому азербайджанский газ поставляется в ЕС, и нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан (для собственного турецкого пользования).

Несмотря на уникальное трансконтинентальное положение на стыке Европы и Азии, стоит резюмировать, что Турции до сих пор не удалось трансформировать это географическое преимущество в инфраструктурные инициативы глобального значения. Такие проекты как Стамбульский канал или развитие транспортных коридоров через Кавказ, несмотря на их высокую региональную значимость, не имеют того потенциала, который характерен, к примеру, для Северного морского пути или Нового шелкового пути. Во многом это обусловлено объективными причинами: в отличие от России, обладающей огромным арктическим потенциалом, или Китая с его финансовыми и производственными возможностями, Турция вынуждена действовать в более конкурентной среде. В то же время все сильнее дают о себе знать внутренние экономические ограничения, которые усложняют реализацию турецких великодержавных амбиций.

В данном контексте видится особо показательным сравнение Турции с Китаем, чья инициатива «Один пояс – один путь» демонстрирует принципиально иной, более высокий уровень геостратегического мышления. Пекин создает в мире многоуровневую систему транспортно-логистических коридоров, охватывающих ключевые регионы мира от Тихого до Атлантического океана, тогда как усилия Анкары сосредоточены на укреплении позиций в, безусловно, большом по размеру, но весьма ограниченном пространстве. В пример можно привести Западную Афразию, где турецкие планы по экстраполяции влияния через военные базы и экономические проекты выглядят скорее как попытка закрепиться на периферии китайской глобальной инициативы, чем как полноценная региональная стратегия великой державы.

Разрыв между реальными возможностями и мировыми амбициями создает для Турции дилемму на стратегическом уровне. С одной стороны, ее географическое положение объективно не позволяет игнорировать трансконтинентальные проекты других держав (тот же китайский Шелковый путь проходит через турецкую территорию и соседние страны). С другой стороны, отсутствие собственных инициатив сопоставимого по значению масштаба делает Анкару скорее участником (хотя и важным) чужих геоэкономических стратегий. В этом контексте нынешняя политика Турции напоминает попытку компенсировать отсутствие собственных глобальных проектов активным участием в чужих, будь то китайские инвестиции или российские энергетические инициативы, что, тем не менее, едва ли соответствует характеру современной великой державы.

Таким образом, обзор турецких возможностей в области трансконтинентальных проектов позволил выявить принципиальное отличие между подлинно глобальными (великими) державами, формирующими новые оси мировой экономики, и региональными центрами силы, каким является современная Турция. Без развития собственных масштабных инфраструктурных инициатив, способных изменить существующие транспортные и энергетические потоки на континентальном уровне, турецкие претензии на статус великой державы

останутся в значительной степени декларативными, ограниченными рамками регионального влияния, пусть и в стратегически важном регионе мира – Афразии.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд геополитических факторов, ограничивающих потенциал Турции как современной великой державы:

1. Отсутствие прямого выхода к бассейну мирового океана – замкнутость Черным и Средиземным морями без прямого доступа к Атлантике, Индийскому или Тихому океану (что, тем не менее, не мешает Турции развивать морские торговые перевозки);

2. Ограниченность географии военного присутствия – размещение зарубежных баз исключительно в границах «неосманского пространства» (Южный Кавказ, Ближний Восток, Восточная Африка) без доступа к ключевым точкам мировой морской коммуникации (к примеру, Гибралтар, Малаккский и Ормузский проливы);

3. Недостаточный масштаб трансконтинентальных инициатив – Турция не формирует транспортные или энергетические коридоры глобального значения (в отличие от России, Китая или США), оставаясь транзитным, но не системообразующим звеном мировой логистики;

Можно сделать вывод, что на данный момент Турция представляет собой амбициозного регионального игрока, чьи возможности влиять на глобальные процессы, тем не менее, остаются ограниченными рядом факторов. Особенно показательным сравнением Турции с Китаем, который за аналогичный двадцатилетний период сумел трансформироваться из региональной державы в глобального системообразующего игрока. В отличие от Пекина, обладающего собственной глобальной инициативой «Один пояс – один путь» и последовательно расширяющего зону экономического и, что ранее было нехарактерным, военного присутствия на других континентах, Турция остается заложницей исторически обусловленного «османского географического пространства», где даже относительные успехи (например, укрепление позиций в Катаре или Сомали) не меняют общего баланса сил.

Перспективы преодоления этих ограничений в среднесрочной перспективе выглядят сомнительными. Для реального прорыва в клуб современных великих держав Анкаре требуется либо кардинальное изменение собственного географического положения (фактически невозможное), либо беспрецедентный рост военно-технологического потенциала (маловероятно в условиях текущего состояния ее экономики и сохраняющейся зависимости от западных технологий), либо распад существующей системы международных отношений, что создало бы относительно равные возможности для всех акторов. В отсутствие этих условий Турция обречена оставаться влиятельным региональным, но не определяющим глобальный баланс сил игроком – своего рода «средней державой», чьи амбиции существенно опережают реальные возможности их реализации в современной многополярной системе международных отношений.

3.2. «Имперское перенапряжение» Турции и техноэкономические детерминанты ее суверенитета в сравнении с другими акторами

Анализируя текущие тенденции в экономике Турции, можно предположить, что стремление к историческому реваншу стало серьезным бременем для турецкого государства. Политика неоосманизма с ее претензией на гегемонию в Афразии, стремлением к независимости от Запада и возвращению утраченного имперского влияния могла запустить деструктивные процессы, последствия которых сегодня проявляются все более отчетливо.

Если первое десятилетие пребывания умеренных исламистов у власти в Турции можно рассматривать как период их относительного триумфа, отраженного во внешнеполитических успехах, экономическом росте и повышении уровня национального самосознания, то в дальнейшем реализация неоосманского курса столкнулась с рядом системных трудностей. Конец второго – начало третьего десятилетия XXI в. стали в определенной степени симптоматичными, демонстрируя нарастающий разрыв между имперскими амбициями Анкары и реальными возможностями их реализации. Политика «морального реализма»,

принятая в 2015 г. и ознаменовавшая переход к более активному силовому вмешательству во внешней политике, потребовала от Турции дополнительной мобилизации ресурсов.

Практическая сторона «морального реализма» выразилась в прямом военном присутствии в Сирии и Ираке, развертывании военного контингента в Ливии, открытии военной базы в Сомали, а также в наращивании военно-морского присутствия в Восточном Средиземноморье в условиях острого «газового» конфликта с Грецией и Кипром. Параллельно Анкара была вынуждена нести значительные дипломатические и экономические издержки в ходе Катарского кризиса, оказывая всестороннюю поддержку Эр-Рияду в условиях блокады.

Можно предположить, что такого рода перманентный режим военно-политической вовлеченности в региональные процессы создал устойчивую нагрузку на бюджет страны. Более того, геополитическая турбулентность второй декады XXI в. вдоль всей протяженной южной границы Турции имела последствия и гуманитарного свойства, в виде, к примеру, массового наплыва сирийских беженцев, спасающихся от войны. Тем не менее, критическое усугубление ситуации произошло с наступлением глобальной пандемии COVID-19, когда турецкая экономика столкнулась с двойным шоком – сокращением производства [260], падением туристических доходов [261, с. 145] и девальвацией лиры [262, с. 233]. Возник эффект двойного давления, когда необходимость продолжения активной внешней политики в Афразии совпала с резким сокращением экономических доходов, поставив фискальную систему страны на грань устойчивости и обозначив определенные пределы ресурсного обеспечения внешнеполитических амбиций.

Параллельно нарастали вызовы на «тюркском» направлении, где изначальная концепция пантюркистской солидарности, со временем трансформировавшаяся в идею военно-политического объединения тюркских государств (пантуранизм), начала демонстрировать свою ограниченность. Страны-члены Организации тюркских государств, воспринимавшиеся Анкарой как естественная сфера влияния и историко-культурная периферия, стали демонстрировать приоритет

национального суверенитета над идеологическими конструкциями. Это проявилось в осторожной реакции на турецкие инициативы по созданию единых политических и экономических структур – часть стран ОТГ (например, Казахстан и Узбекистан), сохраняя риторику культурно-исторической общности, одновременно сопротивлялись модели интеграции, предполагавшей гегемонию Турции [263]. Такая позиция отдельных региональных партнеров Анкары существенно ограничила потенциал трансформации мягкого культурного влияния Турции в институционализированное доминирование, обнажив фундаментальное противоречие между пантуранистской риторикой и реальными возможностями по интеграции «тюркского мира» на турецких условиях.

Совокупность этих факторов – истощение от силовой внешней политики, экономические вызовы и сопротивление региональных партнеров – обозначила системные трудности Анкары для поддержания прежней динамики неоосманской («афразийской») политики. Нарастающая диспропорция между сохраняющимися амбициями и ограниченными ресурсами все более явно свидетельствует о вхождении Турции в фазу т. н. «геополитического перенапряжения». Исторической гибкости турецкой дипломатии, ее способности к ситуативным маневрам и тактическим перестройкам в текущих условиях может оказаться недостаточно для преодоления системных ограничений, поскольку Турция столкнулась с фундаментальной проблемой, когда адаптационные механизмы внешней политики перестают компенсировать накопленный структурный дефицит возможностей.

Теоретической основой для анализа нынешнего состояния турецкой внешней политики служит концепция «имперского перенапряжения», разработанная в трудах ряда политологов и историков. П. Кеннеди в своем фундаментальном исследовании «Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.» обосновал, что основа геополитического могущества и влияния государства заключается в сложном сочетании постоянных технологических новшеств, экономической и финансовой силы, природных, демографических и территориальных ресурсов, достижений социальной модернизации, а также трудно

измеримых факторов – таких как энергия, боевой дух, устойчивость и способность допускать меньше ошибок, чем соперник [264, с. 8]. Он пришел к выводу, что «имперское перенапряжение» (в оригинале «imperial overstretch») возникает, когда чрезмерные военные расходы подрывают благосостояние населения и тормозят экономическое развитие. Завышенные затраты на вооружение, а также необходимость удерживать удаленные территории и зависимые режимы со временем способны ослабить и даже разрушить саму метрополию [264, с. 8-9].

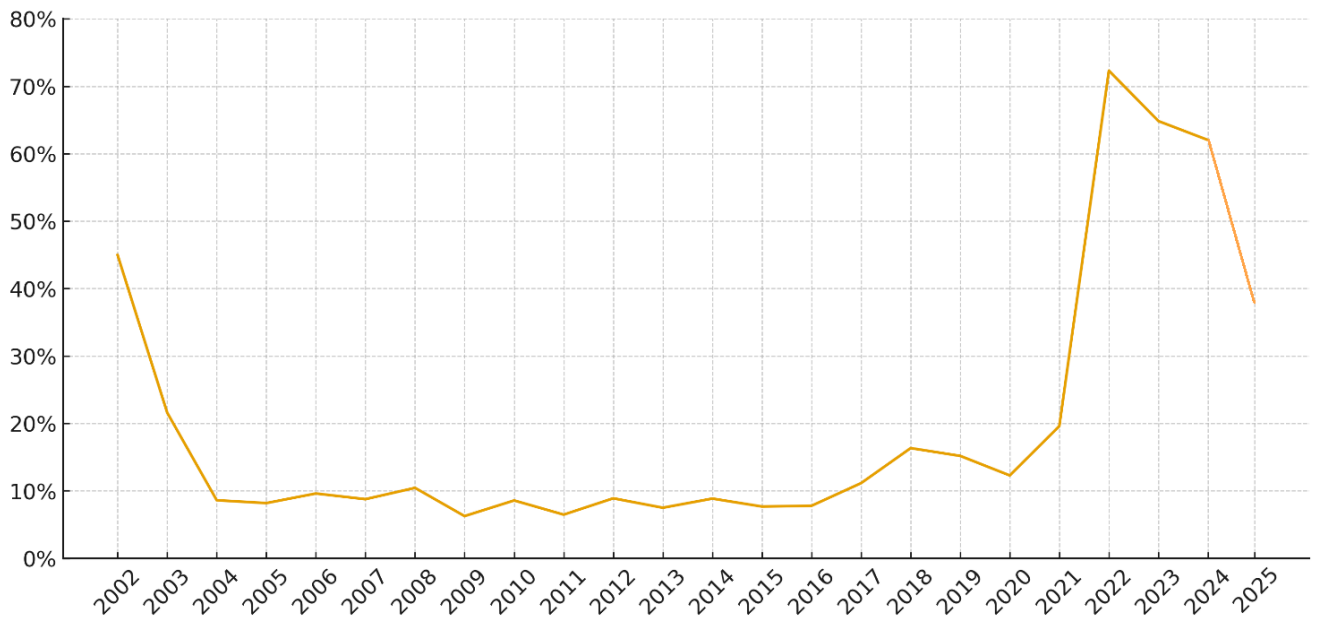
Примечательно, что в качестве примера П. Кеннеди приводит США, которые, как имперская Испания в начале XVII в. или Британская империя на рубеже XIX–XX вв., также столкнулись с «имперским перенапряжением». Он указывает на губительность широкого ряда стратегических гарантий, данных Вашингтоном в предыдущие десятилетия, поскольку тогда политические, экономические и военные возможности США оказывать влияние на мировые процессы казались значительно более прочными и очевидными. «Вследствие этого США сейчас сталкиваются с риском, который прекрасно знаком историкам, исследующим расцвет и упадок великих держав прошлого, и который условно можно назвать «имперским перенапряжением»: иначе говоря, стратеги в Вашингтоне должны признать тот неприятный факт, что совокупность американских глобальных интересов и обязательств в наши дни намного превосходит способность страны заботиться о всех них одновременно» [264, с. 752].

Аналогичное утверждение можно обнаружить в работе У. Мак-Нила «В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках», где автор рассматривает государственное перенапряжение сил как системный результат самой логики внешней экспансии. Он вводит понятие «Команды» (иерархических, принудительных структур государства и армии) [265, с. 25] и «Рынка» (децентрализованных сетей обмена, формирующих экономический рост государства) [265, с. 27]. С его точки зрения, кризис перенапряжения государственных сил наступает тогда, когда логика «Команды» подавляет и истощает логику «Рынка», выкачивая из экономики ресурсы для поддержания военно-политической мощи и подавляя предпринимательскую инициативу.

Другой ученый Р. Коллинз в книге «Макроистория: Очерки социологии большой длительности» смещает фокус внимания на пространственный – геополитический – аспект проблемы, также используя термин «перенапряжение» (в оригинале «overextension»). Он определяет эту фазу как закономерный итог для любой экспансионистской империи, когда затраты на удержание и контроль над завоеванными территориями начинают превышать выгоды от них, что ведет к кризису и распаду [266, с. 87]. В то же время его коллега – исследователь Т. Скочпол – в труде «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая» акцентирует внимание на точке пересечения внешних (международные условия и давление) и внутренних (экономика, элиты) вызовов, отмечая необходимость государственных руководителей и их последователей «маневрировать с целью извлечения ресурсов и построения организаций управления и принуждения именно на этом пересечении» [267, с. 77]. Таким образом, совокупность приведенных выше теоретических обоснований создает релевантный аналитический инструментарий для оценки текущей ситуации вокруг возможного «имперского перенапряжения» Турции, чьи амбиции вступают во все более острое противоречие с ее возможностями.

Для обоснования возможного «имперского перенапряжения» Турции на рубеже второго – третьего десятилетия XXI в., выраженного главным образом в экономической плоскости, предлагается провести анализ по следующим макроэкономическим показателям (период 2002-2025 гг.):

1. Динамика инфляции;
2. Изменение индекса потребительских цен;
3. Изменение индекса цен производителей;
4. Изменение объема государственного долга и его доли в ВВП страны;
5. Динамика ВВП страны;
6. Изменение размера дефицита государственного бюджета и его доли в ВВП страны.

График 1. Инфляция в Турции (2002-2025 гг.)¹³

На основании имеющихся данных¹⁴ можно выделить три ключевых периода, отражающих инфляционные тенденции в Турции в период проведения ею неоосманского курса. Первый из них отличается стабилизацией уровня инфляции с 44,96% в 2002 г. до 8,6% в 2004 г. и удержанием его на умеренном уровне – 8,26% в среднем (2004-2016 гг.) [268], что свидетельствует о процессе экономического оздоровления после финансового кризиса 2001 г., приведшего к обвалу фондового рынка и падению курса турецкой лиры. Заметную роль в этом процессе сыграли финансовые преимущества, которые Турция получала от риторики евроинтеграции, активно продвигаемой в то время Р. Т. Эрдоганом и ПСР.

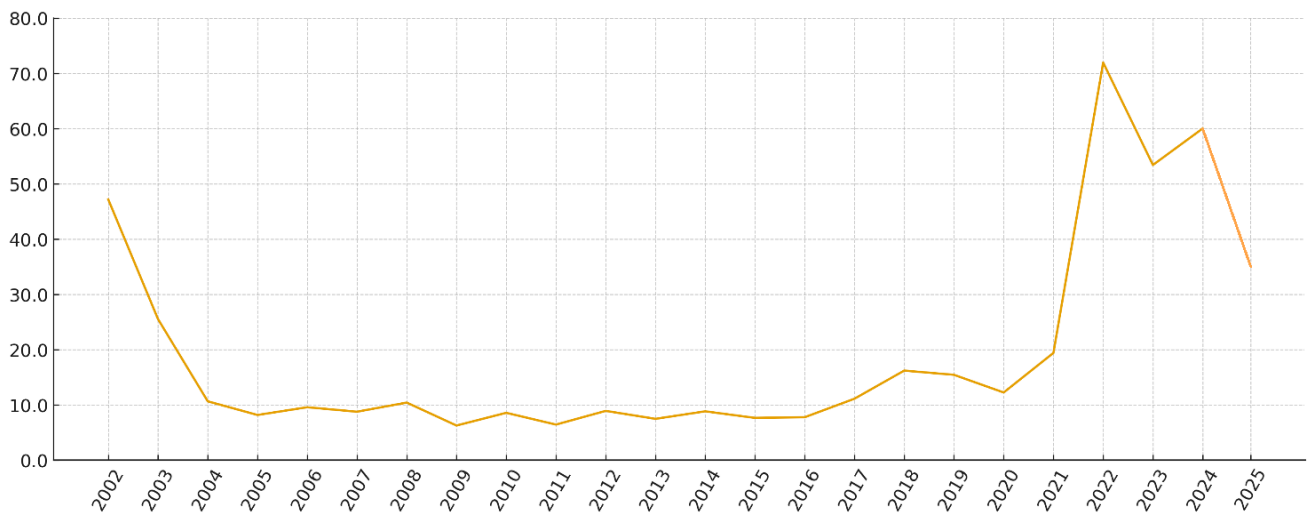
Второй период (2016-2020 гг.) характеризуется хоть и возросшей, но относительно стабильной инфляцией в районе 13,7% [268], что было обусловлено предпочтениями от сбалансированной макроэкономической политики предыдущего отрезка. Однако важно отметить, что именно в этот период Турция активизирует региональную политику в Афразии, все более смещая акцент на силовые методы воздействия.

¹³ График составлен на основе Таблицы 15 Приложения [см. с. 238], данные для которой взяты из источника [268].

¹⁴ Детально об инфляции в Турции за период с 2002 по 2025 г. в Таблице 15 Приложения.

Третий период (2020-2025 гг.), начавшийся с тяжелых последствий пандемии Covid-19, показывает уже значительный рост инфляции с 12,28% в 2020 г. до пиковых 72,31% в 2022 г. с последующей фиксацией на высоком уровне в 55,21% (среднее для 2023-2025 гг.). Важно заметить, что последующая фиксация инфляции на среднем уровне в 55,21% [268] свидетельствует скорее не о решении проблемы, а о формировании новой макроэкономической реальности, где высокий уровень инфляции становится платой Турции за сохранение имперских амбиций в Африке.

График 2. Индекс потребительских цен в Турции (2002-2025 гг.)¹⁵

Динамика Индекса потребительских цен (ИПЦ) в Турции¹⁶, подобно инфляционной, также демонстрирует три выраженных фазы, хронологически соответствующие ключевым этапам турецкой внешней политики в Африке.

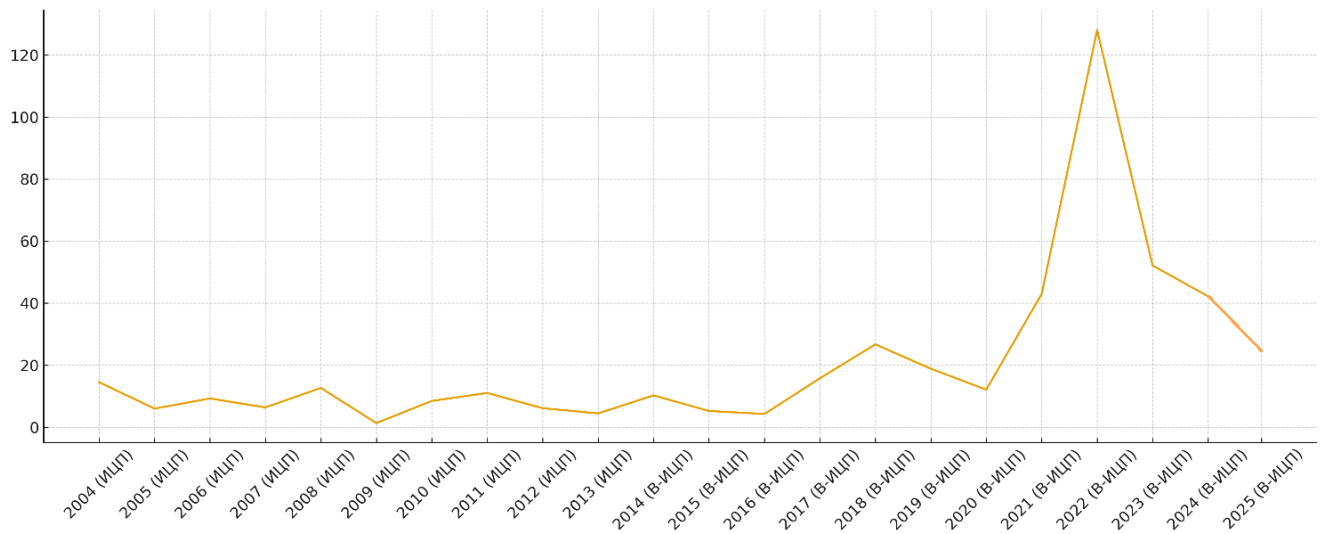
В первый период (2002–2016 гг.) наблюдается резкое снижение показателя ИПЦ с 47,2 в 2002 г. до 10,66 в 2004 г. с последующей стабилизацией на среднем уровне 8,43 (2004-2016 гг.) [269] Данная макроэкономическая ситуация отражает курс Анкары того времени на достижение и укрепление внутренней стабильности, когда турецкая экономика последовательно уходила от наследия прошлых кризисов.

¹⁵ График составлен на основе Таблицы 16 Приложения [см. с. 239-247], данные для которой взяты из источника [269]; в нем представлены среднегодовые показатели, тогда как в Таблице 16 приведены данные за каждый месяц в период с 2002 по 2025 г.

¹⁶ Детально данные об Индексе потребительских цен в Турции за период с 2002 по 2025 г. в Таблице 16 Приложения.

В течение второго периода (2016-2020 гг.) показатель ИПЦ незначительно растет, находясь в среднем на уровне 12,57. С 2021 г. (начало третьего периода) начинается резкий рост ИПЦ, который достигает пика (71,98) в 2022 г. с последующей стабилизацией на уровне 49,55 (2023-2025 гг.) [269]. Это может указывать на то, что экономика Турции прошла своеобразную точку, когда совокупные затраты на содержание и расширение сферы влияния в Африке стали неподъемными для внутреннего рынка.

График 3. Индекс цен производителей в Турции (2004-2025 гг.)^{17; 18}

Динамика Индекса цен производителей в Турции (ИЦП/В-ИЦП)^{19; 20}, аналогично двум предыдущим рассматриваемым параметрам, демонстрирует три ключевые периода.

В первый период (2004–2016 гг.) значения индекса колеблются в относительно широком, но управляемом диапазоне – от 1,37 (в кризисном 2009 г.) до 14,55 (2004 г.) на среднем уровне 7,72 [270]. Данный отрезок времени совпадает с периодом относительно низкой и стабильной инфляции, что также отражает

¹⁷ График составлен на основе Таблицы 17 Приложения [см. с. 247-255], данные для которой взяты из источника [270]; в нем представлены среднегодовые показатели, тогда как в Таблице 17 приведены данные за каждый месяц в период с 2004 по 2025 г.

¹⁸ Данные для периода 2002-2003 гг. в источнике [270] отсутствуют.

¹⁹ С 2014 г. Турецкий институт статистики (TÜİK), данные которого отражены в источнике [270] и который публикует сведения по данному индексу, заменил Индекс цен производителей (PPI, Producer Price Index) на Внутренний индекс цен производителей (В-ИЦП/ D-PPI, Domestic PPI).

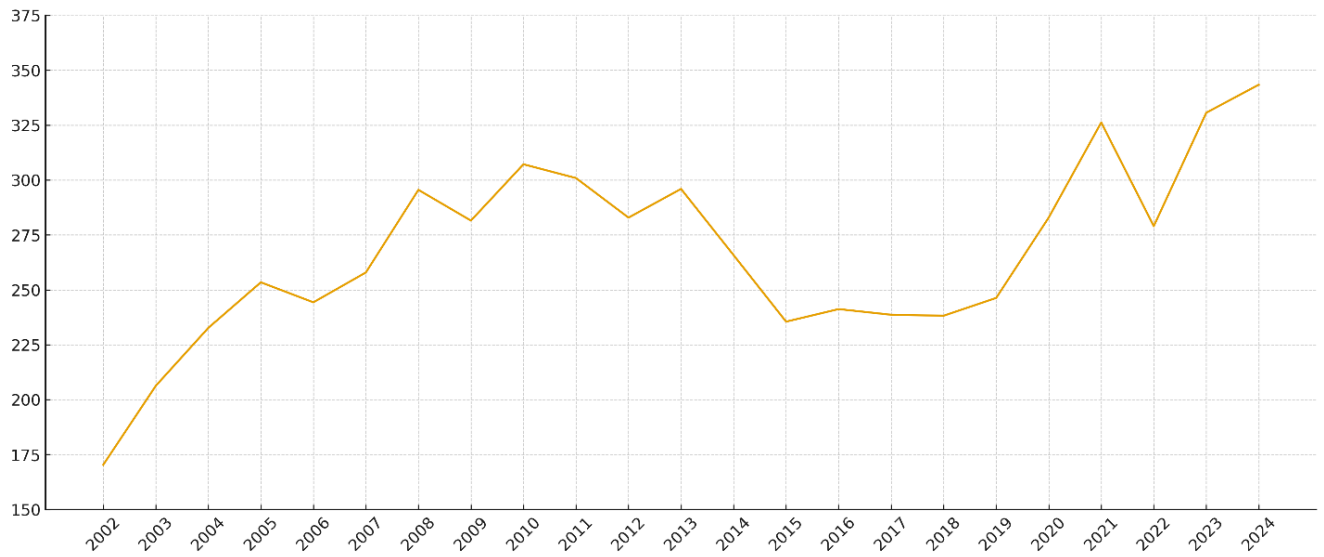
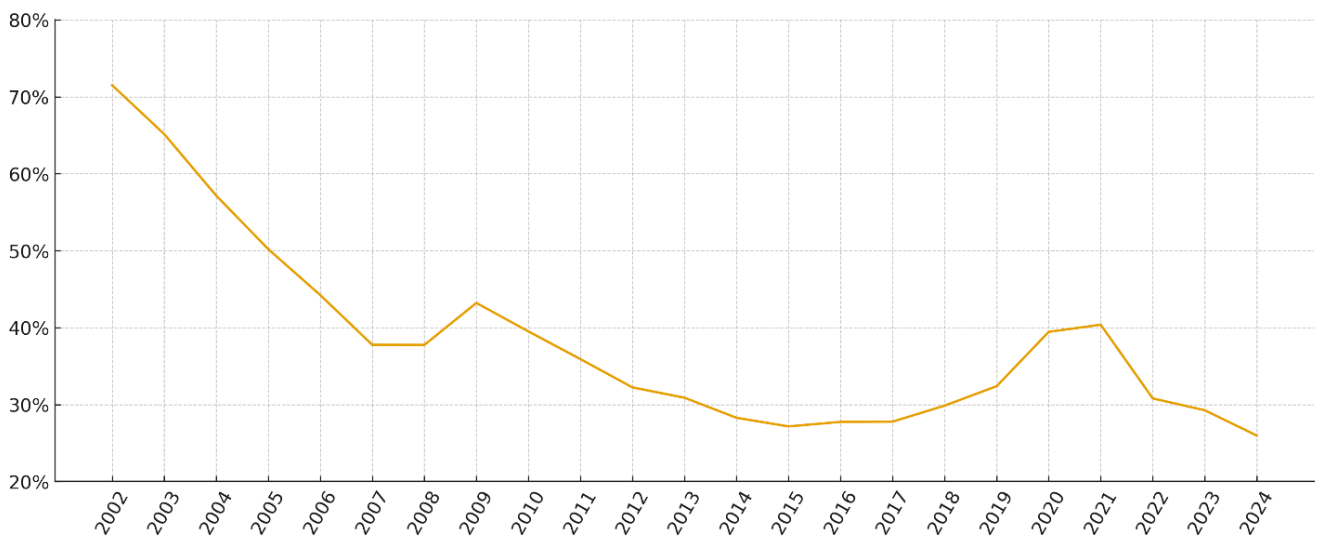
²⁰ Детально данные об Индексе цен производителей в Турции за период с 2004 по 2025 г. в Таблице 17 Приложения.

нормализацию экономического положения Турции в то время и получение ею преференции от «мягкой силы» во внешней политике, когда расходы на экспансию в Афразии еще не оказывали системного давления на издержки производителей.

В промежуток 2016-2018 гг. наблюдается устойчивая восходящая тенденция: значение индекса растет с 4,3 в 2016 г. до 15,81 в 2017 г., а затем – до 26,74 в 2018 г. При этом пандемия Covid-19 лишь ненадолго скрыла эту тенденцию, временно снизив индекс до 12,14 в 2020 г. [270].

Третий период (2021–2025 гг.) является кульминацией негативной динамики. В 2022 г. индекс цен производителей достигает пикового значения в 128,09 [270]. Этот показатель не просто высок – он может свидетельствовать о коллапсе ценовой стабильности в производственном секторе. Такой скачок есть не что иное, как количественное выражение того, как «логика Команды» – внешнеполитическая экспансия – подавила «логику Рынка» – эффективное производство (по У. Макниллу). Затраты на содержание военного присутствия в Восточной, Южной и Западной Афразии, поддержку союзников и финансирование неоосманских проектов были переложены на турецких производителей через механизмы государственных заказов, тарифной политики и валютного кризиса.

Последующее снижение индекса до 25,32 в 2025 г. [270] может трактоваться двояко, свидетельствуя не о решении проблемы, а о вхождении экономики Турции в новое равновесие с хронически высокой производственной инфляцией, которая продолжает значительно превышать пиковые значения докризисного периода. Устойчиво высокий ИЦП/В-ИЦП может говорить о том, что турецкая экономика более не способна нести бремя своей имперской политики в Афразии без ущерба для конкурентоспособности и технологического развития собственного производственного сектора.

График 4. Объем государственного долга Турции (2002-2024 гг.)²¹**График 5. Изменение отношения величины госдолга к ВВП Турции (2002-2024 гг.)²²**

На первый взгляд, динамика изменения отношения величины госдолга к ВВП²³ выглядит позитивно, демонстрируя последовательное и резкое снижение с пиковых 71,51% в 2002 г. до 25,97% в 2024. Данная тенденция, характерная для всего рассматриваемого периода, кроме двух резких увеличений – 2008-2009 гг. и

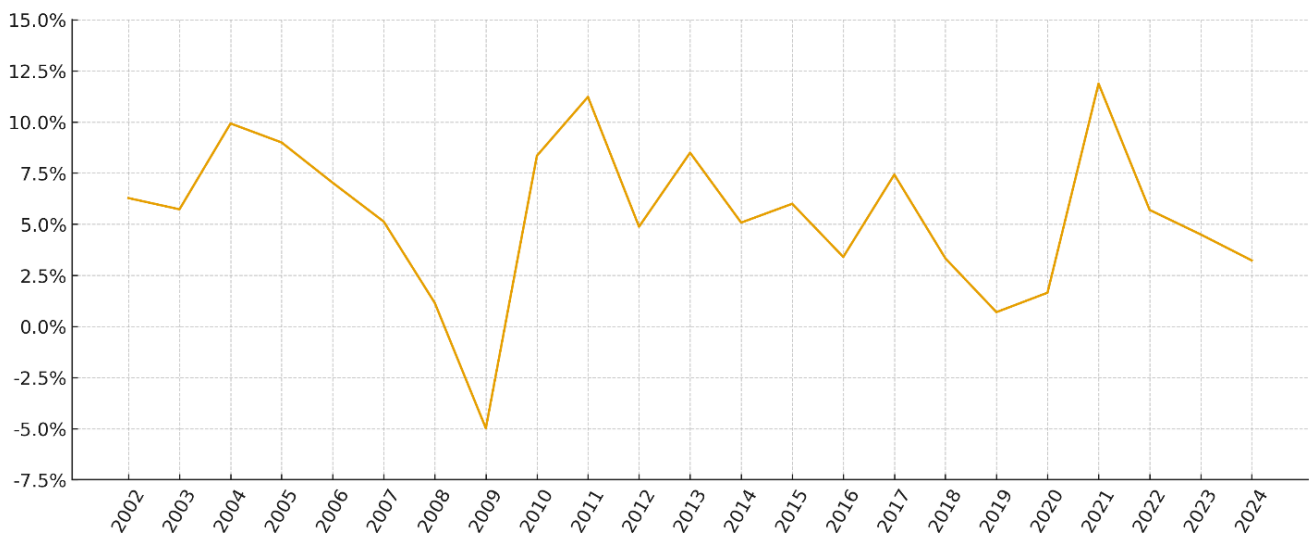
²¹ График составлен на основе Таблицы 18 Приложения [см. с. 255-256], данные для которой взяты из источника [271] [272]; данные представлены в миллиардах долларов США.

²² График составлен на основе Таблицы 18 Приложения [см. с. 255-256], данные для которой взяты из источника [271] [272].

²³ Детально данные о госдолге Турции за период с 2002 по 2024 г. в Таблице 18 Приложения.

2019-2021 гг. («кризисные» отрезки) [271], – отражает внешне успешную макроэкономическую стабилизацию со стороны государства, что, казалось бы, противоречит тезису о «перенапряжении». Однако важно заметить, что номинальный объем госдолга за этот же период вырос в 2 раза – со \$170,3 млрд. в 2002 г. до \$343,4 млрд. в 2024 г. [271]. Это означает, что улучшение показателя госдолга к ВВП было достигнуто не за счет сокращения долгового объема, а благодаря опережающему росту номинального ВВП, который в долларовом выражении увеличился более чем в 5,5 раз – с \$238,1 млрд. в 2002 г. до \$1,32 трлн. – в 2024 г. [272].

График 6. Динамика роста ВВП Турции (2002-2024 гг.)²⁴

Период с 2002-го по 2007 г. можно охарактеризовать как время устойчивого высокого роста, когда экономика демонстрировала показатели роста на уровне в среднем – 7,18%²⁵. Эта фаза соответствовала особому вниманию Турции на внутренние реформы и интеграцию в мировые цепочки создания стоимости, когда ресурсы концентрировались на целях внутренней модернизации. Мировой экономический кризис 2008-2009 гг., тем не менее, тяжело ударил по развивающейся экономике Турции, значительно замедлив рост ее ВВП. Последовавший же за ним период (2012-2020 гг.) ознаменовался переходом к

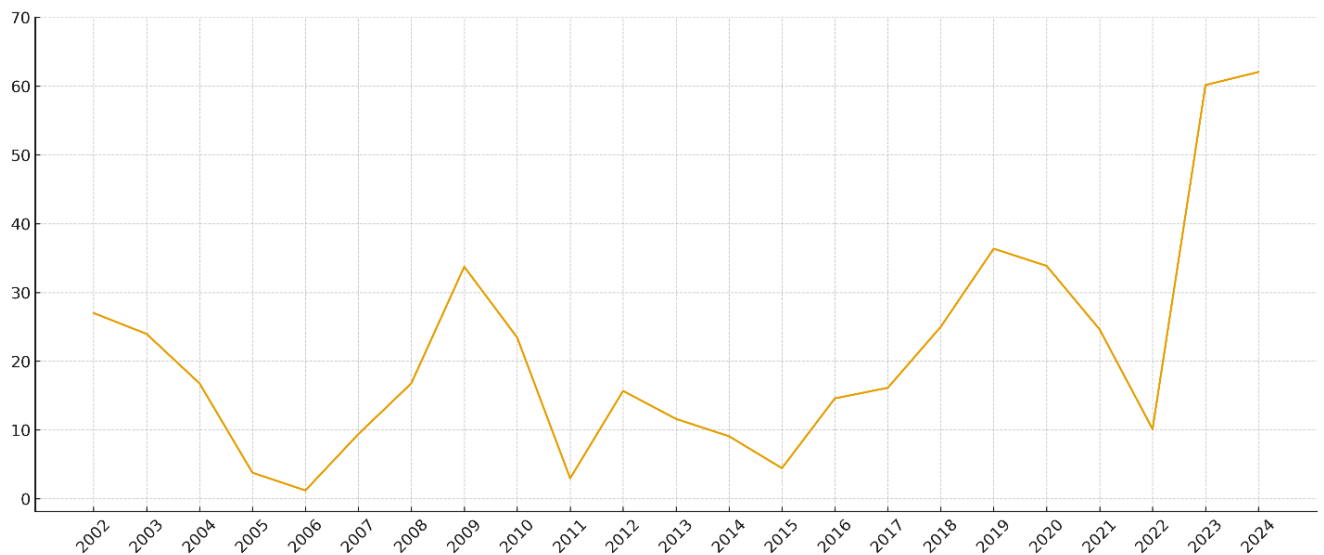
²⁴ График составлен на основе Таблицы 19 Приложения [см. с. 256-259], данные для которой взяты из источника [273].

²⁵ Детально данные о динамике роста ВВП Турции за период с 2002 по 2024 г. в Таблице 19 Приложения.

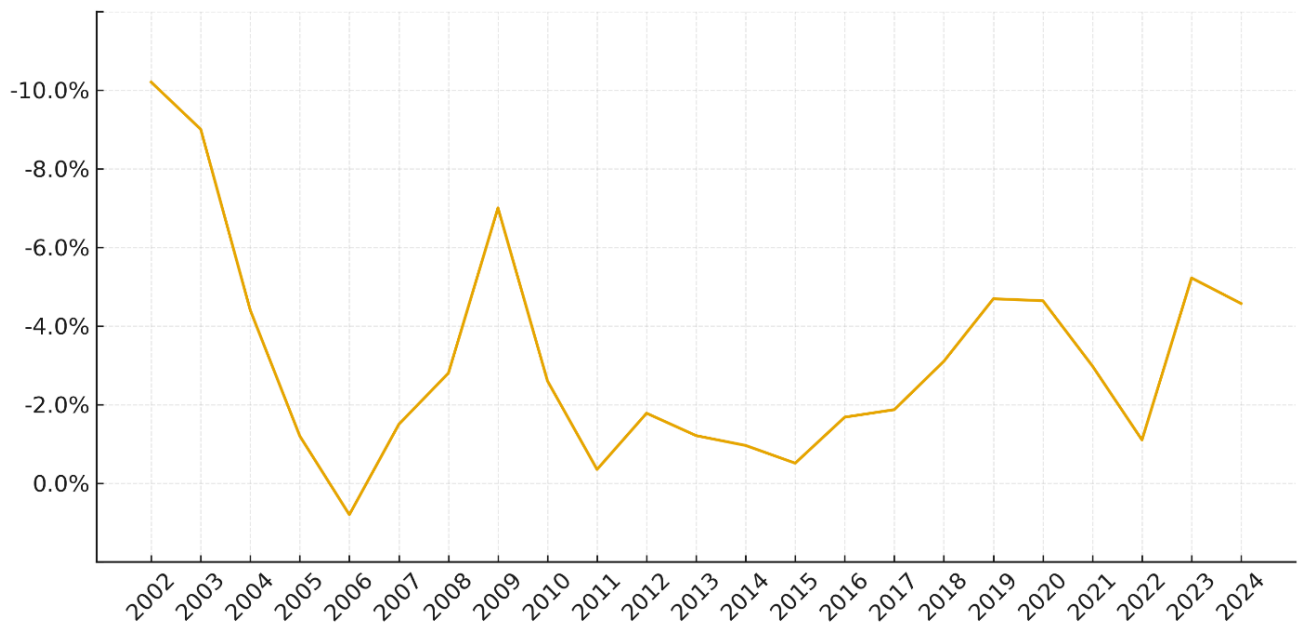
волатильной и в целом снижающейся динамике, худшие показатели которой пришлось на 2019 г. – 0,7% и 2020 г. – 1,65%. Резкий скачок показателя до 11,87% в 2021 г. объясняется отложенным спросом в период пандемии Covid-19. Более того, он оказался неустойчивым, сменившись резким торможением до 5,7% в 2022 г. и дальнейшим замедлением до 3,22% в 2024 г. [273].

Такая ситуация «рывка и спада» демонстрирует, что экономика Турции, вероятно, исчерпала потенциал устойчивого роста, основанного на реальных конкурентных преимуществах. Вместо этого она перешла к модели, зависимой от стимулов и государственных расходов, часть которых напрямую или косвенно направлена на финансирование внешнеполитических амбиций. Таким образом, волатильность и общее замедление темпов роста после 2017 г. также может свидетельствовать о том, что бремя имперской политики в Африке начало подрывать долгосрочные основы экономического развития Турции, обостряя макроэкономические дисбалансы, что в конечном итоге и составляет суть экономического измерения «имперского перенапряжения».

График 7. Дефицит государственного бюджета Турции (2002-2024 гг.)²⁶

²⁶ График составлен на основе Таблицы 20 Приложения [см. с. 259-260], данные для которой взяты из источника [274]; данные представлены в миллиардах долларов США.

График 8. Доля дефицита бюджета в ВВП Турции (2002-2024 гг.)²⁷

После периода значительной бюджетной консолидации (не считая кризиса 2008-2009 гг.), когда дефицит бюджета Турции был сокращен с 10,2% ВВП в 2002 г. до 0,51% ВВП в 2015 г., наблюдается тенденция к его увеличению²⁸. Данный перелом хронологически совпадает с переходом Турции к более активной силовой политике в Афразии. Если в 2017 г. дефицит бюджета еще составлял относительно умеренные 1,87% ВВП, то к 2023 г. он достиг 5,22%, а в 2024 г. лишь незначительно сократился до 4,57%. В абсолютном выражении разрыв между доходами и расходами государства достиг колоссальных величин, превысив \$60 млрд. в 2023-2024 гг. (для сравнения – в 2022 г. он был в размере \$10,1 млрд.) [274].

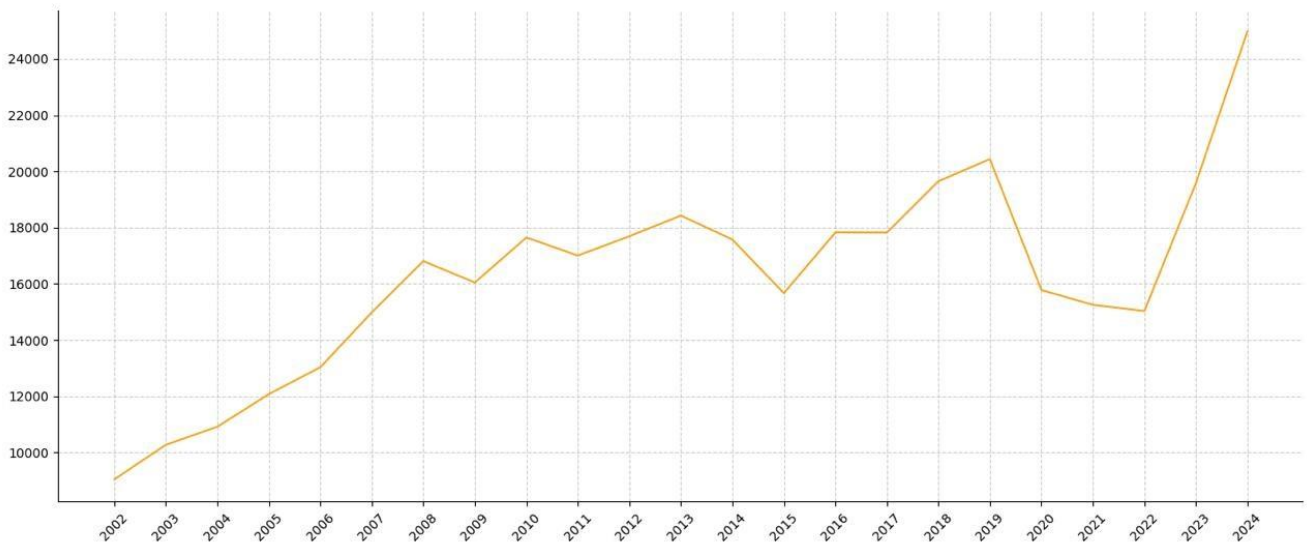
Устойчивый и значительный дефицит бюджета в 2023-2024 гг. также может являться прямым следствием вынужденного продолжения финансирования прежних внешнеполитических амбиций. Силовая составляющая и амбициозные проекты Турции в Афразии, а также необходимость нивелировать внутренние социально-экономические последствия такой политики (включая поддержку

²⁷ График составлен на основе Таблицы 20 Приложения [см. с. 259-260], данные для которой взяты из источника [274].

²⁸ Детально данные о дефиците государственного бюджета Турции за период с 2002 по 2024 г. в Таблице 20 Приложения.

беженцев и дотирование возросших после 2022 г. цен на энергоносители) создают тяжелую нагрузку на государственную казну. Важно отметить, что данный процесс происходит в то время, когда турецкий бюджет и без того испытывает значительное давление из-за последствий пандемии COVID-19 и необходимости экономического стимулирования. Внешне это походит на кризис империи, описанный П. Кеннеди, когда бремя внешних обязательств начинает системно подрывать финансовые основы «метрополии».

График 9. Оборонный бюджет Турции (2002-2024 гг.)²⁹

Описанные выше макроэкономические тенденции во многом зеркально отражают динамику турецких оборонных расходов. Оборонный бюджет Турции в период с 2002 по 2024 гг.³⁰ демонстрирует устойчивую и долгосрочную тенденцию к росту, что напрямую связано с трансформацией внутренней и внешней политики страны в период правления Р. Т. Эрдогана и ПСР. В 2002 г., в момент их прихода к власти, оборонные расходы составляли \$9,05 млрд., тогда как в 2024 г. они достигли \$24,98 млрд. Таким образом, за 22 года военный бюджет Турции увеличился в 2,76 раза, что соответствует общему приросту примерно на 176% [275].

²⁹ График составлен на основе Таблицы 21 Приложения [см. с. 260-261], данные для которой взяты из источника [275]; данные представлены в миллиардах долларов США.

³⁰ Детально данные об оборонном бюджете Турции за период с 2002 по 2024 г. в Таблице 21 Приложения.

На начальном этапе, в период с 2002 по 2008 гг., наблюдался умеренный, но устойчивый рост военных расходов, обусловленный восстановлением экономики после кризиса 2001 г., стабилизацией финансовой системы и ориентацией на модернизацию вооруженных сил в рамках сотрудничества с НАТО. В этот период оборонный бюджет увеличился почти вдвое, что отражало стремление нового руководства укрепить военный потенциал страны без резкого изменения внешнеполитического курса. В последующие годы, с 2009 по 2014 гг., динамика расходов приобрела более стабильный характер: бюджет колебался в диапазоне \$16–18,5 млрд. Это объясняется последствиями мирового финансового кризиса, необходимостью сдерживания бюджетных расходов и относительной внешнеполитической стабильностью, при которой масштабное наращивание военного потенциала не рассматривалось как первоочередная задача [275].

Переломным моментом стал период после 2015 г., когда Турция столкнулась с резким обострением проблем безопасности. Эскалация курдского конфликта, активное вовлечение в сирийскую войну, рост террористической угрозы и попытка военного переворота в 2016 г. обусловили необходимость ускоренного наращивания военной мощи. Это привело к устойчивому росту оборонного бюджета, который с \$15,67 млрд. в 2015 г. увеличился до \$19,65 млрд. в 2018-м [275].

В 2019–2024 гг. рост оборонных расходов сохранялся, несмотря на пандемию COVID-19, экономические трудности, инфляционный кризис и падение курса национальной валюты. Оборонный бюджет Турции увеличился с \$20,44 млрд. в 2019 г. до \$24,98 млрд. в 2024-м, что свидетельствует о высокой устойчивости военных расходов к внешним экономическим шокам. Это подтверждает стратегический приоритет военной сферы для турецкого руководства, рассматривающего развитие вооруженных сил как ключевой инструмент реализации региональных амбиций [275].

Динамика турецкого оборонного бюджета не просто совпадает с ключевыми макроэкономическими тенденциями, но и служит одним из главных эмпирических подтверждений гипотезы о вступлении Турции в фазу т. н. «имперского

перенапряжения». Более того, рост оборонных расходов может выступать не пассивным отражением кризиса, а активным фактором его углубления, демонстрируя, как «логика Команды» систематически подавляет «логику Рынка». Хронологические параллели между этапами трансформации внешнеполитического курса Турции и динамикой ее макроэкономических индикаторов прослеживаются с высокой степенью отчетливости.

В период 2002–2015 гг, когда Турция делала ставку на экономическую дипломатию и мягкую силу, инфляция удерживалась на среднем уровне 8,31% (без учета посткризисных 2002-2003 гг.) [268], бюджетный дефицит удалось сократить с 10,2% ВВП в 2002 г. до 0,51% в 2025-м [274], а оборонный бюджет при этом вырос с \$9 млрд. в 2002 г. до \$15,7 млрд. в 2015-м [275]. Рост оборонных расходов того периода был сбалансированным и сопровождался модернизацией армии, закладкой фундамента национального оборонно-промышленного комплекса и общим экономическим подъемом.

На этапе 2016–2020 гг., который ознаменовался переходом к принципу «морального реализма» и активизацией силового компонента во внешней политике, инфляция перешла на более высокий средний уровень в 12,54% [268], бюджетный дефицит начал устойчиво расти [274], тогда как оборонный бюджет также демонстрировал тенденцию к росту [275].

Наконец, в период 2021–2024 гг., когда макроэкономические показатели Турции вошли в фазу острого кризиса: инфляция достигла 72,31% в 2022 г. [268], индекс цен производителей взлетел до беспрецедентных 128,09 ед. в 2022 г. [270], а бюджетный дефицит в абсолютном выражении превысил \$60 млрд. в 2023-2024 гг. [274]. Примечательно, что именно на этом этапе оборонный бюджет, несмотря на тяжелейшую экономическую ситуацию, совершил рекордный рывок: после падения в среднем до \$15,4 млрд. в 2020–2022 гг. он вырос на 30% в 2023 г. и еще на 27% в 2024 г., достигнув исторического максимума в \$25 млрд. в 2025 г. [275].

Такого рода положение дел можно объяснить, как осознанный политический выбор турецкой правящей элиты в пользу силового курса «любой ценой».

Характерно, что экономический кризис не только не останавливает милитаризацию, но, судя по данным 2023–2024 гг., провоцирует ее ускорение. Согласно теории «имперского перенапряжения» Турция демонстрирует полный набор диагностических признаков: рост военных расходов при стагнации или сжатии гражданского сектора экономики на фоне увеличения долгового бремени при формальном улучшении относительных показателей. Оборонный бюджет в этом контексте выступает скорее не маркером силы, а компенсаторным механизмом, призванным воспроизводить образ великой державы в условиях, когда реальных ресурсов для этого недостаточно. В дальнейшем с высокой вероятностью последует либо коррекция курса, способная спровоцировать политический кризис, либо дальнейшее углубление экономической нестабильности, поскольку пределы, в которых «Команда» может подавлять «Рынок» без необратимых потерь для воспроизводства самого государства, объективно ограничены.

В рамках изучения имперской политики Турции в Афразии также представляется целесообразным рассмотреть техноэкономические детерминанты ее суверенитета. Первая из них – уровень энергетической обеспеченности Турции, поскольку в эпоху глобализации и стремительных геополитических изменений доступ к энергоресурсам становится критически важным для любого государства, особенно для претендующего на статус великой державы. Энергетическая безопасность во многом определяет внешнеполитическую стратегию стран, соперничая по значимости даже с военной мощью. Государства выстраивают свою международную политику, руководствуясь в том числе энергетическими интересами. Зависимость от энергоресурсов универсальна: для одних стран они служат инструментом влияния и источником геополитического доминирования, для других – базовым условием выживания и устойчивого развития [150, с. 260].

Энергетическая независимость сегодня обеспечивает геополитическую устойчивость – государства-экспортеры, такие как Россия, Саудовская Аравия или США, сохраняют значительную свободу действий даже в условиях международного давления. Она же гарантирует экономическую стабильность,

поскольку доступ к дешевым энергоресурсам создает конкурентные преимущества для национальной промышленности, что ярко демонстрирует пример Китая. Кроме того, энергоресурсы превратились в мощный инструмент «мягкой силы», позволяющий формировать стратегические альянсы, как это делает ОПЕК+, и влиять на мировые цены. На фоне превращения Западом механизма санкций в полноценный инструмент политико-экономического давления, а также нарастающей технологической гонки вопрос энергетической независимости приобрел дополнительную актуальность.

В данном контексте важно отметить, что традиционные энергетические ресурсы – нефть, газ и уголь – сохраняют критическое значение даже в условиях развития возобновляемой энергетики, оставаясь основой мирового производства [276, с. 261]. Более того, процесс перехода многих стран на возобновляемые источники энергии не только не уменьшил, но напротив – усилил их ресурсозависимость. Особое значение приобрели литий, кобальт и редкоземельные металлы, без которых развитие высоких технологий и «зеленой» энергетики невозможно.

Можно заключить, что энергетическая обеспеченность в XXI в. является уже не просто экономическим преимуществом, а неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета. Страны, имеющие достаточные объемы запасов энергоресурсов, обладающие возможностью для их логистики в рамках мира и способные их защитить, во многом определяют правила на международной арене. В то же время энергозависимые государства вынуждены подстраиваться под эти условия, нередко даже вразрез собственным интересам. В этом контексте полноценный статус великой державы в XXI в., способной влиять на международные процессы, едва ли достижим без наличия у государства энергетической независимости.

Энергетическая обеспеченность (традиционные энергоносители, атомная и «зеленая» энергетика) является важным элементом ресурсообеспеченности государства, лежащей в основе его производственной способности. С целью определения энергетической обеспеченности политики Турции в рамках данного

исследования представляется целесообразным анализ ее сырьевого энергетического потенциала в сравнении с другими государствами, отобранными ранее для анализа.

Для комплексной оценки энергетической обеспеченности Турции в сравнении с другими государствами предлагается использовать методологию расчета индекса ресурсной обеспеченности. Данный показатель рассчитывается по формуле: индекс ресурсной обеспеченности = (Добыча) / (Добыча + Импорт) × 100% и отражает степень независимости национальной экономики от внешних поставок сырья. Полная ресурсная зависимость определяется значением «0» (низшее значение), тогда как полная ресурсная независимость (или близкая к полной) стремится к значению «100» (высшее значение).

Таблица 9. Данные по добыче нефти, газа и угля для России, США, Китая, Великобритании, Франции и Турции (2024 г.)³¹

№ п/п	Государство	Нефть (млн. тонн) ³²	Газ (млрд. м ³) ³³	Уголь (млн. тонн) ³⁴
1.	Россия	492,5	642	476,2
2.	США	658,9	1069	464,9
3.	Китай	210,8	258	4402,5
4.	Великобритания	29,6	30	0,1
5.	Франция	0,5	0	0
6.	Турция	5,1	2,3	79

³¹ Составлено автором на основе источника [277].

³² Данные по добыче нефти взяты в статистике Управления энергетической информации США (U.S. Energy Information Administration), они даны в баррелях в сутки и были переведены в тонны (1 баррель = 0,1364 тонны), а также посчитаны в годовом значении.

³³ Данные по добыче газа взяты из статистики EIA, они даны в кубических футах в годовом значении и были переведены в кубические метры (1 куб. фут = 0,028317 куб. метров).

³⁴ Данные по добыче угля взяты из статистики EIA, они даны в коротких тоннах в годовом значении и были переведены в метрические тонны (1 короткая тонна = 0,90718474 метрических тонн). Информация о добыче Францией угля отсутствует, так как она прекратила его добычу.

Таблица 10. Данные по импорту нефти, газа и угля для России, США, Китая, Великобритании, Франции и Турции (2024 г.)³⁵

№ п/п	Государство	Нефть (млн. тонн) ³⁶	Газ (млрд. м ³) ³⁷	Уголь (млн. тонн) ³⁸
1.	Россия	0	3,34	19,77
2.	США	375,7	89,05	1,81
3.	Китай	553,2	178,59	542,81
4.	Великобритания	48,0	41,63	1,98
5.	Франция	47,0	42,16	7,69
6.	Турция	30,0	52,22	40,77

На основании данных по добыче и импорту нефти, газа и угля для России, США, Китая, Великобритании, Франции и Турции был рассчитан индекс ресурсной обеспеченности для каждой категории ресурса. После получения значений по каждой категории был выведен общий показатель индекса ресурсной обеспеченности для каждого анализируемого государства.

³⁵ Составлено автором на основе источников [277] [278] [279, с. 1-8] [280, с. 11].

³⁶ Данные по импорту нефти для США, Китая, Франции взяты из базы данных Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (UN Comtrade database), они даны в килограммах в годовом значении и были переведены в тонны. Информация по импорту нефти для России, Великобритании, Турции за 2024 г. в UN Comtrade database отсутствует. Россия является крупнейшим экспортером нефти, поэтому импорт ею данной продукции минимален: в отчетах Федеральной таможенной службой (ФТС) России, в разделе «Импорт России важнейших товаров» (наиболее свежие данные представлены за январь 2022 г.), категория «Сырая нефть» (код 2709) отсутствует. Данные по импорту нефти для Великобритании взяты из отчета Министерства энергетической безопасности и достижения углеродной нейтральности Великобритании, для Турции – из отчета Управления по регулированию энергетического рынка Турции.

³⁷ Данные по импорту газа взяты из статистики ЕА, они даны в кубических футах в годовом значении и были переведены в кубические метры (1 куб. фут = 0,028317 куб. метров).

³⁸ Данные по импорту угля взяты из статистики ЕА, они даны в коротких тоннах в годовом значении и были переведены в метрические тонны (1 короткая тонна = 0.90718474 метрических тонн).

Таблица 11. Индекс ресурсной обеспеченности в отношении нефти, газа и угля для России, США, Китая, Великобритании, Франции и Турции, а также его среднее – итоговое – значение³⁹

№ п/п	Государство	Нефть, ИРО	Газ, ИРО	Уголь, ИРО	Средний ИРО
1.	Россия	100,0	99,5	96,0	98,5
2.	США	63,7	92,3	99,6	85,2
3.	Китай	27,6	59,1	89,0	58,6
4.	Великобритания	38,1	41,9	4,8	28,3
5.	Франция	1,1	0	0	0,4
6.	Турция	14,5	4,2	66,0	28,2

Россия (98,5) и США (85,2) обладают наиболее высокими показателями, что позволяет им проводить относительно независимую энергетическую политику. Россия, имея самый высокий индекс ресурсной обеспеченности, практически полностью обеспечена энергоносителями, что делает ее менее восприимчивой к внешнему давлению. Китай (58,6), несмотря на меньшие показатели, также обладает значительной ресурсной энергетической базой, позволяющей ему минимизировать риски, связанные с колебаниями мировых рынков.

Великобритания (28,3) обладает более низким показателем энергетической обеспеченности, чем Россия, США или Китай, однако негативный эффект от этого нивелируется рядом факторов, например, отсутствием значительного промышленного производства. Франция же (0,4) демонстрирует крайне низкую ресурсную обеспеченность, что существенно ограничивает ее экономический суверенитет и делает более уязвимой перед глобальными кризисами.

Турция (28,2) имеет относительно низкий индекс ресурсной обеспеченности в области энергоресурсов. Турция (страна с динамично развивающейся

³⁹ Составлено автором на основе данных из Таблицы 9 и Таблицы 10.

промышленностью) сталкивается с фундаментальной проблемой энергетической уязвимости, обусловленной острым дефицитом собственных энергоресурсов. Структура энергопотребления страны демонстрирует высокую зависимость от внешних поставок: 93% нефти [281] и практически весь природный газ поступают по импорту, причем Россия как ключевой поставщик обеспечивает около половины газовых потребностей страны [282]. Даже в угольной отрасли, где Турция располагает значительными запасами бурого угля, сохраняется критическая зависимость импорта высококачественного угля [283], необходимого для электростанций, от традиционных поставщиков из России и Колумбии [284].

Эта ресурсная зависимость создает системные риски для турецкой экономики, проявляющиеся в двух ключевых аспектах. Во-первых, ценовая волатильность на мировых энергетических рынках непосредственно отражается на экономической стабильности страны, что ярко проявилось во время энергетического кризиса 2022 г., когда нестабильность на мировом энергетическом рынке после начала Россией Специальной военной операции на территории Украины вызвала резкий рост цен на газ и электроэнергию в Турции [285]. Во-вторых, геополитическая обусловленность большинства энергетических поставок (например, российский газ или ближневосточная нефть) ограничивает способность Анкары к внешнеполитическому маневру, вынуждая балансировать.

В это же время Россия и США обладают практически полным энергетическим суверенитетом, в котором проявляется разная специфика. Если американская экономика диверсифицирована и ориентирована преимущественно на внутреннее потребление, то российская остается зависимой от экспорта углеводородов как значимого источника валютных поступлений. Китай же характеризуется промежуточным положением: при больших собственных запасах угля и развитой атомной энергетике, он вынужден импортировать около 2/3 нефти [286] и до половины природного газа [287]. Это, в свою очередь, создает риски для обеспечения стабильности развития китайской экономики в условиях роста противоречий и конкуренции в мире.

Что касается европейских держав, то их энергетический суверенитет характеризуется низкими показателями. Несмотря на развитую атомную энергетику, Франция полностью зависит от импорта нефти и газа [288], тогда как Великобритания, еще недавно обладавшая значительными запасами нефти в Северном море, становится все более зависимой от внешних поставок [289].

Другим важным элементом энергетической обеспеченности государства является ядерная энергетика, которая отчасти может компенсировать зависимость от импорта энергоресурсов. В этом контексте Турция демонстрирует значительное отставание от сравниваемых с ней держав, претендующих на мировое влияние. Анкара поздно запустила процесс вхождения в клуб мирного атома, начав реализацию своей гражданской ядерной программы лишь в 2010 г. [290]. Это сильно контрастирует с мирным ядерным потенциалом сравниваемых с ней в рамках исследования держав. Соответственно, в отличие от сравниваемых с ней государств, Турция не обладает и ядерным оружием.

Таблица 12. Список эксплуатируемых странами ядерных реакторов (2026 г.)⁴⁰

США	Китай	Франция	Россия	Великобритания	Турция
94	59	57	34	9	0

Долгое время энергетическая стратегия Турции основывалась преимущественно на газе, угле и возобновляемых источниках, что создавало уязвимости в энергоснабжении. Строительство первой турецкой атомной электростанции (АЭС) «Аккую» при участии российской госкорпорации «Росатом» [290] стало важным, хотя и запоздалым шагом к диверсификации энергетического баланса и снижению газовой зависимости. Однако даже после ввода в строй всех запланированных энергоблоков этой станции (к 2028 г.) доля атомной энергетики в Турции останется существенно ниже, чем у стран с развитой ядерной инфраструктурой.

⁴⁰ Составлено автором на основе источника [291].

Особенно показательное сравнение Турции с Китаем, который, как и Турция, значительно полагается на уголь, однако находится в клубе мирного атома уже более 40 лет (с 1985 г.), продолжая развивать отрасль через масштабную программу строительства новых АЭС [292]. Такое отставание в развитии мирного атома существенно ограничивает энергетический суверенитет Турции, сохраняя ее зависимость от импортных энергоносителей и внешних технологических решений в стратегически важной отрасли.

В рамках рассмотрения энергетического суверенитета Турции целесообразно также дать оценку ее энергетическим параметрам в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в сравнении с другими государствами, взятыми для анализа.

Таблица 13. Данные о совокупной энергии, произведенной из всех возобновляемых источников, и ее доля в общей мощности электроснабжения России, США, Китая, Великобритании, Франции и Турции (2024 г.)^{41; 42}

№ п/п	Государство	Совокупная энергия, произведенную из всех ВИЭ	Доля ВИЭ в общей мощности электроснабжения
1.	Россия	57 063	22,7%
2.	США	427 886	33,5%
3.	Китай	1 817 956	54,3%
4.	Великобритания	60 051	56,0%
5.	Франция	74 340	47,4%
6.	Турция	68 984	59,3%

Согласно приведенным данным, Турция демонстрирует наиболее высокую долю возобновляемых источников энергии (59,3%) в общей мощности

⁴¹ Составлено автором на основе источника [293].

⁴² Данные о совокупной энергии, произведенной из всех возобновляемых источников, а также ее доля в общей мощности электроснабжения рассматриваемых стран взяты из отчета Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (International Renewable Energy Agency). Данные о совокупной энергии, произведенной из всех возобновляемых источников, даны в мегаваттах (МВт).

электроснабжения среди рассматриваемых стран, несмотря на относительно небольшой объем совокупной энергии, произведенной из всех возобновляемых источников (68 984 МВт). Турция активно развивает возобновляемую энергетику по нескольким причинам.

Во-первых, страна практически не имеет значительных запасов ископаемого топлива, что делает ее зависимой от импорта энергоресурсов, особенно газа и нефти. Во-вторых, географическое положение Турции предоставляет приемлемые условия для развития отдельных направлений ВИЭ: к примеру, высокий уровень солнечной инсоляции, особенно в южных регионах. Политика Турции по развитию ВИЭ является во многом вынужденной, направленной на снижение зависимости от импорта энергоресурсов и использование своих природных преимуществ.

Таким образом, можно заключить, что Турция, в отличие от сравниваемых с ней России, США или Китая, столкнулась с глубоким противоречием между своими геополитическими амбициями и ограниченной энергетической базой. Анкара вынуждена сохранять баланс между стремлением к стратегической автономии, что является одной из ключевых целей неоосманского курса, и тяжелой экономической реальностью. Это нередко вынуждает Турцию идти на компромиссы, гибко подстраивая тактику. В качестве примера можно привести продвижение турецких интересов в Афразии или Центральной Азии, которое сталкивается с необходимостью учитывать позиции России, ввиду важности для Анкары импорта российских энергоносителей.

Пример с Россией особо показателен: Анкара пытается сочетать сотрудничество с Москвой (импорт нефти и газа, строительство АЭС «Аккую» и т.д.) с жесткой конкуренцией (Сирия, Ливия, Закавказье). Такого рода подход неизбежно ведет к росту издержек и ограничивает ту самую – «стратегическую глубину» турецкой политики. На фоне роста стратегической нестабильности в мире и повышения конфликтогенной обстановки вокруг ряда крупнейших энергоресурсных узлов (Венесуэла, Персидский залив) в долгосрочной перспективе такое положение может иметь для Турции особо пагубный эффект. Даже успех реализации таких проектов, как Трансанатолийский газопровод или

развитие возобновляемых источников энергии, едва ли решит проблему глубокой зависимости Анкары от внешних поставщиков энергоресурсов.

Наравне с энергетической независимостью важнейшей техноэкономической детерминантой, необходимой для полноценной реализации политики великой державы, является формирование государством комплексной экономической устойчивости. Она выражается в способности национальной экономики не только противостоять внешнему давлению и внутренним дисбалансам, но и обеспечивать стабильный рост ключевых показателей и технологическое обновление. Наряду с такими фундаментальными условиями экономической устойчивости как диверсифицированная структура экономики или стабильность финансовой системы, большое значение для нее имеет достижение государством критической демографической массы. Данный показатель включает в себя как количественные параметры (общая численность населения, его возрастная структура и т.д.), так и качественные характеристики (уровень образования, профессиональная подготовка и т.д.). Он составляет основу формирования суверенной экономической модели, которая, в свою очередь, является неотъемлемым показателем статуса современной великой державы.

Примечательно, что именно демографический фактор выступает системообразующим элементом экономического суверенитета, поскольку он обеспечивает внутренний потребительский рынок достаточного объема, создает трудовой потенциал для развития высокотехнологичных отраслей, формирует налоговую базу для реализации масштабных государственных программ и гарантирует обороноспособность страны за счет мобилизационного ресурса. Таким образом, без достижения этого демографического «критического минимума» любые попытки построения независимой экономической системы, способной стать основой глобальной политики, обречены на неудачу. В этом контексте анализ демографических показателей приобретает не менее важное значение при определении реальных возможностей государства претендовать на статус великой державы.

Суверенная экономика в XXI в. невозможна без достаточного уровня развития современных технологий (технологический суверенитет), которые окупаются на емком внутреннем рынке. Как отмечает Л. Малкомсон, ключевой геополитической тенденцией последних лет стало не формирование биполярной или многополярной системы, и даже не обострение конкуренции между крупными державами. Наиболее примечательным феноменом современности стал поворот крупнейших экономик мира к стратегиям самообеспечения и частичному отходу от принципов глобализации в погоне за укреплением национальной безопасности, технологического суверенитета и экономической устойчивости. Главным образом ученый приводит в пример США, Китай и Индию, которые стремятся упрочить свои глобальные позиции именно через концентрацию на внутреннем развитии и снижении внешних зависимостей [294].

В рамках данного диссертационного исследования важно отметить, что экономика Турции также целенаправленно движется к большей самодостаточности, что является официальной государственной политикой, провозглашенной Р. Т. Эрдоганом в рамках программы «Турецкий век» (Türkiye Yüzyılı). Данный стратегический курс направлен на снижение зависимости от импорта критически важных товаров, особенно в области энергетики, обороны и высоких технологий [72].

А. Алесина, Э. Сполаоре и Р. Ваццарг отмечают, что крупные интегрированные рынки снижают зависимость от внешней торговли [295], а Г.Г. Малинецкий пишет, что «XXI в. будут определять сверхцивилизации с населением более 400 млн. и ВВП более \$20 трлн.» [296, с. 3]. Аналогичные тезисы фигурируют в докладе Евразийской экономической комиссии за 2022 г., где говорится, что для создания стабильных производственных цепочек в условиях санкций необходим соответствующий консолидированный рынок [297]. Логика о «критической массе» для инноваций прослеживается в отдельных работах исследователей-экономистов. Если обратиться к работам Г.Г. Малинецкого и Л. Малкомсона (по мнению которого, одним из современных акторов достижения технологического суверенитета и экономической устойчивости являются США с их 342,3 млн.

человек населения [298]), то можно предположить, что для создания замкнутого инновационного цикла требуется достаточно большой внутренний рынок размером около 350-400 млн. человек населения, что может создать условия для замещения импорта критических технологий.

Достижение «порога» численности населения в 350-400 млн. может достигаться либо демографически, либо – через внешние экономические интеграционные модели. К примеру, Китай с 1,414 млрд. населения [299] сумел сформировать полную цепочку от добычи сырья до производства высоких технологий. ЕС, куда входит, к примеру, рассматриваемая в рамках сравнительного анализа Франция, имея около 450 млн. суммарного населения [300], является полноценным рынком и также может рассматриваться как субъект, близкий к технологическому суверенитету. Аналогично можно сказать и о США (342,3 млн. человек), которые, как и Китай, близки к технологическому суверенитету благодаря массе населения.

Россия (146 млн человек [301]), являясь одним из самых ресурсобеспеченных государств мира, на фоне международного финансового давления, усилившегося после 24 февраля 2022 г., продолжает попытку достижения технологического суверенитета через развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для создания т. н. «критической массы» рынка и локализации производственных цепочек. При этом важно отметить, что общее население ЕАЭС составляет около 185 млн., что значительно ниже «порога» в 350-400 млн., а сама организация все равно сталкивается с дефицитом технологий. Для решения этой пробелы ЕАЭС ведет переговоры с Узбекистаном (37,4 млн. населения [302]) и Таджикистаном (10,9 млн. населения [303]) для роста рынка [304], а также рассматривает Китай как потенциального партнера для доступа к китайским технологиям без политической зависимости [305, с. 33]. При этом стоит отметить, что именно ЕАЭС, а не БРИКС рассматривается Россией как инструмент для достижения технологического суверенитета, поскольку первый, к примеру, делает возможной глубокую институциональную интеграцию (единые технические регламенты, общий таможенный кодекс, беспошлинная торговля, совместные

финансируемые проекты), тогда как второй является политико-экономическим клубом (нет единого рынка, преимущественно двусторонняя торговля, отсутствие механизмов быстрой гармонизации стандартов).

В отношении Турции отметим, что она реализует курс на достижение более комплексной технологической, финансовой и энергетической самодостаточности в рамках программы «Турецкий век», фактически продолжающей концепцию «Видение-2023», не реализованную в срок – к столетию Турецкой Республики в 2023 г. – в полном объеме. Экономические трудности, включая высокую инфляцию, девальвацию лиры и растущую безработицу, помешали достижению амбициозных целей, таких как выход в топ 10 крупнейших экономик мира с ВВП в \$2 трлн. или увеличение экспорта до \$500 млрд. Кроме того, политическая нестабильность, последствия разрушительного землетрясения 2023 г. и осложнения в отношениях с традиционными партнерами, включая ЕС и США, оказали дополнительное давление на турецкую экономику и внешнюю политику [306].

Вице-президент Турции Дж. Йылмаз, выступая на заседании по новой Среднесрочной программе (Orta Vadeli Programı, 2025-2027 гг.), подчеркивал, что экономические инициативы правительства Турции на 2025-2027 гг. ориентированы на поддержку производственного сектора, инноваций и экспорта, а также на снижение инфляции и укрепление экономического суверенитета. Для достижения этих целей Турция реализует масштабные программы поддержки собственного производителя, локализуя производство ранее импортируемых товаров [307]. Одним из примеров стала оборонная промышленность, где доля местной продукции к 2024 г. выросла с 20% до 80% за более чем два десятилетия [308].

Энергетическая независимость стала еще одним приоритетом Турции, особенно после открытия месторождений природного газа в Черном море, таких как «Сакарья». Р. Т. Эрдоган публично подчеркивал, что это месторождение позволит стране полностью удовлетворить внутренние потребности в газе и потенциально стать его экспортером, сократив импортные расходы [309]. Высокая

зависимость Турции от импорта энергоресурсов является слабой стороной ее экономики, что отчетливо понимают в Анкаре.

Возвращаясь к вопросу о больших интеграционных проектах в рамках достижения технологического суверенитета, важно отметить, что Турция рассматривает проект «Великий Туран» (пантуранистская идея политико-экономического объединения тюркоязычных стран) как часть общей экономической стратегии в Африке, однако ее подход кардинально отличается, к примеру, от российского с ЕАЭС. Анкара делает ставку не на жесткие институты (как в рамках ЕАЭС), а на культурно-исторические связи с тюркскими странами: способствует работе Организации тюркских государств (некий аналог СНГ, однако с акцентом на общие язык и идентичность), Тюркского инвестиционного фонда (финансирование совместных проектов), развитие совместных образовательных программ (подготовка инженеров для работы с турецкими технологиями) и т.д.

В отличие от России в ЕАЭС, Турция не стремится создавать единые стандарты, а продвигает свои технологии как стандарт. Особую роль в этом играет Турецкий институт стандартов, поддержку которому оказывает Министерство промышленности и технологий Турции [310]. Анкарой была инициирована разработка общей цифровой валюты – цифровой лиры (созвучно с турецкой национальной валютой) – для расчетов между тюркскими странами [311], а турецкая платежная система «Turan Teknoloji Anonim Sirketi (Turan)» разрабатывает унифицированную платежную инфраструктуру, которая должна объединить финансовые системы тюркских государств [312]. При этом турецкая сторона не имеет конфликтов интересов, ввиду де-факто отсутствия конкурирующих технологий с партнерами в рамках своей «туранской» политики.

Проект «Великий Туран» в контексте предполагаемого достижения Турцией технологического суверенитета имеет ряд слабых сторон. Суммарная численность населения входящих в него государств составляет около 170 млн. человек: как и ЕАЭС он не достигает необходимого «демографического порога». Даже при гипотетическом рассмотрении общего населения всех тюркоязычных стран и регионов, что составляет около 200–220 млн человек, его все равно недостаточно,

тогда как ставка Анкары сделана именно на него и его культурно-исторические связи. В то же время, например, Казахстан или Киргизия зависят от китайских инвестиций [313], тогда как сама Турция зависит от импорта чипов и станков (как и ее «туранские» партнеры) [314].

Анкара использует «Великий Туран» не для достижения технологической системной автаркии, а скорее, как рынок сбыта своих технологий, параллельно ставя цель ослабить влияние России и Китая в Центральной Азии, а также постепенно перейти от «сборочного цеха Европы» к региональному технологическому лидерству. Такой уровень планирования можно назвать краткосрочным, поскольку он нацелен на относительно скорые результаты в поисках «быстрых денег», крайне необходимых сегодня турецкой экономике и действующей умеренно-исламистской власти. В то время как Россия в рамках ЕАЭС структурно интегрирует экономики, Турция делает ставку на неформальное лидерство через технологии, избегая политических обязательств. Проект «Великий Туран» стоит рассматривать в виде стратегии Анкары по созданию технологической периферии, зависимой от турецких решений. Однако ее успех возможен только в нишах, где турецкая экономика уже сильна либо близка к этому. Полный же технологический суверенитет «туранского» проекта недостижим без прорыва в микроэлектронике и станкостроении, чему угрожает геоэкономическая уязвимость Турции: Китай или ЕС могут перехватить инициативу, предлагая более выгодные условия. Можно предположить, что в ближайшей перспективе Турция может стать региональным (именно – региональным) технологическим хабом для тюркских стран, однако глобальным технологическим игроком (как Китай или ЕС) ей не стать без комплексного преодоления структурных ограничений.

3.3. Перспективы и риски неоосманизма как основы курса Турции на достижение статуса великой державы

Статус великой державы состоит не только из параметров геополитического влияния или технологического развития. Это также сложный синтез эффективного

управления, стратегического мышления и идеологического стержня, который определяет место государства в мире. В данном контексте Н. Дж. Спикмэн отмечал необходимость эффективного государственного управления, политической воли и способности принимать стратегические решения. Помимо этого, он считал, что реализация политики великой державы невозможна без идеологии и морального духа, то есть наличия объединяющей идеи, которая способствует внутренней сплоченности и, как следствие, укреплению внешнего влияния [249; 250]. История неоднократно демонстрировала, что даже самые мощные империи приходили к краху, когда эффективность их государственных институтов приходила в системный упадок. Перечисленные Н. Дж. Спикмэном факторы представляются актуальными и сегодня: они служат фундаментом для устойчивого развития и международного авторитета, позволяя государству не только реагировать на вызовы времени, но и формировать глобальную повестку – что является характерным признаком великой державы. В рамках диссертационного исследования целесообразно определить, насколько сегодняшняя турецкая умеренно-исламистская власть, выступающая проводником неоосманского курса, нацеленного на трансформацию мирового статуса Турции, обладает политической устойчивостью в перспективе. Раскрытие данного вопроса позволит не только прогнозировать варианты развития турецкого государства, но и оценить перспективы реализации отдельных аспектов его внешней политики, включая дальнейшую экспансию в Афразийском пространстве.

Начало XXI в. стало для Турции периодом глубокой трансформации, когда страна, переживавшая системный кризис кемалистской модели, искала новые пути развития. Приход к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. с результатом в 34,3% голосов и абсолютным большинством в парламенте не был случайностью – он отражал фундаментальные изменения в общественном запросе. Значительная часть турецких избирателей, уставших от экономической нестабильности второй половины XX в. и отделения ислама от государства, в лице малоимущих слоев населения и консервативной буржуазии, поддержали проект «новой Турции», предложенный умеренными исламистами [48, с. 37].

Этот период характеризовался уникальным сочетанием нескольких факторов. С одной стороны, турецкое общество, особенно его консервативная часть, исторически связанная с провинцией, испытывало глубокое разочарование в светском режиме, который десятилетиями подавлял религиозные проявления в публичной сфере, не выпуская ислам за стены мечетей. С другой – тяжелый экономический кризис 2001 г. окончательно дискредитировал старую политическую систему [315]. Сюда же можно отнести и критику действий власти по ликвидации последствий разрушительного землетрясения 1999 г. вблизи турецкого города Измит. В этих условиях неоосманская риторика, умело используемая Р. Т. Эрдоганом и его соратниками из ПСР, стала мощной объединяющей силой для турок, во многом сохранивших консервативные взгляды. Новый неоосманский курс был значительно усилен уже к следующим парламентским выборам, прошедшим летом 2007 г., к которым турецкая умеренно-исламистская власть подошла с убедительными экономическими результатами [316, с. 230].

За более чем двадцатилетний период правления ПСР Турция продемонстрировала уникальный пример трансформации страны, сумев совместить консервативные ценности с динамичным экономическим развитием и ростом своего геополитического влияния. Экономические показатели Турции в данном контексте весьма показательны: если в 2002 г. объем турецкого ВВП составлял \$240,8 млрд., то к 2024 г. этот показатель вырос более чем в пять раз, достигнув отметки в \$1,36 трлн. [317]. Такой стремительный рост стал возможен благодаря привлечению западных инвестиций и комплексной модернизации экономики, где традиционные отрасли сельского хозяйства постепенно уступали место высокотехнологичному производству и сфере услуг.

Особенно показателен прогресс в автомобилестроении, где Турция превратилась в одного из ключевых региональных производителей, и оборонной промышленности, добившейся заметных успехов в импортозамещении и экспорте вооружения. Не менее впечатляющих результатов удалось достичь в сфере услуг,

где туристическая отрасль стала настоящим локомотивом турецкой экономики, принеся в 2025 г. рекордные \$65,2 млрд. дохода [318].

Тем не менее, за внешним благополучием скрываются серьезные структурные проблемы, которые могут поставить под вопрос долгосрочную устойчивость умеренно-исламистской власти в Турции. Главная из них – экономическая, создающая риски для внутренней и внешней политики государства. К слову, именно успехи в области экономики стали во многом визитной карточкой первой половины правления Р. Т. Эрдогана и ПСР в Турции.

Помимо способности к консолидации масс, важно отметить наличие у умеренно-исламистской власти в Турции стойкой политической воли, позволяющей принимать стратегически сложные, а порой и непопулярные решения. Сам приход к власти Р. Т. Эрдогана и ПСР в начале 2000-х г. стал по своему революционным событием для тогдашнего турецкого государства. Они бросили вызов не только правящей кемалистской элите с ее догматичным лаицизмом, но и всей прежней западнцентричной системе политических координат. Предложение новой власти переосмыслить историческую роль Турции и вернуть религию в публичное поле встретило вполне логичное сопротивление со стороны светской политической элиты страны и представителей Запада. Тем не менее, именно готовность умеренных исламистов отстаивать постулаты своего политического курса позволила осуществить глубокую трансформацию турецкого государства и общества. Данный процесс характеризовался разноплановостью подхода: от радикального пересмотра роли армии в турецкой политике через громкие процессы «Ergenekon» и «Balyoz» до конституционной реформы 2017 г., обеспечившей переход государства к президентской системе правления.

Особое внимание стоит уделить эволюции внешнеполитического курса Турции в Афразии, где первоначальный принцип «ноль проблем с соседями» постепенно сменился на более жесткий и прагматичный подход. Отказ от однозначной ориентации на евроинтеграцию и поворот в сторону Глобального Юга с акцентом на стратегическое партнерство с Россией и Китаем продемонстрировали способность Анкары к радикальному пересмотру

внешнеполитической тактики и внешних механизмов в ответ на изменения политико-экономической конфигурации в мире.

Придя к власти в 2002 г. на волне народного недовольства, Р. Т. Эрдоган долгие годы сохранял имидж непобедимого лидера: за время своего правления он одержал победу на трех президентских выборах, трижды был на посту премьер-министра и инициировал ряд значимых референдумов, радикально преобразовавших политическую систему страны. Даже в моменты острейших кризисов – попытка военного переворота 2016 г. или валютные потрясения 2018-го и 2023 г. – умеренно-исламистское руководство Турции демонстрировало способность не только удерживать власть, но и использовать кризисные ситуации для усиления своего влияния.

Долгое время успешная экономическая политика и внешнеполитическая активность, усиленные риторикой о восстановлении исторической справедливости, были залогом стабильной поддержки умеренно-исламистской власти. Однако уже в октябре 2018 г., согласно данным турецкой компании MetroPOLL, занимающейся изучением общественного мнения, более половины респондентов пессимистично оценивали направление развития страны, отмечая рост экономических проблем [319]. Это происходило на фоне того, что в 2018 г. Турция вступила в первую за десятилетие рецессию – в четвертом квартале 2018 г. ВВП страны сократился на 2,4% по сравнению с предыдущими тремя месяцами, когда он снизился на 1,6% [320].

Согласно MetroPOLL, к сентябрю 2019 г. рейтинг одобрения Р. Т. Эрдогана резко упал: количество тех, кто не одобрял его деятельность, выросло до 48,5%, с примерно 38,2% в 2018 г. Основными причинами падения поддержки были высокая инфляция, рост безработицы и обесценивание национальной валюты. Настроения в обществе становились все более критичными по отношению к власти из-за ухудшения уровня жизни [321]. К февралю 2020 г. уровень одобрения политики Р. Т. Эрдогана продолжил падать, показав 41,9% и достигнув минимума, зафиксированного с октября 2018 г. Ключевые причины падения общественной поддержки оставались прежними: экономическая ситуация в стране продолжала

быть сложной и население все чаще связывало свои финансовые трудности с политикой правящей партии [322].

К весне 2022 г. ситуация не претерпела существенных изменений – подавляющее большинство граждан Турции в опросе MetroPOLL выразили несогласие с политикой Р. Т. Эрдогана. Согласно данным исследования, лишь 40,7% респондентов одобряли действия главы государства, в то время как 57% открыто выражали неодобрение его курса. При этом исследование выявило значительные изменения во внешнеполитических предпочтениях турок: почти 39,4% граждан считали, что Анкара должна развивать отношения в первую очередь с Россией и Китаем, тогда как традиционное ориентирование на США и Европейский союз поддерживали лишь 37,5% респондентов [323]. Таким образом, за четыре года, прошедших с начала экономического кризиса 2018 г., умеренно-исламистская элита так и не смогла полностью восстановить доверие населения, что было напрямую связано с сохранением экономических проблем, включая высокую инфляцию и падение реальных доходов граждан.

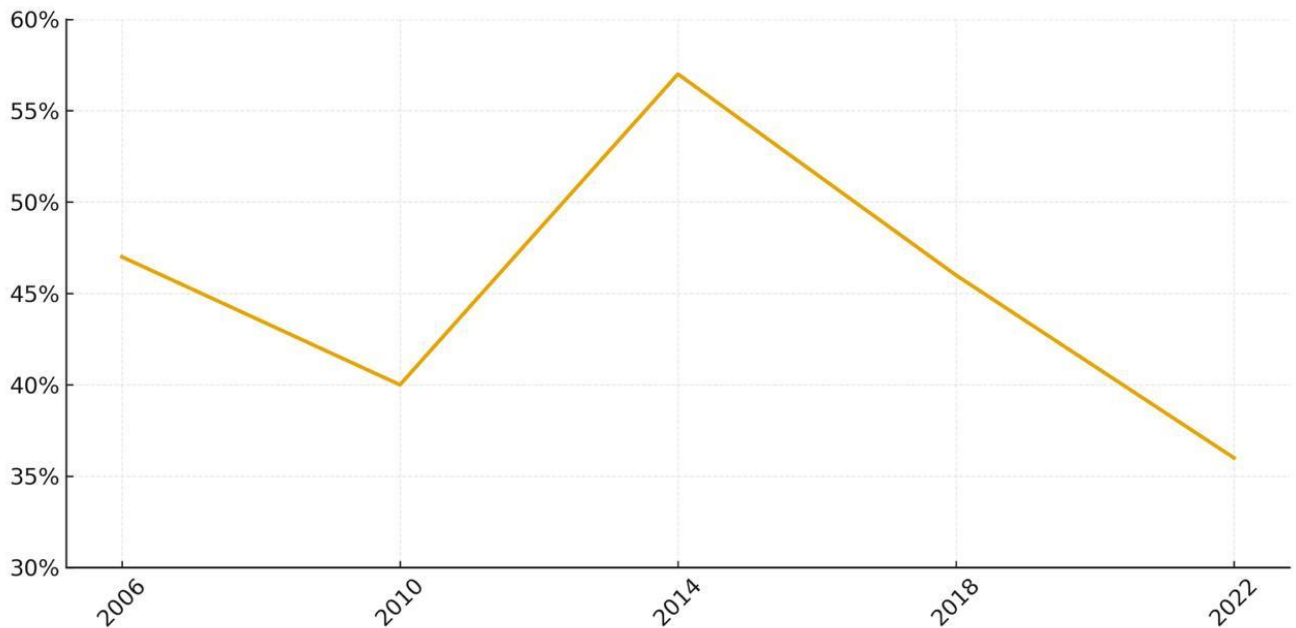
Аналогичную динамику продемонстрировали результаты исследования Института Гэллопа (American Institute of Public Opinion), согласно которым к 2022 г. лишь 36% взрослого населения Турции одобряли деятельность руководства государства – один из самых низких показателей с 2009 г. [324].

Таблица 14. Уровень поддержки деятельности руководства Турции среди взрослого населения страны согласно исследованию Института Гэллопа⁴³

	2006 г.	2010 г.	2014 г.	2018 г.	2022 г.
Уровень поддержки деятельности руководства Турции	47%	40%	57%	46%	36%

⁴³ Составлено автором на основе источника [324].

График 10. Уровень поддержки деятельности руководства Турции среди взрослого населения страны согласно исследованию Института Гэллопа⁴⁴

Главными причинами падения поддержки оставались глубокие структурные проблемы турецкой экономики, усугубленные денежно-кредитной политикой правительства. Согласно результатам того же исследования Института Гэллопа, лишь 11% граждан Турции в 2022 г. считали, что экономическая ситуация в стране улучшается, тогда как 73% фиксировали ухудшение. Для сравнения: в 2017 г. лишь 27% опрошенных отмечали ухудшение условий жизни, тогда как 38% – фиксировали улучшение [324].

Особенно показателен разворот в оценках уровня жизни: если в первые годы правления ПСР большинство турок отмечали улучшение своего материального положения, то в 2022 г. 21% населения оценивали свою жизнь как «страдание». По степени пессимизма в экономических вопросах Турция оказалась в одном ряду с такими странами, как Ливан и Афганистан [324].

Не менее серьезной проблемой стало падение доверия к политическим институтам. По сравнению с 2017 г., когда деятельности национального

⁴⁴ Составлено автором на основе Таблицы 14.

руководства доверяли 59% опрошенных, в 2022-м этот показатель упал до 44%. Также респонденты стали более скептически относиться к честности избирательного процесса – уровень доверия к выборам упал с 44% до 35%, соответственно. Особенно ярко эта тенденция проявилась среди молодежи: только 34% опрошенных из числа молодых турок в 2022 г. выражали доверие правительству, а вера в честность выборов была на уровне 28% – минимальное значение за весь период наблюдений с 2005 г. Землетрясение 2023 г. еще больше усугубило кризис доверия, выявив системные проблемы в управлении государством [324].

Угроза для умеренно-исламистской власти в Турции обозначилась и с другого фланга: к 2023 г. ранее разрозненные оппозиционные силы сумели преодолеть внутренние разногласия и сплотиться вокруг единого кандидата – лидера Республиканской народной партии К. Кылычдароглу. Президентские выборы 2023 г., несмотря на итоговую победу Р. Т. Эрдогана, набравшего 52,18% голосов, продемонстрировали беспрецедентную консолидацию его противников и явную опасность для его многолетнего правления, поскольку «общий кандидат» от объединенной оппозиции К. Кылычдароглу получил поддержку 47,82% избирателей. Результат 2023 г. резко контрастирует с итогами предыдущих аналогичных выборов в Турции, когда в 2018 г. ближайший соперник Р. Т. Эрдогана М. Индже набрал лишь 30,64%, а в 2014-м – Э. Ихсаноглу получил 38,44% голосов. Уровень поддержки К. Кылычдароглу среди турецкого электората наглядно свидетельствует о значительном росте оппозиционных настроений в обществе и способности оппозиции к объединению [325].

Как уже сказано, успешная экономическая политика ПСР на протяжении более полутора десятилетий играла важнейшую роль в легитимизации неоосманского курса среди большей части турецкого общества. Сюда же можно отнести масштабные инфраструктурные проекты, которые не только решали практические задачи, но и выполняли важную символическую функцию. Образ новой, динамично развивающейся Турции обеспечивался строительством мостов через Босфор (например, мост Султана Селима Грозного), возведением нового

аэропорта в Стамбуле, реализацией амбициозных программ жилищного строительства и т.д.

Эффектный визуальный ряд, транслируемый через средства массовой информации, и неоосманская риторика формировали коллективное представление о возвращении Турцией статуса значимого регионального центра. Экономический подъем и рост благосостояния населения после прихода к власти ПСР имели особый психологический эффект, поскольку сильно контрастировали с хроническими кризисами 1990-х гг. Неоосманский курс, предлагаемый умеренно-исламистской элитой, все сильнее ассоциировался у турецких граждан с уходом от периода упадка и переходом к эпохе стабильности и процветания. Экономические успехи Турции увязывались в официальном дискурсе с историческими нарративами о ее великом османском прошлом. Такая интерпретация экономического роста особо импонировала консервативным слоям населения, традиционно составлявшим электоральную базу ПСР. Для них улучшение материального благополучия страны и ее граждан отождествлялось с восстановлением исторической справедливости и возвращением Турцией той роли, которую она играла в период имперского величия.

Важно отметить, что в первую половину правления Р. Т. Эрдогана и ПСР неоосманизм еще не приобрел тех жестких черт, которые проявились позже. Он оставался достаточно гибкой идеологией, способной адаптироваться к запросам разных социальных групп. Именно эта способность говорить на разных языках с разными слоями общества объясняет большую популярность Р. Т. Эрдогана в первые годы его правления, когда он сумел представить себя одновременно и как защитника традиционных ценностей, и как современного реформатора.

Период после 2011 г. в Турции был отмечен чередой политических кризисов, которые последовательно трансформировали политический ландшафт страны. Начало этого периода ознаменовалось продолжением громких судебных процессов по делам «Ergenekon» и «Balyoz», направленных против военной элиты. Хотя эти процессы начались ранее, их кульминация в 2011-2013 г. привела к беспрецедентным чисткам в армии и государственном аппарате [326]. Вслед за

этим в 2013 г. страну потрясли массовые протесты в парке Гези, начавшиеся как выступление против застройки стамбульского парка, но быстро переросшие в общенациональное движение против социально-политических реформ, в том числе – в области исламизации общества. Жесткое подавление протестов с применением силы и тысячами задержаний нанесло серьезный удар по международному имиджу Турции [183, с. 70]. Ф. Гюлен, глава движения Hizmet, ранее выступавший как сторонник неоосманского курса власти, раскритиковал жесткий разгон полицией протестующих, а Р. Т. Эрдоган, в свою очередь, обвинил его и его сторонников в организации протестов [327].

Конец 2013 г. принес новый кризис – масштабный коррупционный скандал, в который оказались вовлечены высокопоставленные чиновники из ПСР и даже члены их семей [328], перетекший в серию крупных протестов [329]. Однако вместо помощи расследованию Р. Т. Эрдоган публично осудил протестующих, обвинив их в попытке свержения власти. По его словам, заявления о борьбе с коррупцией стали лишь предлогом для реализации этого плана. В качестве главного организатора он указал на Ф. Гюлена и сторонников Hizmet [327] – «государство в государстве» (гюленисты в госапарате).

Политическое противостояние достигло нового уровня в 2014 г., когда турецкие правоохранительные органы провели масштабную операцию против сотрудников ряда влиятельных СМИ. Следствие обвинило издание Zaman и телеканал Samanyolu TV в поддержке связей с Hizmet. Представителей медиа обвинили в формировании незаконного объединения и подготовке планов по захвату власти в Турции [327]. Эти события во многом стали поворотным моментом в затяжном противостоянии между правительством и оппозиционными силами.

Конфликт достиг своей кульминации в июле 2016 г., когда группа военных предприняла неудачную попытку государственного переворота, после чего последовали беспрецедентные по масштабам ответные меры – десятки тысяч арестов и увольнений, закрытие большого числа СМИ и организаций, обвиненных в связях с гюленистами. Сам Р. Т. Эрдоган обвинил Ф. Гюлена и США в

организации попытки силовой смены власти и потребовал от США экстрадиции лидера Hizmet в Турцию, на что американская сторона не пошла [330]. Власти Турции также обвинили в участии в мятеже военных, служивших на базе НАТО «Инджирлик», которая в тот период использовалась США для нанесения авиаударов по позициям ИГИЛ в Сирии [331]. Тогда же Hizmet и его сторонников турецкие власти начали официально называть FETÖ (Fethullahçı Terör Örgütü – «Террористическая организация Фетхуллаха») [332].

В 2015 г. в Турции резко обострился курдский вопрос, который до этого находился в состоянии относительной заморозки. Причиной возобновления конфликта стал срыв мирных переговоров между турецким правительством и Рабочей партией Курдистана, которые велись при посредничестве прокурдской Демократической партии народов [333, с. 81]. Переговоры провалились на фоне усиления курдских автономистских настроений под влиянием событий в соседней Сирии, где сирийские курды создали автономию – Рожаву, а также политического кризиса в Турции после парламентских выборов в июне 2015 г., когда Демократическая партия народов преодолела 10%-ный барьер, лишив Партию справедливости и развития большинства в ВНСТ [334].

2017 г. во многом стал переломным для политической системы Турции: конституционная реформа, принятая на референдуме с минимальным перевесом – 51,4% голосов «за», – преобразовала турецкое государство из парламентской республики в президентскую, значительно расширив полномочия Р. Т. Эрдогана. Этот шаг вызвал резкую критику как внутри страны, так и со стороны международного сообщества, обвинившего умеренно-исламистскую власть в авторитаризме [335, с. 26], а также показал, что почти половина страны отвергает сверхцентрализацию власти. Экономические потрясения – обвал лиры в 2018 г., рекордная инфляция, санкции США – подрывали социальную стабильность в стране [336]. На международной арене Турция вступила в острые конфликты с традиционными союзниками – кризис в отношениях с США из-за покупки российских С-400 [337, с. 94-95], напряженность с ЕС по вопросам миграции [338, с. 80-81], противостояние с Грецией из-за месторождений в Восточном

Средиземноморье [339]. Февральское землетрясение 2023 г. обнажило системные проблемы управления и коррупции в строительном секторе, вызвав новую волну общественного недовольства [340]. В совокупности эти кризисы вели к усилению авторитарных черт правления в Турции и постепенному расколу в обществе.

Р. Т. Эрдоган и Партия справедливости и развития всегда полагались на свой электорат – степень его лояльности является ярким маркером поддержки неоосманского курса страны. Политическая история Турции с 2002 г., когда к власти пришла ПСР, представляет собой череду ее электоральных побед, перемежающихся с периодами кризисов и вызовов. Начав с триумфальной победы на выборах ноября 2002 г., когда ПСР получила 34,2% голосов и 363 места в парламенте, партия заложила основы своего длительного доминирования в турецкой политике. Последующие выборы, в июле 2007 г., подтвердили рост популярности ПСР – партия увеличила свой результат до 46,6% голосов и 341 мандата, что позволило ей укрепить позиции и продолжить курс на экономические реформы и постепенную исламизацию общества [325].

Победа ПСР на выборах в июне 2011 г., когда партия получила 49,8% голосов и 327 мест в парламенте [325], показала прежнюю позитивную динамику. Тот период был высшей точкой доминирования ПСР, когда экономический рост, дипломатические успехи от принципа «ноль проблем с соседями» и социальные программы обеспечили партии широкую поддержку различных слоев населения. Тем не менее, уже тогда стали проявляться тенденции, легшие в основу будущих проблем. К их числу можно отнести усиление у представителей умеренно-исламистской власти авторитарных черт правления, давление на СМИ, начало конфликта с движением Ф. Гюлена и т.д.

Парламентские выборы в июне 2015 г. отчетливо продемонстрировали, что электоральная поддержка ПСР перестала быть безоговорочной. Партия впервые за 13 лет не смогла получить парламентское большинство, набрав лишь 40,9% голосов и получив 258 мест в ВНСТ. В ноябре того же года Р. Т. Эрдоган был вынужден инициировать досрочные выборы, ввиду неспособности парламента Турции сформировать правительство в срок, установленный конституцией. На этих

выборах ПСР удалось восстановить контроль над парламентом, получив 49,5% голосов и 317 мест [325], за счет националистической риторики, обострения курдского вопроса и возобновления конфликта с РПК, что позволило мобилизовать консервативный электорат. Однако даже эта победа не смогла скрыть растущее недовольство – экономические трудности, коррупционные скандалы и авторитарные методы правления постепенно подтачивали легитимность власти умеренных-исламистов.

Парламентские выборы июня 2018 г., проведенные в условиях чрезвычайного положения после попытки госпереворота 2016 г., показали некоторое снижение поддержки ПСР до 42,6% голосов. Тем не менее, благодаря изменению избирательной системы и преобразованию Турции в президентско-парламентскую республику умеренно-исламистские силы сохранили доминирующие позиции в государстве [325]. Выборы 2018 г. впервые проводились по новой системе одновременного голосования за президента и партии в парламент, что создавало эффект «сцепленного голосования». Это значит, что избиратели склонны были голосовать за одну и ту же партию на обоих выборах, что давало преимущество правящей ПСР. Кроме того, была изменена система распределения мандатов – если ранее «лишние» голоса партий, не преодолевших барьер, распределялись между прошедшими в парламент партиями пропорционально их результату, то теперь эти голоса стали переходить партии, занявшей первое место, то есть – ПСР. Данные нововведения были закреплены конституционным референдумом 2017 г. Также стоит отметить, что проведение выборов в режиме чрезвычайного положения позволило властям существенно ограничить возможности оппозиции.

К 2023 г. стало отчетливо видно, что электоральное господство Партии справедливости и развития постепенно подходит к концу. На парламентских выборах в мае 2023 г. ПСР смогла получить лишь 35,62% голосов и 268 мест в ВНСТ, что стало самым слабым показателем уровня поддержки за все время ее пребывания у власти. По сравнению с результатами 2018 г. поддержка партии сократилась почти на 7 процентных пунктов. Даже победа Р. Т. Эрдогана на

президентских выборах в мае того же 2023 г. с 52,1% голосов во втором туре не могла скрыть тревожной для правящей умеренно-исламистской элиты тенденции: социальная база неоосманского курса – ориентира политики ПСР последних двух десятилетий – неуклонно сокращается [325].

Избирательная кампания 2023 г. проходила на фоне тяжелых последствий землетрясения, охватившего юго-восточные регионы страны в феврале того же года. Это событие не только поставило под вопрос саму возможность проведения выборов в установленные сроки, но и обнажило системные проблемы турецкого государства – коррупцию в строительном секторе, неэффективность системы реагирования на чрезвычайные ситуации и глубокий разрыв между центральной властью и периферией [341]. Особое возмущение у общественности вызвало решение правительства ввести так называемый «налог на землетрясение» в виде дополнительных сборов с пожертвований [342].

Тем не менее, главной причиной электорального кризиса ПСР стал затяжной экономический кризис, достигший к 2023 г. критической точки. Исследование Ipsos за 2024 г. (2024 Ipsos Türkiye Shopper Annual Report) показало, что большинство респондентов считало экономический кризис самой важной проблемой Турции. Согласно ему, 68% опрошенных турецких граждан были вынуждены сократить свои домашние расходы, и только 12% заявили, что могут полностью обеспечить свои потребности и обязательства [343].

Таким образом, в третьей декаде XXI в., спустя более чем два десятилетия после прихода к власти ПСР, неоосманский курс Турции столкнулся с явным кризисом легитимности. В 2000-х у значительного числа турецких граждан он ассоциировался с перспективной альтернативой кемализму, сочетая экономический рост и имперскую ностальгию. К 2020-му все тот же курс, хоть и частично реформированный, но прежний на идейном уровне, на фоне экономической стагнации и социальных ограничений стал все сильнее отождествляться с несменяемостью власти. Глубокая персонифицированность проводимого политического курса, теснейшим образом связанная с личностью Р. Т. Эрдогана, со временем превратилась в его главную уязвимость.

Первоначальная привлекательность неоосманского политического проекта постепенно уступила место системе власти, где ключевые решения и инициативы концентрировались вокруг одной харизматической фигуры. Парадоксальным образом успехи неоосманизма в области, например, оборонной промышленности или инфраструктурных проектов перестали работать на укрепление идеологии, превратившись скорее в демонстрацию личных достижений Р. Т. Эрдогана. Эта персонализация заметна и во внешней политике, где важные дипломатические решения все чаще принимаются, исходя из логики внутривластной конъюнктуры, а не долгосрочных стратегических интересов страны.

Серьезной проблемой остается институциональная слабость неоосманизма как политического проекта. В отличие от кемализма, который за годы существования Турецкой Республики проник во все сферы государственной жизни, создав устойчивую систему воспроизводства своих ценностей через армию, образование и бюрократический аппарат, неоосманизм так и не смог создать аналогичные механизмы. Его существование по-прежнему зависит от контроля ПСР над ключевыми рычагами власти и личной преданности Р. Т. Эрдогану широкого круга чиновников и бизнес-элит, что делает всю систему крайне уязвимой в случае ухода харизматического лидера. Отсутствие четкой системы преемственности и политическая конкуренция создают серьезные риски для будущего как самой умеренно-исламистской власти, так и провозглашенных ею идей.

Неоосманский проект, переживающий сегодня очевидный кризис идентичности, стоит на перепутье исторических возможностей. Турция под руководством Р. Т. Эрдогана и ПСР, безусловно, смогла трансформироваться из страны-сателлита Запада в самостоятельного регионального игрока. Тем не менее, системные экономические проблемы и растущее социальное недовольство ограничивают ее более широкие – великодержавные амбиции.

При прогнозировании важно учитывать, что механизмы, принятые за годы правления ПСР, к примеру, президентская система правления или контроль над ключевыми медиа, обеспечили умеренно-исламистской власти определенный

запас прочности. Турецкий консервативный электорат, особенно в сельских районах Анатолии, продолжает демонстрировать лояльность Р. Т. Эрдогану [344]. При этом растущие проблемы социально-экономического плана формируют потенциал для социального взрыва, признаки роста которого видны все сильнее.

На международной арене Турция, вероятно, продолжит балансировать между различными центрами силы, используя свое географическое положение. Однако ресурсы для масштабных внешнеполитических инициатив постепенно иссякают, что может привести к еще более прагматичному и менее идеологизированному курсу. Особенно показательной будет эволюция отношений с Россией, которые сегодня во многом держатся на личных контактах В. В. Путина и Р. Т. Эрдогана, что делает их уязвимыми перед лицом возможных политических изменений в Турции.

Хотя за два десятилетия правления Партии справедливости и развития Турция действительно усилила свои региональные позиции, превратившись во влиятельного игрока Афразийского пространства, долгосрочность этих достижений остается под вопросом. Кризис в Турции охватывает и политическую сферу, что вызвано тяжелым противостоянием умеренно-исламистской власти с турецкой оппозицией, которая в апреле 2025 г. поставила под сомнение легитимность Р. Т. Эрдогана после ареста мэра Стамбула Э. Имамоглу по обвинению в коррупции [345]. Э. Имамоглу, являющийся членом Республиканской народной партии, мог стать главным соперником Р. Т. Эрдогана на следующих президентских выборах в 2028 г. Его арест вызвал широкую волну народного возмущения и протестов [346].

Если после Р. Т. Эрдогана к власти придут силы, не разделяющие его имперских амбиций, Турция может пойти на кардинальный пересмотр внешнеполитического курса, что поставит под угрозу прежние претензии Анкары на статус мировой державы. Судьба неоосманизма как государственной идеологии во многом будет зависеть от того, сумеет ли умеренно-исламистская элита адаптировать его к новым реалиям. Если этого не произойдет, Турцию может ждать либо постепенная трансформация в сторону более светской модели с элементами

национализма, либо, что выглядит значительно менее вероятным, радикальная исламизация по иранскому образцу. В любом случае, ближайшее десятилетие станет для страны периодом серьезных испытаний, когда будет решаться вопрос о том, останется ли неоосманизм временным отклонением от кемалистской традиции в Турции или превратится в устойчивую альтернативу ей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы, достигнутые в соответствии с целью исследования и решением его задач.

1. Геополитическое пространство Афразия, исторически связанное с наследием Османской империи, стало ключевой ареной реализации умеренно-исламистской элитой в лице Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития амбициозного проекта, направленного на трансформацию Турции из периферийного государства в рамках трансатлантической системы в великую державу. Этот процесс представляет собой попытку фундаментального пересмотра (реставрации) Анкарой несправедливых, по ее мнению, итогов Первой мировой войны. В его основе – сложное переплетение исторической риторики, экономической и гуманитарной экспансии, а также военно-политического доминирования, сочетающее традиционные механизмы «жесткой силы» с современными технологиями «мягкого» влияния. Внешнеполитическая стратегия Анкары основывается на использовании ностальгического нарратива об «османском золотом веке», который дополняется актуализированными концепциями пантюркизма и умеренного политического ислама, выступающими проводниками турецкого влияния в Афразии. Прочное доминирование в Афразийском регионе идентифицируется умеренно-исламистской элитой как инструмент для трансформации международного положения Турции, что даст ей возможность войти в клуб великих держав XXI в.

Кардинальный пересмотр Анкарой своей внешнеполитической стратегии в конце XX – начале XXI в., выразившийся в отходе от прозападной ориентации, стал следствием, с одной стороны, постепенного разочарования турецкого общества в перспективах европейской интеграции, а с другой, растущего осознания умеренно-исламистской элитой чрезмерной политической, военной и экономической зависимости страны от Запада, следствием чего стала потеря Турцией позиций в зоне ее исторического влияния. Теоретическое обоснование нового курса было сформулировано в концепции неоосманизма, представляющей оригинальную

модель использования османского историко-культурного капитала, тюркской этнолингвистической общности и исламской цивилизационной идентичности.

Активная реализация неоосманизма стала возможной благодаря уникальному сочетанию факторов: сохранению глубинных исламских ценностей в турецком обществе, несмотря на радикальную секуляризацию кемалистского периода, и последовательной трансформации Партии справедливости и развития из преследуемой исламистской группы в гегемонистскую политическую силу, окончательно закрепившую свой успех победой на парламентских выборах 2002 г. Приход к власти ПСР ознаменовал неформальное завершение эпохи доминирования кемалистской модели в Турции и начало нового – «постсекулярного» этапа в жизни страны.

2. Турецкая внешняя политика в Афразии отличается комплексным подходом, сочетающим культурно-гуманитарные, религиозные, экономические и военно-политические инструменты влияния. Через разветвленную сеть специализированных институтов – TİKA, TÜRKSOY, фонд Юнуса Эмре, Diyanet и др. – Анкара последовательно укрепляет свои позиции в Афразийском пространстве, адаптируя стратегию к особенностям его каждого субрегиона.

В Восточной Афразии с большим числом тюркоязычного населения влияние Турции базируется на пантюркистской риторике и попытке ее развития до уровня идеи военно-политической интеграции тюркских государств под собственной эгидой в рамках идеи пантуранизма. Восточноафразийский субрегион представляется критически важным для Турции, ввиду его логистических возможностей как в экономической плоскости, так и в идейной, являясь единственным доступным коридором в основной ареал «тюркского мира» – Центральную Азию. В Южной Афразии Анкара использует риторику общего османского прошлого со странами субрегиона, а также необходимости поддержания исламской солидарности. Наиболее разнонаправленный подход демонстрируется в Западной Афразии, где вопросы османского прошлого субрегиона и исламский дискурс активно сочетаются с элементами экономической и военно-политической экспансии. Такой подход позволяет Турции поддерживать

разные по характеру векторы влияния, учитывая специфику каждого субрегиона и сохраняя при этом общую неоосманскую идейную линию.

3. Эволюция турецкой политики в Афразийском пространстве демонстрирует последовательную сущностную трансформацию стратегических подходов Анкары. При этом идейный базис их реализации отстается неизменным, что обеспечивает важную смысловую преемственность. Первый этап (2002-2011 гг.), начавшийся с приходом к власти Партии справедливости и развития, отличался акцентом на «мягкую силу» и конструктивное взаимодействие с государствами Афразии. В этот период Турция делала ставку на экономическое партнерство, культурно-гуманитарное сотрудничество и миротворческую риторику, отраженные в принципе «ноль проблем с соседями».

Кардинальный перелом произошел в 2011 г. под влиянием событий «Арабской весны», ознаменовавших переход к новой, более радикальной фазе во внешней политике Турции в Афразии, названной в итоге «моральным реализмом». Поддержав протестные движения и организации исламистского толка, Анкара радикально изменила характер своего регионального участия. Тем не менее, эскалация сирийского и ливийского конфликтов, актуализация курдского вопроса и свержение «Братьев-мусульман» в Египте во многом вынудили Турцию перейти к прямым методам силового воздействия. Этот период (2011-2021 гг.) характеризовался масштабным военным вмешательством в военно-политические процессы соседних Сирии и Ирака, развертыванием военного контингента в Ливии, созданием зарубежных военных баз (Катар, Сомали), а также активной поддержкой Азербайджана во Второй Карабахской войне.

Современный этап (с 2021 г.) характеризуется вынужденной корректировкой турецкой стратегии в условиях нарастающих системных вызовов. Значительные экономические трудности в сочетании с перенапряжением сил, необходимых для продолжения экспансии, вынудили Анкару пересмотреть тональность своей риторики в Афразии. Наметившаяся «разрядка» проявилась в нормализации отношений с рядом арабских государств, с которыми прежде Анкара вступала в противоречия, осторожном диалоге с Израилем (в итоге прерванном), а также в

более сдержанной позиции по ряду региональных вопросов. Этот стратегический маневр свидетельствует о переходе Турции к более прагматичной (гибкой) модели взаимодействия с государствами Афразийского региона, учитывающей новые геополитические реалии и собственные системные ограничения.

4. Политика Турции в Афразии отличается высоким уровнем адаптивности в отношениях с ведущими мировыми акторами, которые также реализуют собственные интересы в пределах пространства. Анкара активно балансирует между Москвой, Пекином и Вашингтоном, формируя подход к взаимодействию с учетом конфигурации в том или ином субрегионе. В Южной и Западной Афразии Анкара выстраивает ситуативное партнерство с Москвой, сочетая его с соперничеством в восточноафразийском субрегионе. В то же время Турция принимает активное участие в китайской глобальной инициативе «Один пояс – один путь», одновременно пытаясь ограничить влияние Китая в тюркоязычных странах.

Что касается турецких отношений с США, то они сохраняют двойственный характер. Оставаясь официальным союзником Вашингтона по НАТО, Анкара активно оспаривает американское военное присутствие в Южной Афразии и Восточном Средиземноморье. В отношениях же с крупными региональными игроками, такими как Египет, ОАЭ, Израиль, Иран или Саудовская Аравия, политика Турции характеризуется высокой степенью вариативности, которая учитывает турецкие интересы и проблемы, с одной стороны, и геополитическую обстановку, с другой.

5. Достижение Турцией статуса современной великой державы посредством восстановления имперских позиций в Афразии на текущий момент остается нереализованным. Несмотря на последовательную экспансионистскую политику последних двух десятилетий в Афразии, Анкаре не удалось осуществить качественного прорыва в международном масштабе. Существенным сдерживающим фактором выступает ограниченная география военно-политического присутствия: имеющиеся турецкие военные объекты за рубежом не обеспечивают реальных возможностей для системного контроля над крупным

геополитическим регионом – Афразией – и формирования устойчивых тенденций к его трансформации. Показательным также является отсутствие у Турции влияния на ключевые морские коммуникации: несмотря на дипломатические усилия и определенные успехи, Анкара так и не смогла установить прочного присутствия в зонах Суэцкого канала, Красного моря или стратегически важных проливов Баб-эль-Мандеб и Ормуз, которые остаются зоной интересов и под контролем прочих региональных держав и глобальных игроков.

6. В сфере международной экономики Анкара не выступает инициатором ни одного масштабного трансконтинентального проекта в энергетической, транспортной или торговой сферах, ограничиваясь участием в инициативах, продвигаемых другими мировыми центрами силы. Исключением (во многом стихийно) стал сформировавшийся торговый хаб в Турции, возникший как побочный эффект западных санкций против России. Хотя турецкие экономические рычаги влияния действительно значительны и создали систему взаимозависимостей в Афразии, тем не менее, они не позволили Анкаре добиться доминирующих позиций или существенно потеснить таких конкурентов, как Россия с ее энергетическими проектами, Китай с инициативой «Один пояс – один путь» или Европейский Союз с его комплексной системой торгово-экономического взаимодействия.

7. Масштабные геополитические амбиции Анкары, направленные на достижение статуса великой державы, вступили в системное противоречие с внутренними экономическими возможностями страны, что привело к фазе т. н. «имперского перенапряжения». Это нашло отражение в динамике ключевых макроэкономических показателей Турции: значительном росте инфляции, обесценивании национальной валюты, накоплении критического объема внешнего долга и других дисбалансах, которые в своей совокупности формируют комплекс фундаментальных рисков для внешней политики государства. Динамика турецкого оборонного бюджета, достигшего исторического максимума в 2024 г. на фоне высокой инфляции и бюджетного дефицита, также эмпирически подтверждает гипотезу о вступлении Турции в фазу т. н. «имперского перенапряжения»,

поскольку активная милитаризация проходит на фоне процессов, подрывающих экономическую устойчивость страны.

К третьей декаде XXI в. Турция столкнулась с ситуацией, когда наращивание собственного внешнеполитического влияния не привело к устойчивому экономическому росту и реальному повышению благосостояния граждан. Напротив, активная внешняя экспансия в условиях ограниченности ресурсов напрямую подорвала их, негативно сказавшись на финансовых, административных и производственных ресурсах страны. В результате попытка Анкары восстановить собственную международную субъектность, ликвидировать чрезмерную зависимость от Запада и укрепить суверенитет через проактивную внешнюю политику дала обратный эффект. Неоосманский курс Турции во многом усилил внутреннюю уязвимость государства и его чувствительность к колебаниям мировой конъюнктуры, что в полной мере раскрывает сущность кризиса «имперского перенапряжения».

8. Экспансия Турции в Афразии сталкивается также с ограничениями, вызванными структурной слабостью турецкой энергетической базы. Несмотря на строительство АЭС «Аккую» и развитие возобновляемой энергетики, Турция остается значительным импортером углеводородов, что создает дополнительные системные уязвимости как для ее экономики, так и для внешней политики. В отличие от России, обладающей значительными запасами энергоресурсов, или Китая, выстроившего глобальную систему ресурсного обеспечения, турецкие попытки реализовывать собственные энергетические проекты, к примеру, в Восточном Средиземноморье, носят в большей мере фрагментарный характер и не способны изменить общую картину стратегической зависимости Турции в энергетической сфере. Такая ресурсная уязвимость существенно ограничивает внешнеполитическую маневренность Анкары, вынуждая ее идти на компромиссы с отдельными конкурентами, к энергоресурсам которых она проявляет вынужденный интерес.

9. В области возможного достижения технологического суверенитета Турция сталкивается с демографическими ограничениями, исключающими возможность

формирования самодостаточной экономической системы. Предложенный в рамках диссертационного исследования размер внутреннего рынка в 350-400 млн. человек – для создания независимого экономического пространства – порог, недостижимый для Турции даже при самых благоприятных сценариях. Проект «Великий Туран», несмотря на активную пантуранистскую политику Анкары, охватывает лишь 170-220 млн. человек, причем его государства-участники сохраняют тесную зависимость от китайской инвестиционной активности и российской транспортной инфраструктуры. В сравнении с интегрированными экономическими пространствами, например, с ЕС (450 млн.) или США (342,3 млн.), не говоря уже о демографическом гиганте Китае (1,414 млрд.), тюркский мир остается фрагментированным и экономически разнородным образованием. Евразийский экономический союз при меньшей численности населения (185 млн.) обладает существенным преимуществом благодаря ресурсной базе России и развитой инфраструктурной связанности его участников.

Еще одним серьезным препятствием на пути к технологическому суверенитету Турции в рамках «Великого Турана» является отсутствие у Анкары надежной сухопутной связи с другими тюркскими государствами. Ключевая уязвимость здесь – контроль США над «Зангезурским коридором», единственным прямым сухопутным путем, соединяющим Турцию с Азербайджаном и далее – с Центральной Азией. Фактор американского контроля превращает коридор из артерии сотрудничества в стратегический рычаг давления, позволяющий Вашингтону в любой момент влиять на реализацию турецкого проекта.

Ставка на форсированное развитие высокотехнологичных секторов экономики столкнулась с проблемой глубокой технологической зависимости Турции. Турецкая промышленность до сих пор сохраняет характер «сборочного цеха» с использованием большого числа импортных компонентов, преимущественно западных. Зависимость от иностранных комплектующих особенно ярко фиксируется в критически важных областях микроэлектроники и станкостроения. В отличие от, например, Китая, создавшего замкнутый производственный цикл от добычи сырья до выпуска высокотехнологичной

продукции, или России с ее хотя и неравномерным, но самодостаточным ВПК, турецкая экономика остается уязвимой к внешним вызовам. Технологическая периферийность существенно ограничивает возможности Анкары по достижению технологической независимости. Турецкие великодержавные амбиции, таким образом, лишаются материально-технического фундамента, без которого их достижение не представляется возможным.

10. Неоосманский проект Турции в Афразийском пространстве имеет еще одну фундаментальную уязвимость – его чрезмерную персонализацию и зависимость от конкретного политического актора в лице Р. Т. Эрдогана. За два десятилетия правления Партии справедливости и развития неоосманизм так и не обрел прочных институциональных основ. В отличие от кемализма, пронизавшего все структуры турецкого государства – от армии и образования до бюрократического аппарата, неоосманизм остается в значительной степени продуктом эпохи Р. Т. Эрдогана и ПСР, держащимся на личном авторитете сильного лидера и партийном контроле над властными рычагами. Такая персонализированная модель создает риски в области будущей преемственности афразийской политики Турции. Поддержка неоосманизма в турецком обществе далеко не однородна: если старшее поколение, пережившее жесткие нормы секуляризма и экономические кризисы XX в., еще видит в Р. Т. Эрдогане гаранта стабильности, то молодежь все чаще ассоциирует его правление с экономическими трудностями и ограничением свобод.

Дополнительные риски создает отсутствие консенсуса турецких элит относительно неоосманского курса Турции. В отличие от внешнеполитических стратегий США, Китая или России, где ключевые направления закреплены в институциональных рамках, турецкая экспансия в Афразии остается во многом результатом личного выбора Р. Т. Эрдогана и его ближайшего окружения. Потенциальная борьба между возможными преемниками внутри умеренно-исламистской элиты, отсутствие механизмов передачи идейного наследия и растущая зависимость ПСР от временных союзов с другими политическими силами в турецком парламенте ставят под вопрос будущее неоосманизма. Даже

если ПСР сохранит власть после ухода Р. Т. Эрдогана с поста президента, его преемник вряд ли сможет опереться на аналогичный уровень авторитета, что может привести к фундаментальному пересмотру прежних внешнеполитических приоритетов Турции – особенно на фоне нарастающих экономических вызовов, требующих концентрации на внутренних проблемах.

Таким образом, неоосманизм рискует превратиться в феномен, чья судьба зависит от способности нынешнего руководства обеспечить его преемственность. Цивилизационная амбивалентность Турции, разрывающейся между тюркской, исламской и европейской идентичностями, дополнительно усложняет выработку последовательной стратегии в будущем. При сохранении текущих противоречий Турцию может ждать резкая смена курса, способная вынудить не только отказаться от глобальных имперских амбиций, но и спровоцировать болезненный демонтаж всей системы влияния в Афразии, выстраиваемой на протяжении последних двадцати лет.

11. Географическое положение Турции, рассматриваемое идеологами неоосманизма как ее ключевое преимущество, в то же время может представлять собой стратегическую ловушку. Будучи расположенной на стыке Европы и Азии – Балкан, Ближнего Востока, Кавказа и Средиземноморья, Турция рискует оказаться заложницей необходимости перманентного распределения ограниченных ресурсов между множеством театров, нередко конфликтных, не имея возможности достичь решающего превосходства ни на одном из них. Дисперсия сил проявляется уже сегодня – в одновременной вовлеченности Анкары в сирийский, ливийский, азербайджано-армянский и восточносредиземноморский кризисы, что создает значительную нагрузку на экономику и военно-политический потенциал страны. При этом Турция не обладает бесспорной зоной влияния даже в рамках Афразийского пространства. Ее присутствие в восточном, южном и западном направлениях остается лишь одним из многих факторов наряду с российским, китайским или американским влиянием.

Турция сегодня походит более на «среднюю державу», занимающую промежуточное положение между мировыми и региональными державами.

Необходимость поддерживать присутствие в большом пространстве, экономические проблемы, отсутствие гражданского консенсуса в отношении внешнеполитического курса и внешние вызовы представляют угрозу стратегической устойчивости афразийской политики Турции. Структурные ограничения (без фундаментального пересмотра приоритетов и фокусировки на ограниченном числе направлений), вероятно, останутся непреодолимыми, а перспективы трансформации Турции в подлинно великую державу – нереализуемыми.

Понимание природы и возможных рисков для неоосманского курса Турции представляется полезным для России по нескольким причинам. Во-первых, Турция стремится наращивать влияние в регионах, традиционно входящих в зону стратегических интересов России, таких как, к примеру, Южный Кавказ. Турецкие интересы также пересекаются с российскими на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Экономическое проникновение Анкары, включая инвестиции в энергетику, инфраструктуру и оборонный сектор государств Афразии, создает прямую конкуренцию российским проектам. Например, на Южном Кавказе турецкая поддержка Азербайджана влияет на баланс сил в регионе, что требует от Москвы более активной дипломатии.

Турция позиционирует себя как альтернативный центр силы, что требует от России формирования более сложных подходов и дипломатических конфигураций. При этом сама Москва играет ту же роль, к примеру, в Центральной Азии, являясь своеобразным балансиrom для пантуранистского проекта Анкары, где ряд государств-участников открыто демонстрируют неготовность отказаться от суверенитета в пользу турецкой гегемонии. При условии, что Турция сумеет преодолеть структурные проблемы, прежде всего, экономические, стоит учитывать возможность ее усиления на ряде направлений. Данный фактор может быть нивелирован пересмотром Москвой прежних форматов взаимодействия с региональными партнерами, например, через углубление отношений с Ираном или странами Персидского залива.

Рекомендации по российско-турецкому взаимодействию в Южной, Восточной и Западной Аффразии.

Взаимодействие России и Турции в Восточной Аффразии стоит рассматривать через призму того, что Анкара проводит поступательную экспансию субрегионе, опираясь на синтез пантюркизма и пантуранизма, тесный союз с Азербайджаном и стремление закрепиться в роли ключевого транзитного посредника между Европой и Азией. Также Анкара укрепляет позиции в Грузии, стремится наращивать влияние на тюркские общины Северного Ирана и Ирака. Важно помнить, что в субрегионе сохраняется высокий уровень риска новой нестабильности из-за нерешенных вопросов вокруг Армении и Грузии, курдской проблемы, конфликта Ирана с Западом и т.д.

Сохранение стратегической связи с Арменией и недопущение ее перехода под влияние Турции или Запада представляется для России первоочередной задачей. Это обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечения безопасности и недопущения усиления зарубежного влияния в Закавказье. Сохранение Грузии в статусе нейтрального государства или даже умеренного партнера также имеет большое значение для Москвы. Несмотря на ряд противоречий, России следует обеспечивать партнерский диалог с Азербайджаном с целью недопущения его полного ориентирования на Анкару. Важным приоритетом для Москвы является также сдерживание чрезмерного усиления влияния Турции в Северном Ираке и на севере Ирана. Игнорирование данной возможности может создать новые угрозы для российских интересов в Каспийском бассейне, внимание к которому уже продемонстрировала Анкара. Что же касается ключевых стратегических задач Москвы, то к ним стоит отнести минимизацию влияния НАТО в субрегионе и сдерживание западных инициатив, в том числе в сфере высоких технологий. Основой для укрепления российско-турецкого взаимодействия может стать аналогичное опасение со стороны Анкары по поводу перспектив расширения присутствия Запада в субрегионе, что, в свою очередь, создает дополнительные риски для турецкой политики в Восточной Аффразии.

Российскому подходу к Турции, вероятно, стоит основываться на принципе управляемого соперничества, предполагающего постоянное сочетание сотрудничества и ограничения возможностей партнера. Стоит избегать прямой конфронтации, так как Турция остается важным экономическим и энергетическим партнером, но одновременно необходимо не допускать усиления ее доминирования в Восточной Африке. Стоит исходить из того, что умеренно-исламистская элита в Турции действует весьма прагматично и подчиняет региональную политику долгосрочным стратегическим планам, поэтому любые договоренности должны быть взаимовыгодными и основанными на четком распределении сфер ответственности.

В Южной Африке России стоит выстраивать взаимодействие с Турцией с учетом того, что Анкара вынуждена действовать в условиях высокой конкуренции со стороны значительного числа региональных и наднациональных акторов. Несмотря на турецкие проблемы, связанные с экономикой и внутренними противоречиями, Анкара вряд ли откажется от статуса активного регионального актора. Это, во многом, продиктовано необходимостью обеспечения национальной безопасности Турции – прежде всего, в рамках курдского политического вопроса.

Падение власти Б. Асада в Сирии и победа протурецких сил усилили региональные позиции Анкары. В это же время необходимость сохранения военных баз в Тартусе и Латакии побуждают Москву к прагматичному подходу в отношении новой власти в Дамаске. Такой подход должен исключить риск внезапной эскалации, но при этом – сохранить способность России защищать свои интересы на территории САР. Возможно, учитывая сложившуюся обстановку и сохранение конфликтных очагов в Сирии, России стоит предложить Турции совместную работу по восстановлению и стабилизации отдельных районов страны. Продуктивным полем для российско-турецкого взаимодействия может стать логистика, снабжение населения продовольствием или инфраструктурные проекты. Такая «практическая кооперация» снижает риск усиления турецкого влияния, позволяя Москве принимать участие в рамках послевоенного устройства Сирии.

Что касается курдского вопроса, то на фоне его чувствительности для Турции Москве целесообразно проводить двойственную линию: с одной стороны, поддерживать коммуникацию с курдскими структурами, способствуя интеграции курдских общин в социально-политическую жизнь страны, с другой – через координацию с Анкарой стремиться не допустить, чтобы легитимизация курдского элемента в Сирии стала предлогом для нового этапа турецкой военной экспансии.

Важным элементом политики России в Южной Аффразии являются ее отношения с Саудовской Аравией и ОАЭ. Учитывая прагматическую нормализацию отношений между Турцией и монархиями Персидского залива, России стоит стремиться к координации экономических инициатив и консолидации общих позиций по обеспечению стабильности региональных рынков и мирового рынка энергетики (уже было продемонстрировано в рамках ОПЭК+). Что касается вопроса Палестины, то тут позиции России, Турции и стран Персидского залива в ключевых пунктах совпадают – сохранение такого формата позволит сократить риски для их диалога.

Высокий уровень отношений с Ираном позволит Москве сохранить естественный противовес Турции в субрегионе, несмотря на военно-политическое давление США на Тегеран, перешедшее в горячую фазу. Активное проникновение Китая в субрегион делает целесообразным координацию позиций с Пекином при условии сохранения независимости собственной политики. Укрепление партнерских отношений с ключевыми акторами Южной Аффразии обеспечит России способность оперативно реагировать на любые попытки переориентации баланса сил в субрегионе в пользу Турции.

Российско-турецкое взаимодействие в Западной Аффразии должно учитывать фактор повышенного внимания со стороны внешних игроков, поскольку субрегион все более активно входит в международную повестку. Москве целесообразно сочетать весь спектр дипломатических, экономических, военно-политических и гуманитарных инструментов, создавая форматы многостороннего взаимодействия с западноаффразийскими странами. Особое внимание стоит уделять совместным проектам – например, в портовой логистике или энергетике (важную роль в этом

играет Росатом), – где Россия и ее партнеры могут предложить Турции выгоду от участия без чрезмерного усиления ее влияния.

В условиях, когда Турция сохраняет военные форпосты в Ливии и Сомали, а также реализует ряд торговых и инфраструктурных проектов со странами субрегиона, Москве, возможно, стоит предложить Анкаре различные форматы взаимодействия. Они должны приносить выгоду обеим сторонам, но в то же время естественным образом ограничивать возможность чрезмерного укрепления турецкого влияния (прежде всего, военно-политического) в стратегически важных точках субрегиона. Военное присутствие России в Западной Африке, обеспечиваемое «Африканским корпусом» и формирующее дополнительные каналы влияния, является важным фоном в данном вопросе. Россия может инициировать создание совместных платформ по безопасности и антитеррористическим операциям, включая обмен разведанными, мониторинг морских линий и координацию действий с правительствами стран субрегиона, что даст возможность влиять на локальный баланс сил.

Экономическое проникновение также является крайне значимым элементом политики России в Западной Африке. Москва имеет возможность и ресурсы развивать собственные инфраструктурные и инвестиционные проекты, предлагая странам субрегиона выгодную альтернативу турецким инициативам, особенно там, где Анкара сталкивается с экономическими ограничениями. При этом, несмотря на хорошие отношения с Пекином, важно учитывать фактор растущей конкуренции со стороны Китая, экономическое присутствие которого в субрегионе стремительно растет. Сочетание прагматической кооперации и элементов сдерживания позволит России минимизировать риски потери стратегических позиций, а также обеспечить долгосрочные интересы в Западной Африке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Сокращение	Значение
АЭС	Атомная электростанция
ББВ	Большой Ближний Восток
БРИКС	Межгосударственное объединение, основанное Бразилией, Россией, Индией, КНР и Южной Африкой
ВВП	Внутренний валовый продукт
ВИЭ	Возобновляемые источники энергии
ВПК	Военно-промышленный комплекс
ВС	Вооруженные силы
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский союз
ИРО	Индекс ресурсной обеспеченности
ИГИЛ	Исламское государство Ирака и Леванта
КНДР	Корейская Народно-Демократическая Республика
КСА	Королевство Саудовская Аравия
НАТО	Североатлантический альянс
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ	Организация договора коллективной безопасности
ОИС	Организация исламского сотрудничества
ООН	Организация объединенных наций
ОЧЭС	Организация черноморского экономического сотрудничества
ПНС	Правительство национального согласия (Ливия)
ПСР	Партия справедливости и развития
РПК	Рабочая партия Курдистана
СМИ	Средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств

СССР	Союз советских социалистических республик
США	Соединенные Штаты Америки
ХАМАС	Исламское движение сопротивления
TANAP	Трансанатолийский газопровод
TMTM	Транскаспийский международный транспортный маршрут
EIA	Управление энергетической информации США (U.S. Energy Information Administration)
FETÖ	Fethullahçı Terör Örgütü – «Террористическая организация Фетхуллаха»
TİKA	Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı)
TÜRKSOY	Международная организация тюркской культуры (Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı)
YTB	Управление по делам турок за рубежом и родственных общин (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шилов В. В. Историко-социологический аспект понятия «Великая держава» / В. В. Шилов // Журнал «Власть», выпуск 3, 2020. – С. 181-189.
2. Великая держава [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/velikaia-derzhava-620c48> (дата обращения: 10.08.2024).
3. Писарчик А. С. Геополитический регион как субъект международных отношений: теоретические основы / А. С. Писарчик // Философско-гуманитарные науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 185-193.
4. Дергачев В. А. Определение термина «Геополитический регион» [Электронный ресурс] / В. А. Дергачев // Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010 – 2022. Институт геополитики профессора Дергачева. – Режим доступа: <https://dergachev.org/Russian-encyclopaedia/04/53.html> (дата обращения: 12.08.2024).
5. Демешко Н. Э., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е., Москаленко О. А. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова, О. А. Москаленко // Регионоведение. – Т. 31, № 2, 2023. – С. 214-237.
6. Тойнби А. Постигание истории (Часть 1) [Электронный ресурс] / А. Тойнби // Портал Lib.ru. – Режим доступа: <https://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt> (дата обращения: 13.08.2024).
7. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // Серия «Мировой порядок», перевод с англ.: В. Желнинов. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 288 с.
8. Ближний Восток [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия 2004-2017. Электронная версия. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/geography/text/1873301> (дата обращения: 13.08.2024).
9. Васильев Л. С., Кирабаев Н. С., Павленко Ю. В. Мусульманско-афразийская и индийско-южноазиатская цивилизации / Ю. В. Павленко, Ю. Н.

Пахомов // Цивилизационная структура современного мира, том 3, книга 1. – Наукова думка, Киев, 2008. – 543 с.

10. Раков В. М. История мировых цивилизаций: учеб. пособие / В. М. Раков // Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Пермь, 2018. – 105 с.

11. Ходжсон М. Г. История ислама. Исламская цивилизация от рождения до наших дней [Электронный ресурс] / М. Г. Ходжсон // Портал Readli.net. – Режим доступа: <https://readli.net/chitat-online/?b=315024&pg=22> (дата обращения: 15.08.2024).

12. Bharucha N., Karugia J. N., Pandurang M., Schulze-Engler F. Afrasian Connectivities—Entangled Cultures, Literatures and Politics Between Africa and India / N. Bharucha, J. N. Karugia, M. Pandurang, F. Schulze-Engler // Matatu: Brill, 2020, 8 с.

13. Adem S., Mazrui A. A. Afrasia: A Tale of Two Continents [Электронный ресурс] / S. Adem, A. A. Mazrui // Портал Goodreads.com. – Режим доступа: <https://www.goodreads.com/book/show/10846661-afrasia> (дата обращения: 17.08.2024).

14. Yoichi M. Connecting Africa and Asia: Afrasia As a Benign Community [Электронный ресурс] / М. Yoichi // Портал Iias.asia. – Режим доступа: <https://www.iias.asia/the-newsletter/article/afrasia-emerging-macro-region> (дата обращения: 17.08.2024).

15. Bachmann V. (Trans)regionalism and South–South cooperation: Afrasia instead of Eurafrique? [Электронный ресурс] / V. Bachmann // Портал Researchgate.net. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331875446_Transregionalism_and_South-South_cooperation_Afrasia_instead_of_Eurafrique (дата обращения: 18.08.2024).

16. Mageza-Barthel R., Beek J., Achenbach R., Karugia J. N. Afrasian Transformations: Transregional Perspectives on Development Cooperation, Social Mobility and Cultural Change [Электронный ресурс] / R. Mageza-Barthel, J. Beek, R. Achenbach, J. N. Karugia // Портал Researchgate.net. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/344035956_Afrasian_Transformations_Transr

[egional Perspectives on Development Cooperation Social Mobility and Cultural Change](#) (дата обращения: 18.08.2024).

17. Погосян Д. К. Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира [Электронный ресурс] / Д. К. Погосян // Портал АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов». – Режим доступа: <https://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/bolshoj-blizhnij-vostok-kak-novyj-fenomen-geopoliticheskoy-realnosti-sovremennogo-mira-8719> (дата обращения: 20.08.2024).

18. Ганиев Т. А., Карякин В. В. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации / Т. А. Ганиев, В. В. Карякин // Электронный научный журнал «Архонт», Выпуск № 4 (7), 2018. – 28 с.

19. Макаров Д. О. Формирование и развитие геополитических блоков на пространстве Большого Ближнего Востока [Электронный ресурс] / Д. О. Макаров // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-geopoliticheskikh-blokov-na-prostranstve-bolshogo-blizhnego-vostoka> (дата обращения: 20.08.2024).

20. Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. – Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – 556 с.

21. Внешняя политика Турции в период Ататюрка [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/turkish-foreign-policy-during-aturks-era-ru.ru.mfa> (дата обращения: 22.08.2024).

22. Осипян А. О. Смена идеологии в Турции: культ Ататюрка уступает место культу Эрдогана [Электронный ресурс] / А. О. Осипян // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=32823> (дата обращения: 13.09.2024).

23. Сулейманов А. В. Политическая идеология Ататюрка / А. В. Сулейманов // Вестник Пермского университета, ПОЛИТОЛОГИЯ, № 2, 2015. – С. 37-45.

24. Матюхин В. В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект / В. В. Матюхин // Вестник РУДН, серия Политология, № 2, 2016. – С. 25-38.

25. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции / М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. – М.: Наука, 1983. – 294 с.

26. Ганусец И. Турция в межсоюзнических отношениях в период Великой отечественной войны (1941-1945 гг.) / И. Ганусец // Великий Октябрь и Турция: (сб. статей). – Ин-т востоковедения АН СССР, Ин-т востоковедения АН ГССР им. Г. Церетели. – Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 240 с.

27. Самыловский И. В. Турция – вотчина Уолл-Стрита / И. В. Самыловский. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 81 с.

28. Еремеев Д. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках / Д. Еремеев. – М.: Наука, 1980. – 238 с.

29. Орешкова С. Ф., Чакрян А. А. Тюркологические исследования за рубежом и некоторые проблемы современной идеологической борьбы / С. Ф. Орешкова, А. А. Чакрян // Великий Октябрь и Турция: (сб. статей). – Ин-т востоковедения АН СССР, Ин-т востоковедения АН ГССР им. Г. Церетели. – Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 240 с.

30. Гигинейшвили О. И. Московский договор «О дружбе и братстве» 16 марта 1921 года и внешняя политика Великого национального собрания Турции / О. И. Гигинейшвили // Великий Октябрь и Турция. – Ин-т востоковедения АН СССР, Ин-т востоковедения АН ГССР им. Г. Церетели. – Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 240 с.

31. Дергачев В. А. Турецкая геополитика. Доктрина «ноль проблем с соседями» и Realpolitik [Электронный ресурс] / В. А. Дергачев // Институт геополитики профессора Дергачева. – Режим доступа: https://dergachev.org/geop_events/171215-01.html (дата обращения: 29.08.2024).

32. Белоглазов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал / А. В. Белоглазов, Р. Н. Надыров // Манускрипт, Том 14, Выпуск 7, 2021. – С. 1381-1385.

33. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль, № 3, 2014. – С. 71-78.
34. Бирюков Е. С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] / Е. С. Бирюков // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765> (дата обращения: 30.08.2024).
35. Салум Х. Е. Позиция Турции по конфликту вокруг иракского кризиса 2003 г. / Х. Е. Салум // Вестник РУДН, серия Международные отношения, № 1, 2013. – С. 98-106.
36. Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu / A. Davutoğlu // Küre Yayınları, 2011. – 584 с.
37. Davutoglu A. Zero Problems in a New Era [Электронный ресурс] / A. Davutoglu // Министерство иностранных дел Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 01.09.2024).
38. Внутренний валовой продукт Турции [Электронный ресурс] // Портал Statbase. – Режим доступа: <https://statbase.ru/data/tur-gdp-imf-data/> (дата обращения: 01.09.2024).
39. Тепе А. Отношения Турецкой Республики с арабскими государствами Персидского залива (2002–2021 гг.), дисс., к. истор. н., 5.6.7. / А. Тепе. – ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, 2024. – 219 с.
40. Турецкий премьер: «Для меня Давос завершился. Отныне я больше сюда не приеду» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/194587/> (дата обращения: 02.09.2024).
41. Задержание «Флотилии свободы» израильскими военными (2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200531/1572112786.html> (дата обращения: 02.09.2024).

42. Премьер Турции назвал Израиль «террористическим государством» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiatoday.ru/article/1219> (дата обращения: 02.09.2024).

43. Демешко Н. Э., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е., Москаленко О. А. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова, О. А. Москаленко // Регионоведение, Т. 31, № 2, 2023. – С. 214-237.

44. Гумбатов К. А. Особенности сотрудничества России и Турции в сфере энергетики / К. А. Гумбатов // Московский экономический журнал, № 4, 2021. – С. 471-478.

45. Старостенко К. В., Чекулаев А. А. Социология международных отношений: учебное пособие для высшего профессионального образования / К. В. Старостенко, А. А. Чекулаев // Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2013. – 201 с.

46. Идеология [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания «Новая философская энциклопедия», электронная библиотека ИФ РАН. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb> (дата обращения: 03.09.2024).

47. Аватков В. А. «Внешнеполитическая идеология Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития», дисс., к. полит. н., 23.00.04 / В. А. Аватков // Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Кафедра востоковедения, Москва, 2013. – 161 с.

48. Матюхин В. В. Факторы устойчивости режима с доминирующей партией в современной Турции, дисс., к. полит. н., 23.00.02 / В. В. Матюхин // Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. – 244 с.

49. Исаев А. Внешняя политика Турции – сложная многовекторность [Электронный ресурс] / А. Исаев // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/25331> (дата обращения: 05.09.2024).

50. Барнашов О. В., Шпаковская М. А. Концепция неосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции / О. В. Барнашов, М. А. Шпаковская // Азия и Африка сегодня, № 2, 2018. – С. 30-36.

51. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, Т. 21, № 1, 2021. – С. 91-107.

52. Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире / В. А. Ачкасов // Вестник СПбГУ, Сер. 6, Вып. 4, 2013. – С. 71-77.

53. Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н. Турецкая политическая доктрина «неосманизма»: между символическим и реальным содержанием / Р. А. Товсултанов, М. Ш. Товсултанова, Л. Н. Галимова // Самарский научный вестник, Т. 10, № 4, 2021. – С. 230-234.

54. Смирнова П. Е. Исторические корни неосманизма во внешней политике Турецкой Республики / П. Е. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 1, 2023. – С. 56-66.

55. Сафарян Л. А. Османская империя 2.0. Восточные грезы или геополитический проект? / Л. А. Сафарян // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmanskaya-imperiya-2-0-vostochnye-grezy-ili-geopoliticheskiy-proekt> (дата обращения: 13.09.2024).

56. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений), дисс., к. полит. н., 23.00.04 / А. В. Будаев. – Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, 2014. – 184 с.

57. Матюхин В. В. «Постсекулярная» Турция [Электронный ресурс] / В. В. Матюхин // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsekulyarnaya-turtsiya> (дата обращения: 13.09.2024).

58. Ишанова Д. М. Зарождение идеологии тюркизма [Электронный ресурс] / Д. М. Ишанова // «Молодой ученый». – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/304/68486> (дата обращения: 15.09.2024).

59. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд / В. А. Надеин-Раевский // Перспективы. Электронный журнал, № 2, 2022. – С. 94-107.

60. Ирхин А. Имперское возрождение Турции: вызовы для России. Интервью с российским политологом, доктором политических наук Александром Ирхиным [Электронный ресурс] // Крымское армянское общество, 03.01.2022. – Режим доступа: <https://kaoluys.ru/2022/01/03/imperskoe-vozhrozhdenie-turcii-vyzovy-rossii-intervju-s-rossijskim-politologom-doktorom-politicheskikh-nauk-aleksandrom-irhinym/> (дата обращения: 19.09.2024).

61. Демешко Н. Э., Ирхин А. А. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» [Электронный ресурс] / Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krymskiy-aspekt-rossiysko-turetskih-otnosheniy-factory-myagkoy-i-zhestkoy-sily/viewer> (дата обращения: 20.09.2024).

62. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории / В. А. Надеин-Раевский // Перспективы. Электронный журнал, № 1, 2022. – С. 62-73.

63. Деев А. А. Истоки и современное состояние доктрины пантуранизма [Электронный ресурс] / А. А. Деев // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-sovremennoe-sostoyanie-doktriny-panturanizma> (дата обращения: 21.09.2024).

64. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре [Электронный ресурс] / Н. С. Трубецкой // Портал Az.lib. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/trubeckoj_n_s/text_1925_o_turanskom_elemente.shtml (дата обращения: 22.09.2024).

65. Шкира Н. В. Пантюркизм, пантуранизм, «неоосманизм» и экономические интересы России и Турции [Электронный ресурс] / Н. В. Шкира // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pantyurkizm-panturanizm-neoosmanizm-i-ekonomicheskie-interesy-rossii-i-turtsii> (дата обращения: 22.09.2024).

66. Эрдогану подарили карту «тюрокского мира» с российской территорией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html> (дата обращения: 28.09.2024).

67. МНР – Milliyetçi Hareket Partisi (МНР) Resmî Twitter Hesabıdır [Электронный ресурс] // Официальный аккаунт Партии национального движения в X (бывший Twitter). – Режим доступа: https://x.com/MHP_Bilgi (дата обращения: 28.09.2024).

68. Эрдоган предложил вынести на референдум вопрос ношения хиджаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/10/22/hijab/> (дата обращения: 28.09.2024).

69. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. – М.: Учитель, 2019. – 144 с.

70. Шлыков П. В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы / П. В. Шлыков // Сравнительная политика, Т.10, № 4, 2019. – С. 34-51.

71. Türkiye'nin Stratejik Vizyonu 2023 Projesi [Электронный ресурс] // Официальный сайт стратегии «Видение-2023». – Режим доступа: <https://tsv2023.tasam.org/index.php> (дата обращения: 10.11.2025).

72. Surdurulebilirliğin Yüzyili [Электронный ресурс] // Официальный сайт программы «Турецкий век» (Türkiye Yüzyılı). – Режим доступа: <https://turkiyeyuzyili.com/anasayfa> (дата обращения: 10.11.2025).

73. Колесникова М. А., Урпер М. Концепция «Век Турции» как новый камертон внешней политики Анкары [Электронный ресурс] / М. А. Колесникова, М. Урпер // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3247> (дата обращения: 12.11.2025).

74. Аватков В. А., Мишин Л. Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции / В. А. Аватков, Л. Д. Мишин // Ближний и Постсоветский Восток, № 3 (7), 2024. – С. 7-22.

75. Эрдоган попозировал на фоне карты с принадлежащими Турции греческими островами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/09/02/erdogan/> (дата обращения: 03.10.2024).

76. Emekli Tümamiral Cem Gürdeniz: Türkiye savaşa sokulmak istenebilir [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cumhuriyet.com.tr/dunya/emekli-tumamiral-cem-gurdeniz-turkiye-savasa-sokulmak-istenebilir-2100854> (дата обращения: 03.10.2024).

77. Кулиева Н. С. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье [Электронный ресурс] / Н. С. Кулиева // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/> (дата обращения: 03.10.2024).

78. İlk olarak 2006 yılında gündeme geldi! 462 bin kilometrekare Mavi Vatan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/ilk-olarak-2006-yilinda-gundeme-geldi-462-bin-kilometrekare-mavi-vatan-1054567> (дата обращения: 03.10.2024).

79. Mavi Vatan [Электронный ресурс] // Телеканал TRT Haber. – Режим доступа: <https://www.trthaber.com/programlar/mavi-vatan-1861.html> (дата обращения: 03.10.2024).

80. TRT Haber'in hazırladığı «Mavi Vatan» belgeseli, 27 Nisan'da ekranlara gelecek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.star.com.tr/guncel/trt-haberin-hazirladigi-mavi-vatan-belgeseli-27-nisanda-ekranlara-gelecek-haber-1624892/> (дата обращения: 03.10.2024).

81. Parti Programı [Электронный ресурс] // Официальная программа Партии справедливости и развития. – Режим доступа: <https://akparti.net/media/0auje2sn/partiprogrami.pdf> (дата обращения: 07.06.2025).

82. Аватков А. А., Шелестов С. Н. Основные механизмы реализации внешнеполитических интересов Турции на Ближнем Востоке / А. А. Аватков, С. Н.

Шелестов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – Т. 16, № 1, 2016. – С. 14-24.

83. Колесникова М. А. Сомали – «золотой ключик» Анкары? [Электронный ресурс] / М. А. Колесникова // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/45042> (дата обращения: 07.10.2024).

84. В нефтегазовый сектор Азербайджана будет вложено 3 млрд. турецких инвестиций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.caravan.kz/news/v-neftegazovyjj-sektor-azerbajdzhana-budet-vlozheno-3-mlrd-tureckikh-investicijj-201429/> (дата обращения: 07.10.2024).

85. Yunus Emre Enstitüsü [Электронный ресурс] // Институт имени Юнуса Эмре. – Режим доступа: <https://www.yee.org.tr/tr/node/59> (дата обращения: 08.10.2024).

86. In 2023, Yunus Emre Institute spread Turkish culture globally [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/arts/in-2023-yunus-emre-institute-spread-turkish-culture-globally/news> (дата обращения: 08.10.2024).

87. Türk Devletleri Teşkilatı Üzerinden Pantürkizmi Yeniden Tanımlama Girişimi [Электронный ресурс] // Турецкий аналитический центр SETA. – Режим доступа: <https://www.setav.org/turk-devletleri-teskilati-uzerinden-panturkizmi-yeniden-tanimlama-girisimi> (дата обращения: 09.10.2024).

88. Tarihçe [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры (TÜRKSÖY). – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/tarihce> (дата обращения: 09.10.2024).

89. TÜRKSÖY 2023 Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры (TÜRKSÖY). – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/faaliyet-raporlari> (дата обращения: 11.10.2024).

90. Hive-Bursa türk dünyasi kültür başkentleri dostluk konseri [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры (TÜRKSÖY). – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/haberler/2021-10-23-hiva-bursa-turk-dunyasi-kultur-baskentleri-dostluk-konseri> (дата обращения: 14.10.2024).

91. Kütüphane [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY). – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/kutuphane> (дата обращения: 14.10.2024)

92. TÜRKSOY'dan Türk Dünyası Şairlerine Türkiye Türkçesi Eğitimi [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY). – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/haberler/2011-02-11-turksoydan-turk-dunyasi-sairlerine-turkiye-turkcesi-egitimi> (дата обращения: 15.10.2024).

93. Hakkımızda [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/kurumumuz/hakkimizda/> (дата обращения: 19.10.2024).

94. TİKA Faaliyet Raporu 2024 [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/basin-odasi/yayinlar/tika-faaliyet-raporlari/> (дата обращения: 19.10.2024)

95. TİKA'dan Bosna-Hersek'te Ortak Kültürel Mirasın Korunmasına Destek [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/tikadan-bosna-hersekte-ortak-kulturel-mirasin-korunmasina-destek/> (дата обращения: 19.10.2024).

96. Алиева А. И. Специфика современных подходов Турецкой Республики к оказанию помощи зарубежным государствам / А. И. Алиева // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, № 1, 2017. – С. 56-92.

97. Nitelikli eğitim [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/activity/nitelikli-egitim/> (дата обращения: 20.10.2024).

98. Prestij Eserler [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/basin-odasi/yayinlar/prestij-eserler/> (дата обращения: 21.10.2024).

99. Hakkımızda, Yurtdışı Vatandaşlar [Электронный ресурс] // Управление по делам турок за рубежом и родственных общин (YTB). – Режим доступа: <https://www.ytb.gov.tr/daireler/yurtdisi-vatandaslar/> (дата обращения: 28.10.2024).

100. YTB, Osmanlı arşivlerini Filistin için açıyor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iha.com.tr/haber-ytb-osmanli-arsivlerini-filistin-icin-aciyor-468350> (дата обращения: 29.10.2024).

101. Uluslararası Öğrenciler [Электронный ресурс] // Управление по делам турок за рубежом и родственных общин (YTB). – Режим доступа: <https://www.ytb.gov.tr/daireler/uluslararasi-ogrenciler> (дата обращения: 30.10.2024).

102. Hakkımızda [Электронный ресурс] // Телеканал TRT Avaz. – Режим доступа: <https://www.trtavaz.com.tr/hakkimizda> (дата обращения: 07.11.2024).

103. TRT Avaz YouTube Kanalı [Электронный ресурс] // Официальный канал TRT Avaz на YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/@TRTAvaz> (дата обращения: 07.11.2024).

104. Ибадов Н. В. Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе / Н. В. Ибанов // Постсоветские исследования. – 1 (7), 2024. – С. 32-39.

105. Diyanet [Электронный ресурс] // Управление по делам религии Турции (Diyanet). – Режим доступа: <https://www.diyamet.gov.tr/tr-TR> (дата обращения: 09.11.2024).

106. Колесникова М. А. «Диянет» как религиозный инструмент турецкой «мягкой силы» [Электронный ресурс] / М. А. Колесникова // Журнал «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/43701> (дата обращения: 09.11.2024).

107. Kurumsal [Электронный ресурс] // Фонд Diyanet. – Режим доступа: <https://tdv.org/tr-TR/kurumsal/> (дата обращения: 10.11.2024).

108. Кудаяров К. А. Большая стратегия Турции в процессе глобальных изменений (аналитический обзор) / К. А. Кудаяров // Россия и мусульманский мир: научно-информационный бюллетень / ИНИОН РАН, Отдел Азии и Африки. – Москва, № 3 (325), 2022. – 133 с.

109. Филатов А. С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении / А. С. Филатов. – Москва: Издательство «Проспект», 2020. – 352 с.
110. Эбжноу Д. Э. Стратегическая значимость Южного Кавказа во внешней политике Республики Турция / Д. Э. Эбжноу // Власть, 6, 2024. – С. 247-254.
111. Коновалов В. Н., Погосян Г. К. Турецкий фактор в Закавказье: ретроспекция нагорно-карабахского конфликта / В. Н. Коновалов, Г. К. Погосян // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-faktor-v-zakavkazie-retrospektiya-nagorno-karabahskogo-konflikta> (дата обращения: 25.11.2024).
112. Бдоян Д. Г. Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство (2002-2017 гг.), дисс., к. истор. н., 07.00.15 / Д. Г. Бдоян. – Москва, 2017. – 216 с.
113. Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет / В. А. Аватков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14, № 5. – С. 162–176.
114. Gürcistan FETÖ Okullarını Ne Yarasak? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/kose-yazilari/fuat-ugur/gurcistan-feto-okullarini-ne-yaracak-595420> (дата обращения: 26.11.2024).
115. Türkiye'den Gürcistan'daki ihtiyaç sahibi ailelere Ramazan yardımı [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiyeden-gurcistandaki-ihtiyac-sahibi-ailelere-ramazan-yardimi/3168834> (дата обращения: 30.11.2024).
116. Diyanet İşleri Başkanı Erbaş, Gürcistan Müftüleriyle Buluştu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.haberlerturkiye.com.tr/diyanet-isleri-baskani-erbas-gurcistan-muftuleriyle-bulustu/24116> (дата обращения: 02.12.2024).
117. Алексанян Л. М. Грузия во внешней политике Турции на современном этапе, дисс., к. полит. н., 23.00.04. / Л. М. Алексанян // ФГБОУ «Дипломатическая академия МИД России», Москва, 2019. – 180 с.
118. Diyanet Isleri Baskani Erbas, Azerbaycan Dini Kurumlarla Is Üzre Devlet Komitesi Baskani Mammadov'u Kabul Etti [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://beyazgazete.com/haber/2024/5/28/diyanet-isleri-baskani-erbas-azerbaycan-dini-kurumlarla-is-uzre-devlet-komitesi-baskani-mammadov-u-kabul-etti-7079515.html>

(дата обращения: 06.12.2024).

119. Abhazya'daki Müslümanlar yüzyıllardır ayrımcılık ve şiddetle mücadele ediyor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/ayrimcilikhatti/ayrimcilik/abhazyadaki-muslimanlar-yuzyillardir-ayrimcilik-ve-siddetle-mucadele-ediyor/1815306> (дата обращения: 08.12.2024).

120. Abhazya ile ilk resmi teması Diyanet kurdu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/abhazya-ile-ilk-resmi-temasi-diyanet-kurdu-10410071> (дата обращения: 09.12.2024).

121. Начало работу совместное интернет-телевидение тюркского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://report.az/ru/media/nachalo-rabotu-sovmestnoe-internet-televidenie-tyurkskogo-mira/> (дата обращения: 13.12.2024).

122. Faghihi R. Azerbaijan-Armenia conflict raises specter of ‘pan-Turkism’ in Iran [Электронный ресурс] / R. Faghihi // Портал Middleeasteye. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/news/azerbaijan-armenia-iran-conflict-pan-turkism-azeris> (дата обращения: 16.12.2024).

123. Поэзия с провокацией: Иран ответил «разошедшемуся» в Баку Эрдогану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/11/poeziya-s-provokaciey-iran-otvetil-razoshedshemusya-v-baku-erdoganu> (дата обращения: 12.01.2025).

124. Гасанов К. Н. Турция и Азербайджан: 30 лет союзнических отношений [Электронный ресурс] / К. Н. Гасанов // Каспийский институт стратегических исследований. – Режим доступа: <https://caspien.institute/product/gasanov-kamran/turciya-i-azerbajdzhan-30-let-soyuznicheskih-otnoshenij-38030.shtml> (дата обращения: 13.01.2025).

125. США и Армения подписали соглашение о «маршруте Трампа ради мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/politics/08/08/2025/68965f3d9a79472dc6132f0f> (дата обращения: 13.08.2025).

126. Кумуков А. М., Лужанин С. Г. Стратегия Китая на Южном Кавказе [Электронный ресурс] / А. М. Кумуков, С. Г. Лужанин // Журнал «Россия в глобальной политике». – Режим доступа: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/chinas-strategy-in-south-caucasus> (дата обращения: 19.01.2025).

127. Грузия верна идее развития Среднего коридора – премьер-министр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik-georgia.ru/20240118/gruziya-verna-idee-razvitiya-srednego-koridora--premer-ministr-285732944.html> (дата обращения: 23.01.2025).

128. Çare Turan Ordusu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/care-turan-ordusu-741999> (дата обращения: 23.01.2025).

129. Пашинян заявил о возможном выходе Армении из ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/05/22/armodkb/> (дата обращения: 28.01.2025).

130. Анкара сделала первый шаг к созданию армии Великого Турана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2022-11-16/1_8591_turkey.html (дата обращения: 03.02.2025).

131. Шангараев Р. Н. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира / Р. Н. Шангараев // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ–OBSERVER, 7, 2021. – С. 70-84.

132. Полный текст исторической Шушинской декларации, подписанной между Азербайджаном и Турцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bakuinform.az/ru/news/polnyj-tekst-istoricheskoj-shushinskoj-deklaracii-podpisannoj-mezhdu-azerbajdzhanom-i-turciej> (дата обращения: 05.02.2025).

133. Президент Турции прибыл в Нахичевань по приглашению Алиева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230925/nakhichevan-1898496635.html> (дата обращения: 05.02.2025).

134. İran'ın Azerbaycan sınırındaki tatbikatıyla ilgili neler biliniyor? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-58797816> (дата обращения: 09.02.2025).

135. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (дата обращения: 10.02.2025).

136. Иванова И. И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. / И. И. Иванова // Восточная аналитика, № 4, 2020. – С. 182-206.

137. Тегеран посоветовал Анкаре поберечь курдов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2778729> (дата обращения: 10.02.2025).

138. Ближневосточные туркмены. Тюркский фактор в Ираке и Сирии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/87010-blizhnevostochnyye-turkmeny-tyurkskiy-faktor-v-irake-i-sirii.html> (дата обращения: 10.02.2025).

139. Турция будет вести разведку нефтяных месторождений в Северном Ираке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20150302/1050414143.html> (дата обращения: 10.02.2025).

140. Как им обустроить Южный Кавказ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6296366> (дата обращения: 18.02.2025).

141. Казахстанский судостроительный завод планируют продать турецкому инвестору [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://exclusive.kz/kazahstanskij-sudostroitelnyj-zavod-planirujut-prodat-tureckomu-investoru/> (дата обращения: 23.08.2025).

142. Казахстан продвигает Турцию в Каспийский бассейн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/kazakhstan-prodvigaet-turtsiyu-v-kaspiyskiy-basseyn/> (дата обращения: 23.08.2025).

143. Павленко Ю. В., Парахонский Б. А. Черноморский регион как зона цивилизационного стыка и место в нем Крыма / Ю. В. Павленко, Б. А.

Парахонский // Цивилизационная структура современного мира, том 2 – Макрохристианский мир в эпоху глобализации. – Киев: Наукова думка НАН Украины, 2007. – 692 с.

144. Глава Минэнерго: Турция становится энергетическим хабом региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/economics/2024/08/21/p-glava-minenergo-turciya-stanovitsya-energeticheskim-habom-regiona.html> (дата обращения: 20.02.2025).

145. Азербайджан увеличил экспорт газа в Италию более чем на 20% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.az/economy/azerbajdzhan-velichil-eksport-gaza-v-italiyu-bolee-chem-na-20> (дата обращения: 20.02.2025).

146. Пресс-релиз о вступлении Турции в должность действующего председателя Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) №: 161, 1 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Посольство Турции в Российской Федерации. – Режим доступа: <https://moscow-emb.mfa.gov.tr/Mission/ShowAnnouncement/403985> (дата обращения: 23.02.2025).

147. Вартаньян Э. Г. Россия и Турция: взаимодействие в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества / Э. Г. Вартаньян // Научный диалог. – № 5, 2018. – С. 165-178.

148. Лазар Команеску: Турция – один из ключевых игроков ОЧЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/лазар-команеску-турция-один-из-ключевых-игроков-очэс/2930841> (дата обращения: 24.02.2025).

149. Турция не пропустила три российских корабля через Босфор и Дарданеллы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/621e9b5a9a794737f771a7f2> (дата обращения: 27.02.2025).

150. Шангараев Р. Н. Россия во внешней политике Турции, дисс., д. полит. н., 5.5.4 / Р. Н. Шангараев. – Москва, 2022. – 360 с.

151. Эрдоган Р. Т. Широкий взгляд на Большой Ближний Восток [Электронный ресурс] / Р. Т. Эрдоган // «Россия в глобальной политике». – [Режим

доступа]: <https://globalaffairs.ru/articles/shirokij-vzglyad-na-bolshoj-blizhnij-vostok/> (дата обращения: 04.03.2025).

152. Аватков В. А. «Арабская весна» по-турецки [Электронный ресурс] / В. А. Аватков // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskaya-vesna-po-turetski/> (дата обращения: 06.03.2025).

153. Свистунова И. А. Внешняя политика России и Турции в условиях «Арабской весны» [Электронный ресурс] / И. А. Свистунова // Сайт МГИМО. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/cb5/cb5ceaab685d0d3eb49fd7b8ad264c7c.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).

154. Sandano I. A. Change in Turkish foreign policy toward the Middle East [Электронный ресурс] / I. A. Sandano // Dailysabah.com. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/change-in-turkish-foreign-policy-toward-the-middle-east> (дата обращения: 07.03.2025).

155. Гасанов К. Н. Мирный план Эрдогана по Ближнему Востоку и интересы России [Электронный ресурс] / К. Н. Гасанов // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirnyy-plan-erdogana-po-blizhnemu-vostoku-i-interesy-rossii/> (дата обращения: 09.03.2025).

156. Исаев А. Американцы уходят с Ближнего Востока – как бы уходят [Электронный ресурс] / А. Исаев // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/34601> (дата обращения: 10.03.2025).

157. Сучков М. От Потомака до Евфрата: будущее американской внешней политики на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] / М. Сучков // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-potomaka-do-efrata-budushchee-amerikanskoy-vneshney-politiki-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 14.03.2025).

158. Костюков И. О. Действия и планы США по наращиванию военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс] / И. О.

Костюков // Военно-теоретический журнал «Военная Мысль». – Режим доступа: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/505152/> (дата обращения: 15.03.2025).

159. О Большой Евразии [Электронный ресурс] // Сообщество «Большая Евразия». – Режим доступа: <https://gea.site/about/> (дата обращения: 16.03.2025).

160. Евразийский план против проекта «Большой Ближний Восток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iarex.ru/articles/70233.html> (дата обращения: 17.03.2025).

161. Страны ОПЕК+ договорились о дополнительном сокращении добычи нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/30/11/2023/6568767b9a79473ba0149c70> (дата обращения: 17.03.2025).

162. Сваранц А. Особенности экономического сотрудничества между Турцией и Китаем [Электронный ресурс] / А. Сваранц // «Новое Восточное Обозрение». – Режим доступа: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/20/osobennosti-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-mezhdu-turcziej-i-kitaem/> (дата обращения: 19.03.2025).

163. Иванов В. И. Военное присутствие КНР на Ближнем Востоке расширяется осмотрительно [Электронный ресурс] / В. И. Иванов // Независимое военное обозрение. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-11-09/1_1261_east.html (дата обращения: 23.03.2025).

164. Türkiye's TİKA initiates cultural heritage restoration in Syria [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/turkiye/turkiyes-tika-initiates-cultural-heritage-restoration-in-syria/news> (дата обращения: 23.03.2025).

165. Белоус Ю. А., Горюшина Е. М., Кулиева Н. С. Роль ТІКА в реализации гуманитарного направления внешней политики Турции в период правления ПСР (2002–2023 гг.) / Ю. А. Белоус, Е. М. Горюшина, Н. С. Кулиева // Мировая экономика и международные отношения, Т. 68, № 6, 2024. – С. 129-138.

166. Irak – Bağdat Program Koordinasyon Ofisi [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА). – Режим доступа:

<https://tika.gov.tr/office/irak-bagdat-program-koordinasyon-ofisi/> (дата обращения: 28.03.2025).

167. Lübnan Yunus Emre Enstitüsü [Электронный ресурс] // Институт имени Юнуса Эмре, Ливан. – Режим доступа: <https://lubnan.yee.org.tr/tr> (дата обращения: 28.03.2025).

168. Ürdün Yunus Emre Enstitüsü [Электронный ресурс] // Институт имени Юнуса Эмре, Иордания. – Режим доступа: <https://urdun.yee.org.tr/tr> (дата обращения: 28.03.2025).

169. Колесников А. А., Урпер М. «Туркоманский фактор» политики Турции на сирийском направлении [Электронный ресурс] / А. А. Колесников, М. Урпер // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/40638> (дата обращения: 31.03.2025).

170. Отчеты о деятельности ТІКА [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/basin-odasi/yayinlar/tika-faaliyet-raporlari/> (дата обращения: 01.04.2025).

171. «Израиль – оккупант, резня в Газе – детище Запада». Что сказал Эрдоган на митинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/10/28/17796175.shtml> (дата обращения: 04.04.2025).

172. Эрдоган обсудил ситуацию в секторе Газа с папой римским [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/927705> (дата обращения: 04.04.2025).

173. Erdoğan'ın Çin ziyaretinde gündem Uygurlar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t24.com.tr/haber/erdoganin-cin-ziyaretinde-gundem-uygurlar,304508> (дата обращения: 05.04.2025).

174. Erdoğan accuses Myanmar of «genocide» as thousands of Rohingya flee to Bangladesh [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/02/erdogan-accuses-myanmar-of-genocide-against-rohingya> (дата обращения: 05.04.2025).

175. Ayasofya: Camiye çevrilmesi kararına uluslararası toplum ve dış basın ne tepki verdi? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-53369662> (дата обращения: 06.04.2025).

176. Щегловин Ю. Б. Об отношениях Турции с «Братьями-мусульманами» на фоне потепления отношений с Египтом [Электронный ресурс] / Ю. Б. Щегловин // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=106427> (дата обращения: 09.04.2025).

177. Исаев Г. «Братья-мусульмане» в арабском мире в 2011–2014 гг.: от триумфа к катастрофе [Электронный ресурс] / Г. Исаев // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bratya-musulmane-v-arabskom-mire-v-2011-2014-gg-ot-triumfa-k/> (дата обращения: 09.04.2025).

178. Шмелева Т. А. Почему Саудовская Аравия выступает против «Братьев-мусульман»? [Электронный ресурс] / Т. А. Шмелева // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=44999> (дата обращения: 09.04.2025).

179. Наумкин В. Политический ислам на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] / В. Наумкин // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/politicheskiy-islam-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 10.04.2025).

180. Эрдоган: Турция видит в ХАМАС не террористов, а «освободительную группировку» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/25/erdogan-turciia-vidit-v-hamas-ne-terroristov-a-osvoboditelnuiu-gruppirovku.html> (дата обращения: 12.04.2025).

181. Турция разорвала отношения с Израилем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20241113/turtsija-1983518724.html> (дата обращения: 12.04.2025).

182. Шлыков П. В. Популизм в политической культуре Турции: внешнеполитическое измерение / П. В. Шлыков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика, Т. 13, 2021. – С. 126-170.

183. Зубкова А. И. «Везде Таксим, везде сопротивление: политический анализ протестов в Турции» / А. И. Зубкова // Вестник РУДН, серия Политология, № 4, 2013. – С. 66-75.

184. Инсель А. Новая Турция Эрдогана. От мечты о демократии к отклонению в авторитаризм [Электронный ресурс] / А. Инсель // Портал Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-turtsiya-erdogana-ot-mechty-o-demokratii-k-otklonenyu-v-avtoritarizm> (дата обращения: 15.04.2025).

185. Курдофобия Эрдогана в цитатах, цифрах и фактах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/147213> (дата обращения: 17.04.2025).

186. Президент Турции снова обвинил США в поддержке курдов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3751234> (дата обращения: 17.04.2025).

187. Осипян А. О. Перспективы турецко-катарских двусторонних отношений [Электронный ресурс] / А. О. Осипян // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <https://www.iimes.ru/?p=63566> (дата обращения: 19.04.2025).

188. Türk savunma sanayiinden 10 milyar dolarlık ihracat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.defenceturk.net/turk-savunma-sanayiinden-10-milyar-dolarlik-ihracat> (дата обращения: 13.02.2026).

189. How Saudi Arabia and UAE learned to stop worrying and love Turkey's Bayraktar drones [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/saudi-arabia-uae-defense-arms-sales-turkey-bayraktar-drones-2023-8> (дата обращения: 19.04.2025).

190. В мире растет спрос на продукцию турецкого ВПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yenisafak.com/ru/technology/26797> (дата обращения: 19.04.2025).

191. Колесникова М. А. ВПК Турции. Современный контекст [Электронный ресурс] / М. А. Колесникова // «Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/48241> (дата обращения: 19.04.2025).

192. Аватков В. А., Гузаеров Р. И. Сирийский кризис во внешней политике Турции / В. А. Аватков, Р. И. Гузаеров // Пути к миру и безопасности, № 1 (64), 2023. – С. 111-125.

193. Встреча Министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу с Председателем Иракского туркменского фронта Хасаном Тураном, 25 апреля 2023 года, Анкара [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-irak-turkmen-cephesi-baskani-hasan-turan-la-gorusmesi--25-nisan-2023--ankara.ru.mfa> (дата обращения: 22.04.2025).

194. Давутоглу: отчуждение суннитов в Ираке привело к успеху ИГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20141120/1034297876.html> (дата обращения: 23.04.2025).

195. Фролов А. Турция – Сирия: метаморфозы ближневосточной политики / А. Фролов // Пути к миру и безопасности, № 1 (48), 2015. – С. 119-132.

196. TANAP [Электронный ресурс] // Трансанатолийский газопровод (TANAP). – Режим доступа: <https://www.tanap.com/tanap-projesi> (дата обращения: 27.04.2025).

197. Devam Eden Uluslararası Projeler [Электронный ресурс] // Limak. – Режим доступа: <https://www.limak.com.tr/sektorler/insaat/projeler/uluslararasi> (дата обращения: 27.04.2025).

198. Iranian, Turkish Banks to Use National Currencies in Bilateral Trade: Official [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2018/07/30/1789737/iranian-turkish-banks-to-use-national-currencies-in-bilateral-trade-official> (дата обращения: 02.05.2025).

199. Эрдоган заявил, что Турция и Россия договорились о переходе к торговле в рублях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/15412127> (дата обращения: 02.05.2025).

200. TGRT сообщил об аренде Турцией на 99 лет ливийского порта для военной базы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18526605> (дата обращения: 05.05.2025).

201. Гасанов К. Н. Мирный план Эрдогана по Ближнему Востоку и интересы России [Электронный ресурс] / К. Н. Гасанов // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirnyy-plan-erdogana-po-blizhnemu-vostoku-i-interesy-rossii/> (дата обращения: 05.05.2025).

202. Президент Турции прибыл с первым за пять лет визитом в Саудовскую Аравию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14511025> (дата обращения: 11.05.2025).

203. ОАЭ выделили \$10 млрд для инвестиций в Турцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/13013199> (дата обращения: 11.05.2025).

204. Saudi Arabia deposits \$5 bln in Turkey's central bank - statement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-deposits-5-bln-turkeys-central-bank-statement-2023-03-06/> (дата обращения: 11.05.2025).

205. Барнашов О. В., Данилов В. А., Малаховский А. К., Шпаковская М. А. Турецко-израильские отношения: партнерство, проблемы, перспективы / О. В. Барнашов, В. А. Данилов, А. К. Малаховский, М. А. Шпаковская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 23, № 4, 2023. – С. 704-718.

206. Нетаньяху: улучшение отношений Израиля с Саудовской Аравией станет «гигантским скачком» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/04/17/20233429.shtml> (дата обращения: 11.05.2025).

207. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Kalkınma Yolu Projesi'ni bölgemizin yeni İpek Yolu haline dönüştüreceğimize inanıyorum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskani-erdogan-kalkinma-yolu-projesini-bolgemizin-yeni-ipek-yolu-haline-donusturecegimize-inaniyorum/2851896> (дата обращения: 14.05.2025).

208. В Ираке представили проект, который может составить конкуренцию Суэцкому каналу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17860813> (дата обращения: 14.05.2025).

209. Турция подала заявку на полноформатное участие в БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240904/briks-1970494105.html> (дата обращения: 18.05.2025).

210. Курды символически простятся с оружием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7873616> (дата обращения: 13.07.2025).

211. Эрдоган передал в парламент мандат о продлении на два года полномочий ВС в Сирии и Ираке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18919659> (дата обращения: 18.05.2025).

212. Vakıfbank'tan Çin'den 3 Yıllık 555 Milyon Dolar Kredi Anlaşması [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldofturkiye.com/ekonomi/vakifbanktan-cinden-3-yillik-555-milyon-dolar-kredi-anlasmasi/> (дата обращения: 18.05.2025).

213. Эрдоган обвинил Запад в лицемерии и молчаливом наблюдении за «резней в Газе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19241015> (дата обращения: 18.05.2025).

214. Erdogan in UNGA address calls Kashmir conflict 'a burning issue' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/1581209> (дата обращения: 20.05.2025).

215. Турция подала иск к Нетаньяху с обвинением в геноциде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231114/isk-1909439996.html> (дата обращения: 20.05.2025).

216. Околи А. Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля) / А. Ч. Околи // Ученые записки Института Африки РАН, № 2, 2024. – С. 118-133.

217. Богуславский А. Турция: «прыжок» в Африку [Электронный ресурс] / А. Богуславский // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим

доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-pryzhok-v-afriku/> (дата обращения: 23.05.2025).

218. Носков А. Ю. Об экономических отношениях Алжира и Турции [Электронный ресурс] / А. Ю. Носков // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=34288> (дата обращения: 23.05.2025).

219. Аватков В. А., Томилова Ю. О. Перспективы становления Турции в качестве ведущего игрока на африканском континенте / В. А. Аватков, Ю. О. Томилова // Вестник МГИМО-Университета, 4 (31), 2013. – С. 227-233.

220. Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке / Ягья В. С., Колесникова М. А. // Сравнительная политика, № 1, 2018. – С. 37-59.

221. Türkiye-Afrika İlişkileri [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-afrika-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 31.05.2025).

222. Алексанян Л. М. Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) / Л. М. Алексанян // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика, № 2, 2023. – С. 67-80.

223. Гончаров В. О турецкой экспансии в Африке. Часть вторая: Основные направления и инструменты турецкой политики в Африке [Электронный ресурс] / В. Гончаров // «Новое Восточное Обозрение». – Режим доступа: <https://journal-neo.su/ru/2024/06/07/o-tureczkoj-ekspansii-v-afrike-chast-vtoraya-osnovnyie-napravleniya-i-instrumenty-tureczkoj-politiki-v-afrike/> (дата обращения: 03.06.2025).

224. Turkish firms undertake over \$85 billion projects in Africa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkish-firms-undertake-over-85-billion-projects-in-africa> (дата обращения: 07.06.2025).

225. Who we are [Электронный ресурс] // Karpowership. – Режим доступа: <https://www.karpowership.com/about> (дата обращения: 08.06.2025).

226. Faaliyetlerimiz [Электронный ресурс] // Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). – Режим доступа: <https://tika.gov.tr/faaliyetlerimiz/> (дата обращения: 08.06.2025).

227. Erdoğan calls for a fairer world, urges Africa to act together [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/erdogan-calls-for-a-fairer-world-urges-africa-to-act-together> (дата обращения: 09.06.2025).

228. Turkey's Erdogan puts Europe's colonial past at heart of pivot to Africa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/turkeys-erdogan-puts-europes-colonial-past-at-heart-of-pivot-to-africa/> (дата обращения: 15.06.2025).

229. Свистунова И. А. Турция: кандидат на членство в Совете Безопасности ООН / И. А. Свистунова // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <https://www.iimes.ru/?p=12702> (дата обращения: 09.06.2025).

230. Turkish aid agency restores Ottoman-era building in Ethiopia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/history/2016/12/16/turkish-aid-agency-restores-ottoman-era-building-in-ethiopia> (дата обращения: 09.06.2025).

231. Afrika'da Osmanlı İzleri [Электронный ресурс] // Официальный канал Kanal 7 Haber на YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wMfDPH-sOaE> (дата обращения: 12.06.2025).

232. Хакан Фидан: Турция во время председательства в ОИС продолжит противостоять угнетению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/хакан-фидан-турция-во-время-председательства-в-оис-продолжит-противостоять-угнетению/3606798> (дата обращения: 15.07.2025).

233. Afrika [Электронный ресурс] // Управление по делам религии Турции (Diyanet). – Режим доступа: <https://diyanet.gov.tr/tr-TR/Search/Index?q=afrika> (дата обращения: 19.06.2025).

234. Тепе А. О политике Турецкой Республики в регионе Красного моря и Африканского Рога в контексте ее соперничества с другими исламскими государствами / А. Тепе // Исламоведение. Т. 12, № 1, 2021. – С. 55-67.

235. Габриелян А. О планах Турции создать военную базу в Судане [Электронный ресурс] / А. Габриелян // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <https://www.iimes.ru/?p=40343> (дата обращения: 19.06.2025).

236. Путин поручил Минобороны подписать соглашение о создании пункта обеспечения ВМФ в Судане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/10017095> (дата обращения: 19.06.2025).

237. Бочаров И. Турецкая карта в ливийском конфликте [Электронный ресурс] / И. Бочаров // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/turetskaya-karta-v-liviyskom-konflikte/> (дата обращения: 27.06.2025).

238. Капошин О. А. Турецкие прокси как инструмент реализации политических целей Анкары. Часть 2 [Электронный ресурс] / О. А. Капошин // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=75737> (дата обращения: 27.06.2025).

239. Миргород Д. Кризис в Ливии – непростая задача для Египта [Электронный ресурс] / Д. Миргород // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/krizis-v-livii-neprostaya-zadacha-dlya-egipta/> (дата обращения: 27.06.2025).

240. Vial A.-S., Bouvier E. Türkiye, the new regional power in Africa (3/3). A military presence that is now greater than that of the former European powers [Электронный ресурс] / A.-S. Vial, E. Bouvier // Les clés du Moyen-Orient. – Режим доступа: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Turkiye-the-new-regional-power-in-Africa-3-3-A-military-presence-that-is-now.html> (дата обращения: 29.06.2025).

241. Участникам 36-й Ассамблеи глав государств и правительств стран – членов Африканского союза [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/copy/70553> (дата обращения: 30.06.2025).

242. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 30.06.2025).

243. Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху (ноябрь 2021 г.) [Электронный ресурс] // Государственный совет КНР. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.html (дата обращения: 01.07.2025).

244. Янькова А. Интересы Китая в Африке [Электронный ресурс] / А. Янькова // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 03.07.2025).

245. Щегловин Ю. Б. Об африканской политике Турции при президенте Р. Т. Эрдогане [Электронный ресурс] / Ю. Б. Щегловин // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <https://www.iimes.ru/?p=80560> (дата обращения: 01.07.2025).

246. Панин Н. Африканские стратегии: сопоставление подходов ключевых игроков на континенте на современном этапе [Электронный ресурс] / Н. Панин // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrikanskie-strategii-sopostavlenie-podkhodov-klyuchevykh-igrokov-na-kontinente-na-sovremennom-etape/> (дата обращения: 02.07.2025).

247. Thurston A. Africans see hypocrisy in US policy on Israel in Gaza [Электронный ресурс] / A. Thurston // Responsible Statecraft. – Режим доступа: <https://responsiblestatecraft.org/africa-israel-gaza/> (дата обращения: 02.07.2025).

248. «Новые уникальные подразделения»: что такое «Африканский Корпус» России, набор и выплаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://korporafrika.ru/tpost/oz4z08oas1-novie-unikalnie-podrazdeleniya-chto-tako> (дата обращения: 02.07.2025).

249. Spykman N. J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power [Электронный ресурс] / N. J. Spykman // Сервис Archive.org. – Режим доступа: <https://archive.org/details/spykman-nicholas-j.-americas-strategy-in-world-politics-1942> (дата обращения: 04.07.2025).

250. Spykman N. J. The Geography of the Peace [Электронный ресурс] / N. J. Spykman // Сервис Z-library.sk. – Режим доступа: <https://z->

library.sk/book/26500850/c63f29/the-geography-of-the-peace.html (дата обращения: 05.07.2025).

251. Container Port Traffic by Country 2025 [Электронный ресурс] // Worldpopulationreview. – Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/container-port-traffic-by-country> (дата обращения: 17.11.2025).

252. 2025 Military Strength Ranking 2025 [Электронный ресурс] // Globalfirepower. – Режим доступа: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 17.11.2025).

253. Overseas Military Bases by Country 2025 [Электронный ресурс] // World Population Review. – Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/overseas-military-bases-by-country> (дата обращения: 07.07.2025).

254. Пономарева Е. Г., Арляпова Е. С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, точки опоры, ограничения / Е. Г. Пономарева, Е. С. Арляпова // Ближний и Постсоветский Восток. – № 4 (4), 2023. – С. 18-41.

255. Полный текст доклада «Военная гегемония США: истоки, факты и опасности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.news.cn/20230907/2769889da1b6471896ff7fd8f69d063a/c.html> (дата обращения: 07.07.2025).

256. Federal Aviation Administration [Электронный ресурс] // Министерство транспорта США. – Режим доступа: <https://www.faa.gov/> (дата обращения: 08.07.2025).

257. Alcatel Submarine Networks, Elettra Tlc, Medusa and Orange announce the beginning of the construction of Medusa Submarine Cable System in the Mediterranean Sea [Электронный ресурс] // Mediterranean Subsea Infrastructure Operator. – Режим доступа: <https://medusasc.com/news/alcatel-submarine-networks-elettra-trlc-medusa-and-orange-announce-the-beginning-of-the-construction-of-medusa-submarine-cable-system-in-the-mediterranean-sea/> (дата обращения 08.07.2025).

258. European Space Agency [Электронный ресурс] // Европейское космическое агентство. – Режим доступа: <https://www.esa.int/> (дата обращения: 08.07.2025).

259. Eutelsat and OneWeb combination heralds new era in space connectivity as world's first GEO-LEO operator [Электронный ресурс] // Eutelsat. – Режим доступа: <https://www.eutelsat.com/en/news/press.html#/pressreleases/eutelsat-and-oneweb-combination-heralds-new-era-in-space-connectivity-as-worlds-first-geo-leo-operator-3276261> (дата обращения: 08.07.2025).

260. Türkiye sanayi sektörü salgının olumsuz etkilerini üzerinden atmaya devam ediyor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-sanayi-sektoru-salginin-olumsuz-etkilerini-uzerinden-atmaya-devam-ediyor/2108480> (дата обращения: 08.07.2025).

261. Yaba M., Yılmaz M. Dünyada ve Türkiye’de Covid-19 Salgınının Turizm Sektörü Üzerine Etkisinin Araştırılması: 2019-2020 Yılları / M. Yaba, M. Yılmaz // UJOSS, 46 (1). – С. 139-148.

262. Asal U. Y., Macar O. D. Covid-19 ile uluslararası ilişkileri yeniden düşünmek: tarih, ekonomi ve siyaset ekseninde bir değerlendirme / U. Y. Asal, O. D. Macar // İstanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi Covid-19 Sosyal Bilimler Özel Sayısı. – Sayı: 37, Bahar (Özel Ek), Yıl: 19. – С. 222-239.

263. Turkey’s Turkic Gambit: Balancing Influence in Post-Soviet States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://timesca.com/turkeys-turkic-gambit-balancing-influence-in-russias-backyard/> (дата обращения: 09.07.2025).

264. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / П. Кеннеди. – Перевод с англ. языка: Е. Калугин (гл. 1-6, эпилог, примечания) и М. Леонович (гл. 7-8), предисловие В. Рыжкова. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2018. – 848 с.

265. Макнилл У. В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / У. Макнилл. – Перевод с англ. языка: Т. Ованнисян. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. – 456 с.

266. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Р. Коллинз. – Перевод с англ. языка, послесловие: Н. С. Розова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.

267. Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая / Т. Скочпол. – Перевод с англ. языка: С. Моисеев, под научной редакцией Д. Карасева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 552 с.

268. Turkey Inflation Calculator [Электронный ресурс] // Портал Official data. – Режим доступа: <https://www.officialdata.org/turkey/inflation> (дата обращения: 10.07.2025).

269. Consumer Price Index Calculator [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центробанка Турции (Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası). – Режим доступа: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/EN/TCMB+EN/Main+Menu/Statistics/Inflation+Data/Consumer+Prices> (дата обращения: 10.07.2025).

270. Domestic Producer Price Index [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центробанка Турции (Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası). – Режим доступа: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/EN/TCMB+EN/Main+Menu/Statistics/Inflation+Data/Producer+Prices> (дата обращения: 10.07.2025).

271. Государственный долг, Турция [Электронный ресурс] // Портал Statbase. – Режим доступа: <https://statbase.ru/data/tur-government-gross-debt-gdp-share/> (дата обращения: 11.07.2025).

272. Внутренний валовый продукт Турции [Электронный ресурс] // Портал Statbase. – Режим доступа: <https://statbase.ru/data/tur-gdp-imf-data/> (дата обращения: 11.07.2025).

273. Turkey GDP YoY [Электронный ресурс] // Портал Tradingview. – Режим доступа: <https://ru.tradingview.com/symbols/ECONOMICS-TRGDPYY/?timeframe=ALL> (дата обращения: 11.07.2025).

274. Turkey Government budget deficit [Электронный ресурс] // Портал Countryeconomy. – Режим доступа: <https://countryeconomy.com/deficit/turkey> (дата обращения: 12.07.2025).

275. Военные расходы Турции [Электронный ресурс] // Портал Statbase. – Режим доступа: <https://statbase.ru/data/tur-military-expenditure/> (дата обращения: 11.02.2026).

276. Митряйкина А. О. Динамика конкуренции между топливными ресурсами в условиях ослабления реализации экологических инициатив / А. О. Митряйкина // Экономика строительства, № 4, 2025. – С. 261-264.

277. International [Электронный ресурс] // Управление энергетической информации США (EIA). – Режим доступа: <https://www.eia.gov/international/data/world/petroleum-and-other-liquids/annual-petroleum-and-other-liquids-production> (дата обращения: 12.02.2026).

278. UN Comtrade database [Электронный ресурс] // Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 12.02.2026).

279. Chapter 3: Oil and Oil Products. Digest of UK Energy Statistics Annual data for UK, 2024 [Электронный ресурс] // Министерство энергетической безопасности и достижения углеродной нейтральности (DESNZ). – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/68dbe477ef1c2f72bc1e4c4d/DUKES_2025_Chapters_1-7.pdf (дата обращения: 12.02.2026). – 8 с.

280. Petrol piyasası 2024 yılı sektör raporu [Электронный ресурс] // Управление по регулированию энергетического рынка Турции (EPDK). – Режим доступа: <https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/5-16060/2024-yili-sektor-raporlari-yayimlanmistir> (дата обращения: 12.02.2026). – 77 с.

281. Turkey – Oil and Gas [Электронный ресурс] // Управление международной торговли Министерства торговли США. – Режим доступа: <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-turkey-oil-and-gas> (дата обращения: 12.02.2026).

282. Эрдоган объяснил, почему Турция не может отказаться от России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/19/17768432.shtml> (дата обращения: 16.07.2025).

283. Угольные ТЭС в Турции стали сильнее зависеть от импорта сырья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalenergyprize.org/ru/2024/09/07>

</jelektrojenergetika-turcii-stala-silnee-zaviset-ot-importa-uglja/> (дата обращения: 16.07.2025).

284. Угольная промышленность Турции [Электронный ресурс] // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России. – Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2024/7/1298/ (дата обращения: 16.07.2025).

285. Турция повысила цены на газ и электроэнергию, оправдываясь «идеальным штормом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/01/turciya-povysila-ceny-na-gaz-i-elektroenergiyu-opravdyvayas-idealnym-shtormom> (дата обращения: 16.07.2025).

286. Annual data [Электронный ресурс] // Национальное бюро статистики КНР. – Режим доступа: <https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/annualdata/> (дата обращения: 10.02.2026).

287. Development of China's natural gas: Review 2023 and outlook 2024 [Электронный ресурс] // Китайская национальная инфраструктура знаний. – Режим доступа: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CAPJ&dbname=CAPJLAST&filename=TRQG20240206001&uniplatform=OVERSEA&v=8xsT9mdy9KbCl3UW-9yKi8HjE3QrLJEiDNz5HWl0m3ep_epsbDp5lOdnHNkOyzwE (дата обращения: 10.02.2026).

288. France [Электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство. – Режим доступа: <https://www.iea.org/countries/france> (дата обращения: 10.02.2026).

289. United Kingdom [Электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство. – Режим доступа: <https://www.iea.org/countries/united-kingdom> (дата обращения: 10.02.2026).

290. История проекта АЭС «Аккую» [Электронный ресурс] // Akkuyu nükleer. – Режим доступа: <https://akkuyu.com/ru/about/history> (дата обращения: 19.07.2025).

291. Reactor Database: Summary [Электронный ресурс] // Всемирная ядерная ассоциация. – Режим доступа: <https://world-nuclear.org/nuclear-reactor-database/summary> (дата обращения: 10.02.2026).

292. В Китае построят 11 новых энергоблоков на пяти АЭС [Электронный ресурс] // Страна Росатом. – <https://strana-rosatom.ru/2024/08/26/v-kitae-postroyat/> (дата обращения: 19.07.2025).

293. Renewable Energy Statistics 2024 [Электронный ресурс] // Международное агентство по возобновляемым источникам энергии. – Режим доступа: <https://www.irena.org/Publications/2024/Jul/Renewable-energy-statistics-2024> (дата обращения: 10.02.2026).

294. Малкомсон С. Почему те, кто больше других выиграл от глобализации, сегодня стремятся к самодостаточности [Электронный ресурс] / С. Малкомсон // «Россия в глобальной политике». – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/novyj-vek-avtarkii/> (дата обращения: 22.07.2025).

295. Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration [Электронный ресурс] / A. Alesina, E. Spolaore, R. Wacziarg // National Bureau of Economic Research. – Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w6163> (дата обращения: 24.07.2025).

296. Малинецкий Г. Г. Российская цивилизация: смыслы, ценности, будущее. Тезисы [Электронный ресурс] / Г. Г. Малинецкий // Институт философии РАН. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2019/17_10_2019/malinetskiy.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

297. Макроэкономический доклад – 2022 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf (дата обращения: 24.07.2025)

298. Population [Электронный ресурс] // Бюро переписи населения США. – Режим доступа: <https://www.census.gov/topics/population.html> (дата обращения: 09.02.2026).

299. China Population [Электронный ресурс] // Worldometer. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/china-population/> (дата обращения: 09.02.2026).

300. Countries in the EU by population [Электронный ресурс] // Worldometer. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/population/countries-in-the-eu-by-population/> (дата обращения: 09.02.2026).

301. Росстат назвал численность россиян к началу 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2025/679ceb1f9a794739d6fa3ad1> (дата обращения: 09.02.2026).

302. Uzbekistan Population [Электронный ресурс] // Worldometer. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/uzbekistan-population/> (дата обращения: 09.02.2026).

303. Tajikistan Population [Электронный ресурс] // Worldometer. – Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/tajikistan-population/> (дата обращения: 09.02.2026).

304. Путин рассказал о сотрудничестве Узбекистана и Таджикистана с ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230525/putin-1874118188.html> (дата обращения: 26.07.2025).

305. Апинян Д. С., Суаян К. Г. ЕАЭС и Китай: партнерство в современных условиях / Д. С. Апинян, К. Г. Суаян // Российский внешнеэкономический вестник, № 9, 2024. – С. 30-41.

306. Чобанян Е. Выборы в Турции 2023: к чему стоит готовиться? [Электронный ресурс] / Е. Чобанян // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/middle-east/vybory-v-turtsii-2023-k-chemu-stoit-gotovitsya/> (дата обращения: 28.07.2025).

307. Ekonominin yeni rotası açıklandı... İşte yeni OVP: Türkiye ekonomisinin 2025 büyüme beklentisi açıklandı [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.posta.com.tr/ekonomi/cumhurbaskani-yardimcisi-yilmazdan-ovp-aciklamasi-iste-turkiye-ekonomisinin-yeni-yol-haritasi-2747572> (дата обращения: 28.07.2025).

308. Savunma Sanayiinde Yerlilik Oranı Yüzde 80'e Ulaştı [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sondakika.com/politika/haber-savunma-sanayiinde-yerlilik-orani-yuzde-80-e-ulast-17903838/> (дата обращения: 28.07.2025).

309. Эрдоган: Турция превратилась в потенциальный центр экспорта энергоресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24084381> (дата обращения: 28.07.2025).

310. Опыт Турции в сфере стандартизации вывел ее в лидеры отрасли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/опыт-турции-в-сфере-стандартизации-вывел-ее-в-лидеры-отрасли-/1493050> (дата обращения: 31.07.2025).

311. Press Release on Central Bank Digital Turkish Lira R&D Project [Электронный ресурс] // Центральный Банк Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/EN/TCMB%20EN/Main%20Menu/Announcements/Press%20Releases/2021/ANO2021-40> (дата обращения: 31.07.2025).

312. Турецкая платежная система намерена создать единую инфраструктуру кошелька для тюркских стран (Эксклюзив) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.trend.az/business/it/3853478.html> (дата обращения: 01.08.2025).

313. Центральная Азия смещается на восток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5653582> (дата обращения: 01.08.2025).

314. Технологическое развитие Турции: глобальная зависимость или трудный путь к суверенитету? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://repost.press/news/tehnologicheskoe-razvitie-turcii-globalnaya-zavisimost-ili-trudnyj-put-k-suverenitetu> (дата обращения: 01.08.2025).

315. В Турции острейший финансовый кризис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2001/02/21/turkey/> (дата обращения: 02.08.2025).

316. Ульченко Н. Ю. Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты, дисс., д. экон. н., 08.00.14 / Н. Ю. Ульченко // Ин-т Африки РАН. – Москва, 2016. – 430 с.

317. GDP (current US\$) – Türkiye [Электронный ресурс] // Всемирный банк. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=TR> (дата обращения: 03.08.2025).

318. Turizm İstatistikleri, IV. Çeyrek: Ekim-Aralık ve Yıllık, 2025 [Электронный ресурс] // Турецкий институт статистики. – Режим доступа: <https://veriportali.tuik.gov.tr/tr/press/54158> (дата обращения: 13.02.2026).

319. Опрос показывает падение доверия к Эрдогану и судебной системе Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/politics/2018/11/21/mopn-opros-pokazyvaet-padenie-doveriya-k.html> (дата обращения: 04.08.2025).

320. Турция впервые за 10 лет переживает рецессию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/03/11/796116-turtsiya-10-retsessiyu> (дата обращения: 04.08.2025).

321. Опрос: Рейтинг одобрения Эрдогана резко упал с прошлого года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/politics/2019/09/05/mo-opros-rejting-odobreniya-erdogana-rezko-upal-s-proshlogo.html> (дата обращения: 04.08.2025).

322. В Турции уровень одобрения Эрдогана упал до самого низкого уровня, зафиксированного с октября 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/life/2020/02/07/mo-v-turcii-uroven-odobreniya-erdogana.html> (дата обращения: 04.08.2025).

323. Опрос: больше половины граждан Турции не поддерживают политику Эрдогана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/13501713> (дата обращения: 04.08.2025).

324. Erdogan Faces Considerable Headwinds in Reelection Bid [Электронный ресурс] // Институт Гэллопа (American Institute of Public Opinion). – Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/505406/erdogan-faces-considerable-headwinds-reelection-bid.aspx> (дата обращения: 05.08.2025).

325. Seçim Arşivi [Электронный ресурс] // Высший избирательный совет Турции. – Режим доступа: <https://ysk.gov.tr/tr/secim-arsivi/2612> (дата обращения: 06.08.2025).

326. Панкратенко И. Турецкая «чистка» [Электронный ресурс] / И. Панкратенко // Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы «Столетие». – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/tureckaja_chistka_697.htm (дата обращения: 07.08.2025).

327. Мятежник или проповедник: кто такой Фетхуллах Гюлен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/312576-myatezhnik-ili-propovednik-kto-takoi-fethullah-gyulen> (дата обращения: 07.08.2025).

328. Коррупционный скандал в правительстве Турции привел к беспорядкам на улицах Стамбула [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2013-12-26/56701-korruptsionnyy_skandal_v_pravitelstve_turtsii_privel_k_besporyadkam_na_ulitsah_stambula (дата обращения: 07.08.2025).

329. «Yolsuzluk» 10 İlde Protesto Edildi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.haberler.com/guncel/10-ilde-yolsuzluga-karsi-protesto-yapildi-5480744-haberi/> (дата обращения: 07.08.2025).

330. Darbe girişimi – Erdoğan'dan ABD'ye Gülen çağrısı: İade edin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-36817278> (дата обращения: 08.08.2025).

331. В Турции заявили о причастности к мятежу военных с базы НАТО Инджирлик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2016/578a917c9a79473169e64bee> (дата обращения: 09.08.2025).

332. FETÖ [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Турецкой Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/feto.tr.mfa> (дата обращения: 09.08.2025).

333. Ахмедов Т. А. Война в городах Северного (Турецкого) Курдистана в 2015–2016 гг.: истоки, ход и последствия / Т. А. Ахмедов // Вестник Томского государственного университета, № 485, 2022. – С. 80-86.

334. PKK saldırıları, devlet operasyonları: Neden şimdi? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/turkce/haberler/2015/07/150728_turkiye_pkk_neden_simdi (дата обращения: 11.08.2025).

335. Иванов С. Конституционная реформа в Турции и ее возможные последствия / С. Иванов // Зарубежное военное обозрение, 7/2017. – С. 26-29.

336. Марсель Салихов. Эрдоган против экономики: почему закончилось «турецкое чудо» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/08/2018/5b73ca9b9a7947e81e55e3c5> (дата обращения: 12.08.2025).

337. Шумилов М. М., Нуруллаев Ш. Х. РЗК С-400 как фактор изменений в турецко-американских отношениях [Электронный ресурс] / М. М. Шумилов, Ш. Х. Нуруллаев // Портал КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rzk-s-400-kak-faktor-izmeneniy-v-turetsko-amerikanskih-otnosheniyah> (дата обращения: 12.08.2025).

338. Зубов В. В. Взаимодействие Европейского союза и Турции по проблеме миграционного кризиса: глубинные противоречия как следствие изменения баланса сил / В. В. Зубов // Россия и мир, Гуманитарные науки, Вестник финансового университета, Т. 9, № 4, 2019. – С. 78-82.

339. Turkey's pursuit of contested oil and gas reserves has ramifications 'well beyond' the region [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2020/08/18/turkey-greece-clash-over-oil-and-gas-in-the-eastern-mediterranean.html> (дата обращения: 12.08.2025).

340. СМИ: в Турции арестовали 188 застройщиков и подрядчиков после землетрясений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/17145099> (дата обращения: 13.08.2025).

341. Cagaptay S. How Will Turkey's Earthquake Affect the Current Election Cycle? [Электронный ресурс] / S. Cagaptay // The Washington Institute for Near East

Policy. – Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/how-will-turkeys-earthquake-affect-current-election-cycle> (дата обращения: 13.08.2025).

342. Depremzedelere yardımlar vergi indirimine konu olacak [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/depremedelere-yardimlar-vergi-indirimine-konu-olacak/2813049> (дата обращения: 13.08.2025).

343. Ipsos Report: Only One-Third of Turks Are Satisfied with Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.paturkey.com/news/2025/ipsos-report-only-one-third-of-turks-are-satisfied-with-life-20519/> (дата обращения: 14.08.2025).

344. Соболев М. Электоральная география Турции и ее влияние на итоги электоральных циклов [Электронный ресурс] / М. Соболев // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/m-sobolev/elektoralnaya-geografiya-turtsii-i-ee-vliyanie-na-itogi-elektoralnykh/> (дата обращения: 15.08.2025).

345. Оппозиция Турции усомнилась в легитимности Эрдогана и бросила ему вызов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2025/3/23/1321657.html> (дата обращения: 15.08.2025).

346. Протесты в Турции: Эрдоган игнорирует и побеждает? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23646217> (дата обращения: 15.08.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 15. Инфляция в Турции (2002-2025 гг.)⁴⁵

Год	Рост инфляции (%)
2025	38,78%
2024	62,02%
2023	64,83%
2022	72,31%
2021	19,6%
2020	12,28%
2019	15,18%
2018	16,33%
2017	11,14%
2016	7,78%
2015	7,67%
2014	8,85%
2013	7,49%
2012	8,89%
2011	6,47%
2010	8,57%
2009	6,25%
2008	10,44%
2007	8,76%
2006	9,6%
2005	8,18%
2004	8,6%
2003	21,6%
2002	44,96%

⁴⁵ Составлено автором на основе источника [268].

Таблица 16. Индекс потребительских цен Турции (2002-2025 гг.)⁴⁶

Месяц-год	Месячное значение	Среднегодовое значение ⁴⁷
12-2025	30,89	35,18
11-2025	31,07	
10-2025	32,87	
09-2025	33,29	
08-2025	32,95	
07-2025	33,52	
06-2025	35,05	
05-2025	35,41	
04-2025	37,86	
03-2025	38,10	
02-2025	39,05	
01-2025	42,12	
12-2024	44,38	60,04
11-2024	47,09	
10-2024	48,58	
09-2024	49,38	
08-2024	51,97	
07-2024	61,78	
06-2024	71,6	
05-2024	75,45	
04-2024	69,8	
03-2024	68,5	
02-2024	67,07	
01-2024	64,86	
12-2023	64,77	53,44
11-2023	61,98	
10-2023	61,36	
09-2023	61,53	
08-2023	58,94	
07-2023	47,83	

⁴⁶ Составлено автором на основе источника [269].⁴⁷ Среднегодовое значение посчитано автором.

06-2023	38,21	
05-2023	39,59	
04-2023	43,68	
03-2023	50,51	
02-2023	55,18	
01-2023	57,68	
12-2022	64,27	71,98
11-2022	84,39	
10-2022	85,51	
09-2022	83,45	
08-2022	80,21	
07-2022	79,6	
06-2022	78,62	
05-2022	73,5	
04-2022	69,97	
03-2022	61,14	
02-2022	54,44	
01-2022	48,69	
12-2021	36,08	19,42
11-2021	21,31	
10-2021	19,89	
09-2021	19,58	
08-2021	19,25	
07-2021	18,95	
06-2021	17,53	
05-2021	16,59	
04-2021	17,14	
03-2021	16,19	
02-2021	15,61	
01-2021	14,97	
12-2020	14,6	12,26
11-2020	14,03	
10-2020	11,89	
09-2020	11,75	

08-2020	11,77	
07-2020	11,76	
06-2020	12,62	
05-2020	11,39	
04-2020	10,94	
03-2020	11,86	
02-2020	12,37	
01-2020	12,15	
12-2019	11,84	15,46
11-2019	10,56	
10-2019	8,55	
09-2019	9,26	
08-2019	15,01	
07-2019	16,65	
06-2019	15,72	
05-2019	18,71	
04-2019	19,5	
03-2019	19,71	
02-2019	19,67	
01-2019	20,35	
12-2018	20,3	16,22
11-2018	21,62	
10-2018	25,24	
09-2018	24,52	
08-2018	17,9	
07-2018	15,85	
06-2018	15,39	
05-2018	12,15	
04-2018	10,85	
03-2018	10,23	
02-2018	10,26	
01-2018	10,35	
12-2017	11,92	11,13
11-2017	12,98	

10-2017	11,9	
09-2017	11,2	
08-2017	10,68	
07-2017	9,79	
06-2017	10,9	
05-2017	11,72	
04-2017	11,87	
03-2017	11,29	
02-2017	10,13	
01-2017	9,22	
12-2016	8,53	7,78
11-2016	7	
10-2016	7,16	
09-2016	7,28	
08-2016	8,05	
07-2016	8,79	
06-2016	7,64	
05-2016	6,58	
04-2016	6,57	
03-2016	7,46	
02-2016	8,78	
01-2016	9,58	
12-2015	8,81	7,66
11-2015	8,1	
10-2015	7,58	
09-2015	7,95	
08-2015	7,14	
07-2015	6,81	
06-2015	7,2	
05-2015	8,09	
04-2015	7,91	
03-2015	7,61	
02-2015	7,55	
01-2015	7,24	

12-2014	8,17	8,85
11-2014	9,15	
10-2014	8,96	
09-2014	8,86	
08-2014	9,54	
07-2014	9,32	
06-2014	9,16	
05-2014	9,66	
04-2014	9,38	
03-2014	8,39	
02-2014	7,89	
01-2014	7,75	
12-2013	7,4	7,49
11-2013	7,32	
10-2013	7,71	
09-2013	7,88	
08-2013	8,17	
07-2013	8,88	
06-2013	8,3	
05-2013	6,51	
04-2013	6,13	
03-2013	7,29	
02-2013	7,03	
01-2013	7,31	
12-2012	6,16	8,93
11-2012	6,37	
10-2012	7,8	
09-2012	9,19	
08-2012	8,88	
07-2012	9,07	
06-2012	8,87	
05-2012	8,28	
04-2012	11,14	
03-2012	10,43	

02-2012	10,43	6,45
01-2012	10,61	
12-2011	10,45	
11-2011	9,48	
10-2011	7,66	
09-2011	6,15	
08-2011	6,65	
07-2011	6,31	
06-2011	6,24	
05-2011	7,17	
04-2011	4,26	
03-2011	3,99	
02-2011	4,16	8,58
01-2011	4,9	
12-2010	6,4	
11-2010	7,29	
10-2010	8,62	
09-2010	9,24	
08-2010	8,33	
07-2010	7,58	
06-2010	8,37	
05-2010	9,1	
04-2010	10,19	
03-2010	9,56	
02-2010	10,13	6,28
01-2010	8,19	
12-2009	6,53	
11-2009	5,53	
10-2009	5,08	
09-2009	5,27	
08-2009	5,33	
07-2009	5,39	
06-2009	5,73	
05-2009	5,24	

04-2009	6,13	
03-2009	7,89	
02-2009	7,73	
01-2009	9,5	
12-2008	10,06	10,43
11-2008	10,76	
10-2008	11,99	
09-2008	11,13	
08-2008	11,77	
07-2008	12,06	
06-2008	10,61	
05-2008	10,74	
04-2008	9,66	
03-2008	9,15	
02-2008	9,1	
01-2008	8,17	
12-2007	8,39	8,78
11-2007	8,4	
10-2007	7,7	
09-2007	7,12	
08-2007	7,39	
07-2007	6,9	
06-2007	8,6	
05-2007	9,23	
04-2007	10,72	
03-2007	10,86	
02-2007	10,16	
01-2007	9,93	
12-2006	9,65	9,59
11-2006	9,86	
10-2006	9,98	
09-2006	10,55	
08-2006	10,26	
07-2006	11,69	

06-2006	10,12	
05-2006	9,86	
04-2006	8,83	
03-2006	8,16	
02-2006	8,15	
01-2006	7,93	
12-2005	7,72	8,19
11-2005	7,61	
10-2005	7,52	
09-2005	7,99	
08-2005	7,91	
07-2005	7,82	
06-2005	8,95	
05-2005	8,7	
04-2005	8,18	
03-2005	7,94	
02-2005	8,69	
01-2005	9,24	
12-2004	9,32	10,66
11-2004	9,79	
10-2004	9,86	
09-2004	9	
08-2004	10,04	
07-2004	9,57	
06-2004	8,93	
05-2004	8,88	
04-2004	10,18	
03-2004	11,83	
02-2004	14,28	
01-2004	16,22	
12-2003	18,36	25,54
11-2003	19,25	
10-2003	20,78	
09-2003	23	

08-2003	24,91	47,2
07-2003	27,44	
06-2003	29,76	
05-2003	30,74	
04-2003	29,45	
03-2003	29,41	
02-2003	27,01	
01-2003	26,38	
12-2002	29,75	
11-2002	31,77	
10-2002	33,45	
09-2002	37,05	
08-2002	40,24	
07-2002	41,28	
06-2002	42,6	
05-2002	46,22	
04-2002	52,72	
03-2002	65,11	
02-2002	73,08	
01-2002	73,16	

Таблица 17. Индекс цен производителей Турции (2004-2025 гг.)⁴⁸

Месяц-год	Месячное значение	Среднегодовое значение ⁴⁹
12-2025	27,67	25,32
11-2025	27,23	
10-2025	27,00	
09-2025	26,59	
08-2025	25,16	
07-2025	24,19	
06-2025	24,45	
05-2025	23,13	
04-2025	22,50	

⁴⁸ Составлено автором на основе источника [270].

⁴⁹ Среднегодовое значение посчитано автором.

03-2025	23,50	
02-2025	25,21	
01-2025	27,20	
12-2024	28,52	42,23
11-2024	29,47	
10-2024	32,24	
09-2024	33,09	
08-2024	35,75	
07-2024	41,37	
06-2024	50,09	
05-2024	57,68	
04-2024	55,66	
03-2024	51,47	
02-2024	47,29	
01-2024	44,2	
12-2023	44,22	52,17
11-2023	42,25	
10-2023	39,39	
09-2023	47,44	
08-2023	49,41	
07-2023	44,5	
06-2023	40,42	
05-2023	40,76	
04-2023	52,11	
03-2023	62,45	
02-2023	76,61	
01-2023	86,46	
12-2022	97,72	128,09
11-2022	136,02	
10-2022	157,69	
09-2022	151,5	
08-2022	143,75	
07-2022	144,61	
06-2022	138,31	

05-2022	132,16		
04-2022	121,82		
03-2022	114,97		
02-2022	105,01		
01-2022	93,53		
12-2021	79,89	43	
11-2021	54,62		
10-2021	46,31		
09-2021	43,96		
08-2021	45,52		
07-2021	44,92		
06-2021	42,89		
05-2021	38,33		
04-2021	35,17		
03-2021	31,2		
02-2021	27,09		
01-2021	26,16		
12-2020	25,15		12,14
11-2020	23,11		
10-2020	18,2		
09-2020	14,33		
08-2020	11,53		
07-2020	8,33		
06-2020	6,17		
05-2020	5,53		
04-2020	6,71		
03-2020	8,5		
02-2020	9,26		
01-2020	8,84		
12-2019	7,36	18,9	
11-2019	4,26		
10-2019	1,7		
09-2019	2,45		
08-2019	13,45		

07-2019	21,66	
06-2019	25,04	
05-2019	28,71	
04-2019	30,12	
03-2019	29,64	
02-2019	29,59	
01-2019	32,93	
12-2018	33,64	26,74
11-2018	38,54	
10-2018	45,01	
09-2018	46,15	
08-2018	32,13	
07-2018	25	
06-2018	23,71	
05-2018	20,16	
04-2018	16,37	
03-2018	14,28	
02-2018	13,71	
01-2018	12,14	
12-2017	15,47	15,81
11-2017	17,3	
10-2017	17,28	
09-2017	16,28	
08-2017	16,34	
07-2017	15,45	
06-2017	14,87	
05-2017	15,26	
04-2017	16,37	
03-2017	16,09	
02-2017	15,36	
01-2017	13,69	
12-2016	9,94	4,3
11-2016	6,41	
10-2016	2,84	

09-2016	1,78	
08-2016	3,03	
07-2016	3,96	
06-2016	3,41	
05-2016	3,25	
04-2016	2,87	
03-2016	3,8	
02-2016	4,47	
01-2016	5,94	
12-2015	5,71	5,27
11-2015	5,25	
10-2015	5,74	
09-2015	6,92	
08-2015	6,21	
07-2015	5,62	
06-2015	6,73	
05-2015	6,52	
04-2015	4,8	
03-2015	3,41	
02-2015	3,10	
01-2015	3,28	
12-2014	6,36	10,29
11-2014	8,36	
10-2014	10,1	
09-2014	9,84	
08-2014	9,88	
07-2014	9,46	
06-2014	9,75	
05-2014	11,28	
04-2014	12,98	
03-2014	12,31	
02-2014	12,4	
01-2014	10,72	
12-2013	6,97	4,48

11-2013	5,67	
10-2013	6,77	
09-2013	6,23	
08-2013	6,38	
07-2013	6,61	
06-2013	5,23	
05-2013	2,17	
04-2013	1,7	
03-2013	2,3	
02-2013	1,84	
01-2013	1,88	
12-2012	2,45	6,16
11-2012	3,6	
10-2012	2,57	
09-2012	4,03	
08-2012	4,56	
07-2012	6,13	
06-2012	6,44	
05-2012	8,06	
04-2012	7,65	
03-2012	8,22	
02-2012	9,15	
01-2012	11,13	
12-2011	13,33	11,07
11-2011	13,67	
10-2011	12,58	
09-2011	12,15	
08-2011	11	
07-2011	10,34	
06-2011	10,19	
05-2011	9,63	
04-2011	8,21	
03-2011	10,08	
02-2011	10,87	

01-2011	10,8	
12-2010	8,87	8,5
11-2010	8,17	
10-2010	9,92	
09-2010	8,91	
08-2010	9,03	
07-2010	8,24	
06-2010	7,64	
05-2010	9,21	
04-2010	10,42	
03-2010	8,58	
02-2010	6,82	
01-2010	6,3	
12-2009	5,93	
11-2009	1,51	
10-2009	0,19	
09-2009	0,47	
08-2009	-1,04	
07-2009	-3,75	
06-2009	-1,86	
05-2009	-2,46	
04-2009	-0,35	
03-2009	3,46	
02-2009	6,43	
01-2009	7,9	
12-2008	8,11	12,7
11-2008	12,25	
10-2008	13,29	
09-2008	12,49	
08-2008	14,67	
07-2008	18,41	
06-2008	17,03	
05-2008	16,53	
04-2008	14,56	

03-2008	10,5		
02-2008	8,15		
01-2008	6,44		
12-2007	5,94	6,41	
11-2007	5,65		
10-2007	4,41		
09-2007	5,02		
08-2007	3,72		
07-2007	2,08		
06-2007	2,89		
05-2007	7,14		
04-2007	9,68		
03-2007	10,92		
02-2007	10,13		
01-2007	9,37		
12-2006	11,58		9,31
11-2006	11,67		
10-2006	10,94		
09-2006	11,19		
08-2006	12,32		
07-2006	14,34		
06-2006	12,52		
05-2006	7,66		
04-2006	4,96		
03-2006	4,21		
02-2006	5,26		
01-2006	5,11		
12-2005	2,66	6,03	
11-2005	1,6		
10-2005	2,57		
09-2005	4,38		
08-2005	4,32		
07-2005	4,26		
06-2005	4,25		

05-2005	5,59	14,55
04-2005	10,17	
03-2005	11,33	
02-2005	10,58	
01-2005	10,7	
12-2004	15,35	
11-2004	17,15	
10-2004	19,63	
09-2004	17,99	
08-2004	17,04	
07-2004	16,54	
06-2004	17,84	
05-2004	16,62	
04-2004	10,47	
03-2004	7,13	
02-2004	8,36	
01-2004	10,5	

Таблица 18. Размер ВВП, объем госдолга, отношение величины госдолга к ВВП Турции (2002-2024 гг.)^{50; 51}

Год	Размер ВВП ⁵²	Объем госдолга ⁵³	Отношение величины госдолга к ВВП
2024	1 322 405	343 429	25,97%
2023	1 130 062	330 656	29,26%
2022	905 800	278 986	30,8%
2021	807 893	326 227	40,38%
2020	717 114	282 901	39,45%
2019	760 388	246 290	32,39%

⁵⁰ Составлено автором на основе источников [271] [272].

⁵¹ Доступные данные ограничены 2024 г.

⁵² Данные представлены в миллиардах долларов США.

⁵³ Данные представлены в миллиардах долларов США.

Год	Размер ВВП ⁵²	Объем госдолга ⁵³	Отношение величины госдолга к ВВП
2018	797 707	238 195	29,86%
2017	859 020	238 636	27,78%
2016	869 204	241 204	27,75%
2015	867 054	235 492	27,16%
2014	939 924	265 811	28,28%
2013	958 088	295 953	30,89%
2012	877 681	282 877	32,23%
2011	837 924	300 899	35,91%
2010	777 443	307 168	39,51%
2009	651 513	281 519	43,21%
2008	782 851	295 526	37,75%
2007	682 992	257 898	37,76%
2006	552 332	244 296	44,23%
2005	504 800	253 410	50,2%
2004	407 024	232 655	57,16%
2003	316 540	206 257	65,16%
2002	238 150	170 301	71,51%

Таблица 19. Динамика роста ВВП Турции (2002-2024 гг.)^{54; 55}

Квартал-год	Квартальное значение ⁵⁶	Среднегодовое значение ⁵⁷
4-2024	3	3,22
3-2024	2,2	

⁵⁴ Составлено автором на основе источника [273].

⁵⁵ Доступные данные ограничены 2024 г., т.к. 2025 г. представлен в неполном значении.

⁵⁶ Данные представлены в миллиардах долларов США.

⁵⁷ Среднегодовое значение посчитано автором.

2-2024	2,4	
1-2024	5,3	
4-2023	4	4,5
3-2023	6,1	
2-2023	3,9	
1-2023	4	
4-2022	3,3	5,7
3-2022	4,1	
2-2022	7,6	
1-2022	7,8	
4-2021	9,7	11,87
3-2021	8	
2-2021	22,3	
1-2021	7,5	
4-2020	6,3	1,65
3-2020	6,4	
2-2020	-10,4	
1-2020	4,3	
4-2019	5,9	0,7
3-2019	1	
2-2019	-1,6	
1-2019	-2,5	
4-2018	-2,6	3,32
3-2018	2,5	
2-2018	5,9	
1-2018	7,5	
4-2017	7,3	7,42
3-2017	11,8	
2-2017	5,3	
1-2017	5,3	
4-2016	4,4	3,4
3-2016	-0,7	
2-2016	5	
1-2016	4,9	

4-2015	7,6	6
3-2015	5,7	
2-2015	7,2	
1-2015	3,5	
4-2014	5,5	5,07
3-2014	3,4	
2-2014	2,8	
1-2014	8,6	
4-2013	7	8,5
3-2013	8,9	
2-2013	9,7	
1-2013	8,4	
4-2012	4,2	4,87
3-2012	3,6	
2-2012	5	
1-2012	6,7	
4-2011	10	11,22
3-2011	11,6	
2-2011	11,5	
1-2011	11,8	
4-2010	9,7	8,35
3-2010	8,7	
2-2010	8,1	
1-2010	6,9	
4-2009	3	-4,97
3-2009	-1,6	
2-2009	-6,8	
1-2009	-14,5	
4-2008	-6	1,15
3-2008	1	
2-2008	2,3	
1-2008	7,3	
4-2007	5,5	5,12
3-2007	3,6	

2-2007	3,2	
1-2007	8,2	
4-2006	6,2	7,02
3-2006	6	
2-2006	9,4	
1-2006	6,5	
4-2005	10,4	9
3-2005	8,1	
2-2005	7,9	
1-2005	9,6	
4-2004	8,5	9,92
3-2004	8,4	
2-2004	11,8	
1-2004	11	
4-2003	6,8	5,75
3-2003	5,9	
2-2003	3,6	
1-2003	6,7	
4-2002	11,2	6,27
3-2002	7	
2-2002	7,9	
1-2002	-1	

Таблица 20. Дефицит государственного бюджета Турции (2002-2024 гг.)^{58; 59}

Год	Дефицит бюджета ⁶⁰	Доля в ВВП (%ВВП)
2024	62,054	-4,57%
2023	60,155	-5,22%
2022	10,133	-1,1%
2021	24,632	-2,98%

⁵⁸ Составлено автором на основе источника [274].

⁵⁹ Доступные данные ограничены 2024 г.

⁶⁰ Данные представлены в миллиардах долларов США.

Год	Дефицит бюджета ⁶⁰	Доля в ВВП (%ВВП)
2020	33,856	-4,64%
2019	36,362	-4,69%
2018	25,002	-3,1%
2017	16,13	-1,87%
2016	14,592	-1,68%
2015	4,443	-0,51%
2014	9,088	-0,96%
2013	11,607	-1,21%
2012	15,68	-1,78%
2011	2,967	-0,35%
2010	23,441	-2,6%
2009	33,737	-7%
2008	16,781	-2,8%
2007	9,396	-1,5%
2006	1,207	0,8%
2005	3,781	-1,2%
2004	16,776	-4,4%
2003	23,968	-9%
2002	27,005	-10,2%

Таблица 21. Оборонный бюджет Турции (2002-2024 гг.)⁶¹

Год	Оборонный бюджет ⁶²
2024	24 979

⁶¹ Доступные данные ограничены 2024 г.

⁶² Данные представлены в миллиардах долларов США.

2023	19 578
2022	15 037
2021	15 255
2020	15 783
2019	20 437
2018	19 649
2017	17 823
2016	17 828
2015	15 669
2014	17 577
2013	18 428
2012	17 694
2011	17 006
2010	17 650
2009	16 048
2008	16 810
2007	14 988
2006	13 037
2005	12 081
2004	10 921
2003	10 278
2002	9 050